

ГОРЬКИЙ — К. А. ФЕДИН

Публикуемая переписка Горького с Константином Александровичем *Фединым* (р. 1892), содержащая семьдесят писем, воссоздает картину творческих взаимоотношений писателей на протяжении многих лет.

«Я не только ваш „старый“ ученик, но и старый читатель; читаю я вас лет двадцать, с 1905 года...», — писал Федин Горькому в одном из писем. Переписка началась в январе 1920 г., когда молодой Федин обратился к Горькому с письмом, спрашивая: «...где, в каком направлении и как должен я искать себя?» Одновременно с письмом он послал Горькому несколько своих произведений, опубликованных в периодической печати. В начале февраля того же года произошла первая встреча писателей в издательстве З. И. Гржебина. «Выйдя от Алексея Максимовича, — вспоминал Слонимский, — Федин повторял в чрезвычайном волнении:

— Горький сказал мне, что я буду писателем!» («Литературный современник», 1941, № 6, стр. 110).

Горький принял горячее участие в судьбе Федина. Большое значение имели для Федина горьковские оценки его ранних произведений: «Сад», «Тишина», «Анна Тимофеевна» и др. Особенное внимание уделил Горький первому роману Федина «Города и годы», который был прочитан им дважды. После отъезда за границу Горький продолжает следить за работой Федина, неоднократно осведомляясь о нем в письмах к разным лицам. В письме к Н. С. Тихонову от 25 января 1925 г. Горький писал: «Да, Федин написал хорошую книгу, и хорош рассказ „Тишина“ — по форме хорош. Я очень люблю его, Ф(едина), настоящий, отлично родившийся человек» (АГ).

В этот период личное общение заменяется постоянной перепиской между писателями. В письмах к Горькому Федин делится своими исканиями, сомнениями, удачами и неудачами, всегда чутко прислушиваясь к советам Горького. Писателями обсуждаются общие проблемы литературного творчества, имеющие актуальное значение для развития молодой советской литературы.

В ряде конкретных литературных оценок, содержащихся в письмах, большое место уделяется группе «Серрапионовы братья», участником которой был Федин. В приложении печатаются: статья Горького «Группа „Серрапионовы братья“», написанная в качестве предисловия к переводам рассказов К. Федина «Сад» и Зошенко «Виктория Казимировна», а также отзыв Горького о рассказах В. Каверина, Вс. Иванова, М. Зошенко и М. Слонимского. В статье о «Серрапионовых братьях» отразилась известная противоречивость идейно-эстетических позиций Горького начала двадцатых годов. Борясь за активное, подлинно гуманистическое революционное искусство, Горький вместе с тем в ряде высказываний тех лет явно недооценивал значение четко выраженной общественно-политической направленности в творчестве художника.

В переписке конца двадцатых — начала тридцатых годов отражена общественно-литературная деятельность Федина: его работа как одного из руководителей «Изд-ва писателей в Ленинграде», активного участника издания серии «Библиотека поэта», сотрудничества редакций «История фабрик и заводов» и «История гражданской войны».

В многочисленных статьях (см. библиографию высказываний советских писателей о Горьком, составленную К. Д. Муратовой, в сборнике «Вопросы литературы», т. 1. М., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 409—410) и в книге «Горький среди нас» Федин обрисовал роль Горького в развитии советской литературы и своей собственной литератур-

пой судьбе (ч. I. «Двадцатые годы». М., Гослитиздат, 1943; ч. II. «Картины литературной жизни». М., Гослитиздат, 1944. См. также Конст. Ф е д и н. Собр. соч. в 9 томах, т. 9, М. Гослитиздат, 1962, стр. 200—202).

Семь писем Горького вошло в тридцатитомное Собрание сочинений (т. 29, №№ 792, 815, 821; т. 30, №№ 1004, 1046, 1066, 1140).

Ниже публикуются двадцать девять писем Горького и сорок одно письмо Федина. Часть писем Горького Федину в отрывках была опубликована в книге Федина «Горький среди нас».

Необходимо отметить большую дружескую помощь, которую оказал Федин Архиву А. М. Горького в подготовке его переписки с Горьким. Некоторые сведения, сообщенные Феदिным, включены в примечания и отмечены инициалами «К. Ф.».

Все письма Горького к Федину, а также письмо Горького к Д. Н. Аврову (в примечаниях к письму 2) печатаются по подлинникам, хранящимся у адресата.

1

ФЕДИН — ГОРЬКОМУ

Петербург. 28 янв(аря) 1920.

Алексей Максимович,

просьба, с которой я обращаюсь к вам — не прихоть и не случайность. Внутренний голос, толкающий меня написать вам, сломил в конце концов возражения, которые нашлись у меня против, и я сдался. Я чувствую, что выходит нелепо, как нелепа всякая откровенность, которой никто не ищет, но не могу начать иначе. Я избрал именно этот путь — письменное обращение — чтобы, не отнимая у вас времени больше, чем вы захотите уделить, дать сложиться вашему мнению независимо от тех или иных качеств моей личности.

Начиная с юношеских лет, я не только мечтаю о литературной работе; я учусь, работаю, достигаю. Но вся моя жизнь слагалась до сих пор так, что я ни разу не встретил оценки моих способностей, оценки, которой я мог бы поверить и которая была бы для меня решающей.

О такой решающей оценке я и прошу вас.

Воспитав себя в мысли, что я — беллетрист, я иду ощупью, то отчаяваясь, то загораясь уверенностью, производя эксперименты, бросаюсь из стороны в сторону. У меня нет и не было живого учителя, который сказал бы: вот это — дрянь, а это — хорошо.

Мне кажется иногда, что мои рассказы — публицистика... и, может быть, я должен искать себя в ней?

В дни отчаяния чувствую я, как вот-вот готова рухнуть вера моя в себя — писателя. Но она вспыхивает помимо моей воли всякий раз, как только воображение дарит меня новым образом. Здесь не может быть врача. и я не ищу исцеления, потому что в этих падениях и взлетах и есть восторг работы. Но мне нужно, необходимо нужно знать, где, в каком направлении и как должен я искать себя.

И я почему-то уверен (и эта уверенность заставила меня сесть за письмо), что вы можете помочь мне, сказав, что у меня скверно и в чем могу я достичь хорошего.

То, что я посылаю вам — не лучшее, но и не худшее из моих работ — мое обычное (рассказы «Прискорбие», «Дядя Кисель» и статья «И на земле мир»)¹.

О том, что они скажут вам, прошу вас дать мне знать письменно или как найдете удобнее.

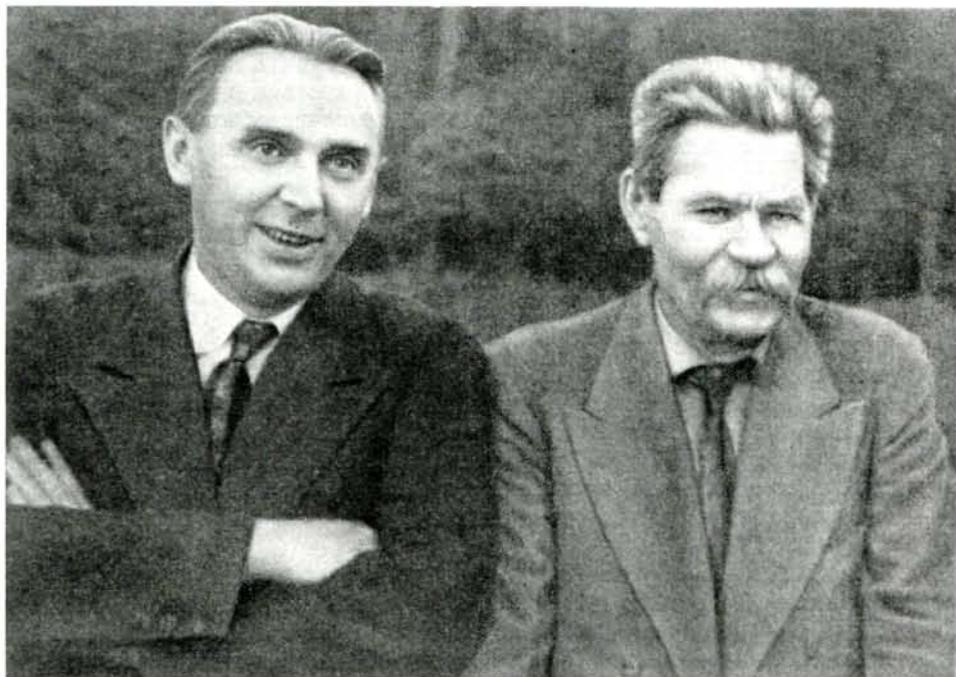
Примите уверение в искренней любви к вам.

Константин Ф е д и н

«Это первое мое письмо Горькому, за которым последовало его приглашение прийти к нему — и наше знакомство». — *К. Ф.*

¹ Рассказ «Прискорбие», по сообщению Федина, был забракован Горьким и не публиковался. Рассказ «Дядя Кисель» впервые опубликован в газете «Сызранский коммунар», 1919, №№ 56 и 57, от 22 и 23 ноября. Он получил вторую премию на литературном конкурсе газеты «Роста» в 1919 г. Позднее образ дяди Киселя был перенесен Фединым в роман «Города и годы» («Глава о девятьсот восемнадцатом»).

Статья «И на земле мир» напечатана в журнале «Отклики» (Сызрань), 1919, № 6.

ГОРЬКИЙ и К. А. ФЕДИН
Фотография, Горки, 1934 г.
Музей Горького, Москва

2

ФЕДИН — ГОРЬКОМУ

1 июля 1920. Петербург.

Дорогой Алексей Максимович,

Недаром вы советовали мне не зарекаться: почти два месяца прошло с тех пор, как был я у вас последний раз и обещал не показываться на глаза иначе, как с законченной частью своей драмы¹. Признаться, нарочно связал себя таким словом в надежде подогнать в работе, потому что знал, что увидеть вас потянет очень скоро. Может, об этом не нужно бы лучше говорить, но ведь и за это письмо сел я, уступая все той же потребности говорить с вами, потребности, преобороть которую не в моих силах. Последнее время был даже рад, что вы отсутствовали из Петрограда². Иначе непременно пришел бы к вам. Прийти же боялся не потому, что дал глупое слово не являться, пока не напишу своего «урока», а потому, что знал, что, придя, непременно начну с того, почему не исполнил урока, и получится что-то жалостное, словно пришел на судьбу поплакать.

В то же время страшно хочется дать вам знать, что работа моя не канула в Лету, а по-прежнему волнует и занимает меня. Даже, пожалуй, еще больше волнует, чем прежде, потому что взглянешь на исчерканные листы, подумаешь, что *и сегодня* не прикоснешься к ним, как вчера, третьего дня, и такое найдет, что хоть головой о стену бейся.

И как же тут не поплакать на судьбу! Газетная работа ³, которую возненавидел с тех пор, как узнал, пожирает время и силы, подобно тощей фараоновой корове. Все, что внутри меня, тянется к работе иной. Не только сознание того, что писать *надо*, как вы не раз говорили мне, но и негаснущее *желание* писать захлестнули меня какой-то петлей постоянной напряженности, и даже во сне я думаю, как бы урвать минутку для «своей» работы. Но нужно измышлять фельетоны, копаться в провинциальных газетах, читать новые книжки и журналы, по вечерам корпеть над телеграммами, резолюциями, письмами, а по ночам, сплошь и рядом, верстать газету.

Конечно, урвать минутку удается. Но ведь это — мученье! И иногда так хочется взвыть по-звериному, опуститься куда попало — на землю, на пол — и вопить, вопить до потери сознания. Этого я боюсь и изо всех сил отучаю себя от «чувствительности».

И все-таки — видите — не удержался, поплакался.

В настроении моем преобладает какое-то странное злорадство, в котором не могу разобраться. Чем больше я занят, чем тяжелее живется мне, тем с большей страстностью отдаюсь я старой мечте своей: стать «настоящим писателем». И тут уверенная радость того, что я могу, доходит до неистовства, и тогда, в горькой обиде на несвободу свою, я готов кричать назло всем препонам, тяготам и нужде:

— Наваливайтесь, давите его, ни вздоху ему ни передышки, выдержит, живуч!..

Должно, и правда — выдержу.

Хочется скорее довести задуманную часть работы до конца. Часть эта («Бакунин в Дрездене») состоит из двух сцен, первую из которых я теперь заканчиваю. Решил обойтись (в этой части работы) без книги, на которую возлагаю большие надежды и которой пользовались все биографы М. А. Бакунина (Max Nettlau «Michel Bakunin» ⁴). Здешняя публичная библиотека свой единственный экземпляр этого сочинения отослала в Москву. В конце мая, пользуясь отпуском, ездил туда, но и в Румянцевском книги Неттлау не оказалось. В дальнейшем без нее не обойтись, да и теперь, думаю, знакомство с ней могло бы во многом помочь мне.

Вот написал вам, дорогой Алексей Максимович, и от одной этой мысли хорошо стало. Теперь буду жить надеждой, что скоро кончу работу и отдам ее на ваш суд. Пока же примите уверения в моей глубокой любви.

Преданный вам

Константин Ф е д и н

В редакцию «Северного сияния» ⁵ заходил всего один раз, не застал там никого, а после не выбрал времени. Думаю, что это дело терпит.

К. Ф.

¹ Пьеса «Бакунин в Дрездене» была начата Фединым по предложению Горького написать что-либо для задуманной им в 1919 г. серии драматических картин и инсценировок на темы истории культуры всех веков и народов. Горький написал статью «Инсценировка истории культуры» («Жизнь искусства», 1919, №№ 251—254) и составил несколько планов таких инсценировок, один из которых опубликован в сб.: М. Горький. Материалы и исследования, т. I. Л., Изд-во АН СССР, 1934.

² С 14 по 25 июня 1920 г. Горький находился в Москве.

³ В это время Федин сотрудничал в ряде периодических изданий («Петроградская правда», «Боевая правда», «Известия Петросовета» и др.).

Стремясь помочь Федину, Горький решил привлечь его к работе Экспертной комиссии при Петроградском отделении Народного комиссариата торговли и промышленности (в задачу возглавлявшейся Горьким комиссией входил учет, соби́рание и охрана художественных ценностей).

Приводим письмо Горького к коменданту Петроградского укрепленного района Д. Н. Аврову (1891?—1921?).

⟨Петроград, 25 декабря 1920 г.⟩

Уважаемый товарищ Авров!

Я убедительно прошу вас откомандировать подателя сего Константина Федина в Экспертную комиссию при Комвнешторге, в Петрограде.

Основания просьбы моей таковы: постановлением Совнаркома от 23/Х Петроградская Экспертная комиссия усиливается до 200 человек, ибо работа ее признана очень важной. В этой работе необходимо участие людей, которые не могут соблазняться разными блестящими пустяками, людей честных и серьезных. Я знаю, что Федин именно таков и что его участие в работе комиссии даст хорошие результаты. Очень прошу вас дать его мне.

Помимо этого — Федин обладает недюжинным литературным дарованием, которое требует развития. В Экспертной ком(иссии) он имел бы часа два-три в сутки для работы над собой, чего невозможно достичь, работая в газете.

Думаю, что вы не откажете помочь мне и этому юноше, заслуживающему серьезного внимания.

Привет

М. Горький

25. XII. 20.

⁴ Max Nettlau. Michel Bakunin. Eine biographische Skizze. Berlin, Pawlowitsch, 1901. Русский перевод: Макс Н е т т л а у. Жизнь и деятельность Михаила Бакунина. М., «Голос труда», 1920.

⁵ «Северное сияние» — журнал для детей, выходивший в Петрограде с февраля 1919 г. по декабрь 1920 г. под ред. Горького. Федин в журнале не печатался.

3

ФЕДИН — ГОРЬКОМУ

Петербург. 1921, 17 марта.

Дорогой Алексей Максимович!

Пишу вам, потому что мои старания увидеть вас в последние дни были безуспешны и потому что я слышал, что вы опять уезжаете в Москву¹.

Начну с самого важного для меня: прошу о дальнейшей поддержке моего «Бакунина»...

Мне как-то стыдно благодарить вас за то, что вы сделали для меня². Когда я думаю об этом, мне кажется, что вы должны очень устать от частых, вероятно, выражений признательности. Но не чувствовать в душе глубочайшей благодарности я не могу — это мое состояние, — и мне хочется хоть раз сказать вам об этом.

Над «Бакуниным» я работаю все время с таким чувством, что вы «помогаете», и теперь так нужно, чтобы труд во что-то воплотился, чтобы что-то осуществилось.

Если можно, сделайте так, чтобы «Бакунин в Дрездене» был поставлен в Москве или здесь (лучше здесь: хочется работать и дальше, в театре — ведь это — «воплощение»). Все несчастье в рукописях. Неужели они не нашлись? Сейчас у меня только первый список первого акта (вернул К. И. Чуковский); первый список второго акта вы брали с собой в Москву, а второй список обоих актов — всю пьесу, с постановлением ПТО — передали, кажется, Марии Федоровне³ еще в январе. Если рукописи не найдутся и если будет нужно, — напишу новый экземпляр от руки.

Прочитав первый акт, вы говорили мне, что находите нужным напечатать его. Вашего мнения о втором акте я так и не узнал (письмо ваше из Москвы⁴, на мое горе, затерялось бесследно).

Может быть, следовало бы издать пьесу отдельной книжкой: эта часть — совершенно самостоятельное целое. И если да, то мог ли бы

я просить вас написать к пьесе короткое предисловие? На эти вопросы скажите мне что-нибудь до отъезда в Москву, если найдете время.

Насчет «Нашего журнала» я писал Г. Сухановой⁵, но пока не получил никакого ответа, а без него нет уверенности даже в том, живо ли намерение издавать журнал. Не откажите, дорогой Алексей Максимович, сказать Сухановой, что я жду повелений редакции.

Желаю вам всего доброго.

Ваш Константин Ф е д и н

Адрес мой: Стремянная, 16, кв. 12.

Телефоны: от 12 до 4-х — 2.65.10,

после 5-ти — 2.46.27.

¹ 25 марта 1921 г. Горький выехал из Петрограда в Москву.

² Речь идет о материальной помощи Горького, благодаря которой Федин смог поправиться после перенесенной им тяжелой операции. См. письмо 39.

³ Мария Федоровна *Андреева* с 1918 по 1921 г. была комиссаром театров и зрелищ Союза коммун Северной области, то есть театров Петрограда и пяти прилегающих к нему губерний.

⁴ «Речь идет о письме Горького по поводу 2-го акта моих драматических сцен — „Бакунин в Дрездене“; в этом письме, посланном Горьким из Москвы в Петербург с оказией и недоставленном мне, он давал свой отзыв о 2-м акте „сцен“. Постановление ТЕО (Петрогр. театрального) заключалось в одобрении „Бакунина“ и в решении поставить пьесу на сцене, что не было осуществлено ввиду неодобрения „сцен“ Петроградским Пролеткультом (А. И. Самобытником и И. Садофьевым)». — *К. Ф.*

⁵ «Наш журнал» — журнал промышленной пропаганды для рабочих. Издавался в 1921 г. редакционно-издательским отделом ВСНХ по инициативе Горького, который собрал вокруг журнала рабочих корреспондентов, журналистов и молодых писателей. В первом номере журнала (май) была напечатана статья Горького «К читателям», характеризующая направление и задачи журнала. В связи с отъездом Горького за границу журнал прекратил свое существование.

Галина Константиновна *Суханова* (Флаксерман) (1888—1950) — секретарь редакции «Нашего журнала». Ранее работала секретарем редакции «Летописи».

«Горький предложил написать ч(то)-н(и)будь для журнала. Я спросил Суханову — что именно редакцию интересует. Тем дело и кончилось». — *К. Ф.*

4

ФЕДИН — ГОРЬКОМУ

Петербург. 28.VIII.1922.
Литейный, 33, кв. 13.

Дорогой Алексей Максимович.

Весной этого года послал вам предлинное письмо, рассказав о всех Серапионах. Оказывается, вы не получили ни этого письма, ни книжки моей¹, ни писем других Серапионов. Шлю вам «Бакунина в Дрездене»² и «Сад»³ — это все, что удалось выпустить отдельным изданием. В Москве, в только что возникшем издательстве «Круг»⁴, куда входят от Серапионов Всево(лод) Иванов, Ник(олай) Никитин и я, в конце года выйдет первая моя книга рассказов «Пустырь»⁵. В нее включаю и повесть «Анна Тимофеевна» — сравнительно большую «историю одной жизни», которая будет напечатана сначала в альманахе «Круга». В «Круге» печатаются все Серапионы. Изд(атель)ство большое, и мы связываем с ним много надежд. Совсем было налажилось дело с изданием в Петерб(урге) серапионовского журнала⁶, но в последний момент затею пришлось отложить, как ни странно — не из-за денег. Журнал, по-видимому, все-таки будет.

Точно сговорившись, все мы засели за «романы». Всеволод работает сразу над двумя — «Голубые пески» и «Ситцевый зверь»⁷ (первый печатается в «Кр(асной) нови»), Слонимский пишет фантастическую авантюру из революционной поры⁸, Зощенко — цикл рассказов «Записки

бывшего офицера»⁹, я — роман о войне и революции¹⁰. Каверин (Зильбер) продолжает гофманианить, пересадив своих советников, мастеров и студентов на новгородско-московскую почву¹¹. Луниц написал новую трагедию¹², но не читал еще нам — выдерживает в столе.

Только один Никитин ездил этим летом «в вояж за впечатлениями», на Урал. Остальные побывали в пригороде, Москве, на даче. Не собирались, т(аким) обр(азом), всего две субботы и теперь серапионим нормальню.

Конст. Федин

БАКУНИН В ДРЕЗДЕНЕ

ТЕАТР В ДВУХ АКТАХ

 ПЕТЕРБУРГ
 ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
 1922

Посвящен

Максиму Горькому

*Дорогому
 Алексею Максимовичу
 душевному вниманию
 которого я бесконечно
 обязан.*

Конст. Федин

*Петерб.
 1922 г.*

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ К. А. ФЕДИНА НА ПЬЕСЕ «БАКУНИН В ДРЕЗДЕНЕ»
 (ПБ., 1922, С ПОСВЯЩЕНИЕМ ГОРЬКОМУ):

«Дорогому Алексею Максимовичу, душевному вниманию которого я бесконечно обязан.
 Конст. Федин. Петерб. 1922 г.»

Личная библиотека Горького

К сожалению, невозможно рассказать вам в письме, какая игра закрутилась вокруг братства¹³, как трудно бывало иной раз сохранить спокойствие и как, в сущности, удивительно, что мы не поползли каждый по особой дорожке, а продолжаем жить и работать скопом. Не знаю, но кажется, не было в России ни одной литературной группы, которая держалась бы так долго на одной дружбе (школы бывали, «направления» — тоже, но ведь у нас ни школ, ни направлений!). Все это радует и бодрит. Думаю, что через год все мы обрадуем вас, дорогой Алексей Максимович, каждый по-своему, хорошими книжками: на предстоящую зиму я крепко рассчитываю.

Еще о нас и о себе. Всех нас изумительно связало наше братство и взаправду сроднило. Все прошли какую-то неписаную науку, и науку эту можно выразить так: «писать очень трудно». Об этом как-то и все и всегда говорят. И это, думаю, верно. Я, по крайней мере, чувствую это болезненно, мне писать трудно и особенно трудно после того, как я сдружился с серапионовцами. Вот только на деле не решено для меня: просто ли писать трудно (Толстой) или мудрено (... Пильняк) и

не есть ли «трудность» искусства результат борьбы мудрености с простотой? Все такие вопросы приходится решать буквально на своей шкуре, на работе, бесконечно пробуя, нащупывая и примеривая. До сих пор я был не только убежден, но и видел (на работе), что содержание обуславливает собою форму произведения. Но в таком случае, чего ж я бьюсь над поисками формы (не над ее выделыванием), когда у меня есть тема, сюжет, какая-то музыкальная наполненность, словом — содержание. Очевидно, одно и то же можно сказать по-разному. А раз так — как идти, чтобы не сорваться в пропасть?

Я знаю, что в конечном счете все эти рассуждения выеденного яйца не стоят и что получится все само собой, выйдет, произойдет. Но на работе изо дня в день брать барьеры подобных сомнений и колебаний утомительно. И иногда мне кажется, что Серапионы помогают мне преодолеть препятствия, иногда — мешают. Но все дело в том, что этих препятствий было бы у меня куда меньше, если бы не Серапионы! А это хорошо.

Вам уже писали Всеволод и Слонимский, и вы, наверно, знаете, как мы были рады вашему письму¹⁴. Так хорошо, что вы помните нас, пишете и впредь.

Желаю вам всего доброго, жму руку. Как ваше здоровье?

Ваш Конст. Ф е д и н

Здесь был, проездом на родину, Соколов-Микитов¹⁵, рассказывал много. Говорил, что вы едва ли скоро вернетесь. А вас здесь ждут давно и крепко.

¹ «Бакуни в Дрездене. Театр в двух актах». П., Госиздат, 1922, с посвящением Горькому. Пьеса была напечатана также в альманахе «Наши дни», № 1. М., Госиздат, 1922.

² «Бакуни в Дрездене» был послан с надписью: «Дорогому Алексею Максимо- вичу, душевному вниманию которого я бесконечно обязан. Конст. Ф е д и н. Петер- бург», 1922» (ЛБГ).

³ Рассказ «Сад» был выпущен в 1922 г. издательством «Петроград» с подзаголов- ком: «На конкурсе Дома литераторов в Петрограде удостоен первой премии». По предложению Горького рассказ «Сад» вместе с рассказом Зощенко «Виктория Казими- ровна» был переведен на французский язык и напечатан в журнале «Disque vert», (Paris—Bruxelles), 1923, №№ 4—6, с предисловием Горького, посвященным харак- теристике группы «Серапионовы братья». См. стр. 561—564 (Приложение II).

⁴ «Круг» — издательство, организованное в 1922 г. См. Горький — Гладков, пись- мо 8, прим. 10.

⁵ «Пустырь». М. — Пг., «Круг», 1923. В сборник вошли: «Анна Тимофевна», «Сад», «Песнь души», «Конец мира», «Рассказ об одном утре», «Старший комендор», сказочки «Еж», «Блинки».

Повесть «Анна Тимофевна» напечатана в альманахе «Круг», кн. 2. М. — П., 1923. В этом же году вышло отдельное издание (Книгоизд-во писателей в Берлине).

⁶ Группа «Серапионовы братья» предполагала издавать журнал «Двадцатые годы». Издание не осуществилось. См. Горький — Слонимский, письмо 4.

⁷ Роман «Голубые пески» печатался в «Красной нови», 1922, №№ 3—6; 1923, №№ 1—3. Отдельное издание: М., «Круг», 1923, и одновременно — «Книгоизд-во писателей в Берлине».

«Ситцевый зверь», — по сообщению Вс. Иванова, это — неосуществленный замы- сел романа о партизанах Дальнего Востока.

⁸ «Трактат профессора Мясникова». См. Горький — Слонимский, письмо 4, прим. 4.

⁹ Этот замысел осуществлен не был.

¹⁰ «Города и годы».

¹¹ По-видимому, речь идет о рассказах «Инженер Шварц» и «Столяры», о кото- рых Каверин сообщил Горькому в письме от 22 ноября 1922 г.: «Это первый мой опыт о русских». См. Горький — Каверин, письмо 4.

¹² По-видимому, трагедия «Бертран де Борн» (напечатана в сб. «Город», кн. 1. Пг., 1923).

¹³ Речь идет о той резкой критике, которую вызвали выступления «серапио- новцев» в журнале «Литературные записки», 1922, № 3. См. Горький — Каверин, письмо 4, прим. 4.

¹⁴ См. Горький—Слонимский, письмо 4, прим. 1.

¹⁵ Иван Сергеевич *Соколов-Микитов* (р. 1892) — писатель. Познакомился с Горьким в 1917 г. в редакции «Новой жизни». Летом 1922 г., будучи в Германии, посетил Горького в Герингсдорфе.

5

ГОРЬКИЙ — ФЕДИНУ

⟨Герингсдорф. Начало сентября 1922 г.⟩

К. Ф е д и н у

Очень обрадован всем, что вы пишете о себе — и как пишете — о той душевной связи, которая скрепляет Серапионов. Ваша дружба — это, действительно, оригинальное, и ценное, и небывалое явление в литературе. Таланты столь разнообразные, так резко различимые — вы связаны не «тенденцией эпохи», не общностью философии, не «школой», наконец, а — видимо — чувством крепкой дружбы, углубленным — как мне хочется думать, и как это, вероятно, и есть — чувством искренней дружбы, углубленным общим для всех вас серьезным и любовным отношением к священному делу искусства. Не разрывайте этой связи — вот самый дельный совет, который может дать вам всякий человек, который внимательно присмотрится к вашей работе и честно оценит ее крупное значение. Дружба — чувство, плохо развитое в России, и если вам удастся надолго сохранить его, оно будет и вам взаимно полезно и другим покажет нечто необычное. Держитесь крепче!

Волнующий вас лично вопрос: как писать? разрешается временем и любовью к делу писания. Толстой? Его «простота» давалась ему — вы знаете это — тяжелым упорным трудом. Пластичность, скульптурность его письма очень не «проста». Еще более «прост» другой великомученик слова — Флобер.

Да, Пильняк пишет «мудрёно», но — я очень не советую обращать на него внимание. Он весь — из Белого и — немножко — от Ремизова. Пильняка как такового еще не видно. И — не надеюсь увидеть, прочитав его фокусническую «Метелицу» — вещь совершенно мертвую¹. Белый — человек тонкой культуры, широко образованный, у него есть своя оригинальная тема, ее, пожалуй, другим языком и невозможно развивать, она требует именно того языка, тех хитросплетений, которые доступны и уместны только для Белого. Ремизов — человек, совершенно отравленный русскими словами, он каждое слово воспринимает как образ, и потому его словопись безобразна, — не живопись, а именно словопись. Он пишет не рассказы, а — псалмы, акафисты.

Пильняк — странно говорить о нем рядом с этими — Пильняк же — пока — имитатор, да еще и не очень искусный. Имитирует грубовато, ибо — не культурен и не понимает всей глубины и сложности образца. Он — больше выдумывает, чем чувствует. Белый же чувствует нечто, что даже и всей роскошью его слов, всей змеиной гибкостью языка его — выразить трудно. Нет, Пильняка вы оставьте, вы не меньше его, поверьте-ка!

Но — не поймите, что я рекомендую вам Белого или Ремизова в учителя — отнюдь! Да, у них — изумительно богатый лексикон, и, конечно, это достойно внимания, как достоин его и третий обладатель сокровищами чистого русского языка — Н. С. Лесков. Но — ищите себя. Это тоже интересно, важно и, может быть, очень значительно.

«Писать очень трудно» — это превосходный и мудрый лозунг. Не отступайте от него, и — все пойдет хорошо. С этим лозунгом — один и верный путь — к совершенству. И — позвольте дать вам — всем — грубый, но

добрый совет: не очень подчиняйтесь литературным «отцам» и «старшим». Лучше самим ошибиться, чем повторять ошибки других, хотя ошибки всегда поучительны. История человечества суть история разнообразнейших ошибок его, и было бы всем нам легче, если бы они остались неповторяемыми — на страницах книжной истории. А в жизни — можно сделать другие, более веселые, менее глупые и кровавые.

О Зильбере. Вот увидите, что этот чудотворец весьма далеко пойдет, — его фантастика уже и сейчас интереснее и тоньше Гоголевых подражаний Гофману.

С трепетным нетерпением жду книжку Зоценка². Ваши две — «Сад» и «Бакунина» получил, сердечное спасибо вам за милые и лестные надписи.

Письма от вас — не получал, кроме того, на кое отвечаю. Вообще же — спасибо вам. За границей — скверно, ибо она медленно, но неуклонно изгнивает, но — тем очень хорошо, что здесь напряженно думается по всем «большим» вопросам. Ибо — все здесь наго, все бесстыдно и жалостно обнажено. Жму руку вам и всем мой сердечный привет.

А. Пешков

Скажите Луицу, чтоб ответил мне.

Датируется по письму 4.

¹ Речь идет о рассказе Б. Пильняка «Метель». Берлин, «Огоньки», 1922.

² Находились в печати два сборника рассказов М. Зоценко: «Рассказы». Пг., «Картонный домик», 1923 и «Юмористические рассказы». Пг., «Радуга», 1923.

6

ФЕДИН — ГОРЬКОМУ

Петербург. Литейный, 33, кв. 13
7 апреля 1923.

С месяца на месяц откладывал я ответ на ваше письмо, дорогой Алексей Максимович; все ожидал выхода своей книжки¹. Наконец, она вышла. Высылая ее вам теперь, я не испытываю того чувства, с каким сделал бы это прошлым летом, когда только что закончил «Анну Тимофевну» и — как всегда — думал, что закончил хорошо. И хотя к тому времени мне уже успело разонравиться начало, но я еще крепко верил, что удался конец. Теперь эта вера пошатнулась, и мне еще больше нужен ваш отзыв. Судя по письму к Слонимскому², он будет нелестен — этот отзыв — потому что упрек в небрежности, с какой теперь работают молодые писатели, отнесен вами и ко мне. Уверю вас, Алексей Максимович, я не повинен в общем грехе: повесть в 4 листа писалась с октября 21 г. до июня 22-го, т. е. больше полугодом, и за это время я почти не писал ничего другого. При всем том она может быть плохой повестью. То, что вы относите на счет небрежности, я считаю неумением или плохим знанием слова. Мне иной раз кажется, что неудачная фраза в моих рассказах — скорее результат неуверенности в себе, боязливо-щепетильного отношения к языку, нежели — небрежность или спешка. Я так часто озираюсь, так долго ищущу, что впадаю в манерность, в изысканную нарочитость. И тут вечный вопрос о простоте в искусстве или простоте искусства — об этом я писал вам, так же, как и о том, что «писать трудно». Трудно, конечно, не потому, что всю жизнь надо учиться, а потому, что вся жизнь насыщена ежечасными влияниями школ, теорий, приемов, наконец — живых людей. Нужна какая-то китайская стена, чтобы оградить свою душу, сознание, сердце от этих влияний. Борьба с ними не всем по плечу, а иногда всем не по плечу. То, что вы заметили на альманахах «Круга»³, мы видим здесь ежедневно на бесчис-

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ
Н. С. ТИХОНОВА ГОРЬКОМУ
НА КНИГЕ СТИХОТВОРЕНИЙ
«ОРДА» (Пб., 1922):

«Дорогому Алексею Максимовичу — эту
первую книгу стихов, как юношески-
зеленый дар просит принять автор»

Личная библиотека Горького

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

ОРДА

СТИХИ

1920 — 1921

*Дорогому Алексею Максимовичу —
эту первую книгу
стихов, как юношески-
зеленый дар просит
принять автор*

ОСТРОВИТЯНЕ-
ПЕТЕРБУРГ
1922.

ленных более мелких примерах — во всех журналах, листках и листишках: повальное подражанье, заимствование, просто плагиат. Люди торопятся, скачут через головы, хватают, рвут друг у друга — слова, названия, манеру, стиль. Самая граница между «можно» и «нельзя» давно стерлась, и я — к примеру — по опыту знаю, как небезопасно делиться с нынешними литераторами своими планами и намерениями: обойдут на голову у самого старта! После долгого перерыва настал час «делать себе имя», и его делают, пока не поздно. Тут, конечно, не до тонких чувств — «валяй наши, валяй, знай, поваливай, валяй!» В нашем положении (я говорю о Серапионах) страшнее всего, пожалуй, то, что влияния идут не по прямой (т<о> е<сть> стилистика и тема одного писателя воздействует не прямо на стилистику и тему другого), а просачиваются какими-то нелитературными путями. Хаотичность, раздерганность, торопливость, малограмотность нынешней московской литературы сами по себе не могли послужить образцом для разборчивого и строгого Петербурга. Но успех этой литературы, спрос на нее в Москве, которая теперь буквально кормит нас, постепенно стирают в литературе следы петербургской традиции. Работать в этих условиях тяжело. Нужны большие силы и большое, веское слово, чтобы что-нибудь противопоставить коломенско-московской разнузданности⁴. Здесь не на кого опереться, не к кому взывать. Каждый действует за свой риск и страх, заботясь меньше всего о литературе, по неразумию или запальчивости величая себя литераторами.

Дорогой Алексей Максимович, здесь, в полунасмешку, зовут меня «академиком». Может быть, за то, что я не преступил заповеди: «не пожелай жены искреннего твоего...» — не только не подражал, но почти не прикаснулся к теме, с которой все мои однокашники давным-давно обвенчались, — к современности. В «Анне Тимофевне», да и во всем «Пустыре», я отгораживался от нее умышленно, ожидая «своего времени». Что из этого получилось, каков «Пустырь»? — Жду с нетерпением вашего отзыва.

С прошлого лета работаю над романом ⁵, который начну печатать не раньше осени. Речь веду о плене в Германии, о революции в уездной России, о том, что видел и что знаю. Знаю, конечно, «по-своему». Но не будьте так строги, как к моим штукутурам, которые сведущи в малярном деле: право же, Вольск (Сарат(овской) губ(ернии)) славится штукутурами-майларами! Это вовсе не пильняковские «соскi и сoскi».

Прошу вас еще об одном. Я получил предложение от «Книгоиздательства писателей в Берлине» дать им для отдельного издания «Анну Тимофевну» и для переиздания — «Пустырь» ⁶. Следует ли давать? Что за авторы участвуют в этом издательстве? Посоветуйте.

Можно ли прислать вам одну-две главы из романа до напечатания, чтобы вы просмотрели?

Лунц просил меня сказать вам, что «Вне закона» напечатано в России не будет. «Бертран» уже опубликован⁷.

Вс. Иванов уехал в Крым, Слонимский собирается тоже на юг, Лунц получил заграничный паспорт, Никитин едет с Пильняком в Лондон, Каверин с молодой женой пропадает где-то в Псковской губернии, — все расползлись. Один я сиюю смирно и грузно: ращу дочь и умиляюсь своими отеческими чувствами.

Сердечный привет вам и Владиславу Фелициановичу ⁸.

Любящий вас Конст. Федин

¹ См. письмо 4, прим. 5.

² По-видимому, речь идет о не дошедшем до нас письме Горького. См. Горький — Слонимский, письмо 12, прим. 2.

³ В личной библиотеке Горького сохранились книги I и II альманаха «Круг» за 1923 г. с большим количеством помет Горького на полях и в тексте. Пометы эти, главным образом, указывают на погрешности языка и ненужные заимствования в ряде произведений. Так, в повести Б. Пильняка «Третья столица» (кн. I), на стр. 207 Горький, подчеркнув большую часть текста, написал на полях: «А. Белый!», а в отдельной заметке «Русский язык» указал: «Бор. Пильняк в повести „Третья столица“ пишет: „В поезде был вагон детских *сосков*, закупленных за границей Внешторгом. Впоследствии выяснилось, что вместо *сосков* оказалась в вагоне другая резина“».

Б. Пильняку, видимо, не совсем ясна разница между соском и соской» (АГ). В повести Федина «Анна Тимофевна» Горький также отметил ряд стилистических погрешностей. По-видимому, об этом Горький писал в вышеупомянутом письме Слонимскому. См. также письмо 11.

⁴ Намек на Б. Пильняка, который жил в Коломне, под Москвой. Быт и нравы до-революционной Коломны Пильняк изобразил в рассказе «Колымен-город» (Сб. «Быль», М., «Звенья», 1920).

⁵ Города и годы.

⁶ См. письмо 4, прим. 5. Сборник К. Федина «Пустырь» «Изд-вом писателей в Берлине» издан не был.

⁷ Трагедия Л. Лунца «Вне закона» напечатана в «Беседе», 1923, кн. 1; «Бертран де Борн»; — см. письмо 4, прим. 12.

⁸ В. Ф. Ходасевичу.

Дорогой Федин, я получил письмо от Слонимского, он предлагает мне написать статью о Лунце ¹. Я уже пробовал сделать это, но — не сумел. Не вышло. И — вижу — не выйдет. Не знаю почему. Принужден отказаться от участия в сборнике и сожалею об этом.

Я мало знал, мало наблюдал Лунца, но мне он и лично нравился — своей скромностью, серьезностью, и как на литератора я возлагал на него большие надежды. Талант чувствовался в том, как он смотрел на людей, в его хороших глазах. Какая бессмысленная смерть!

Как живете вы, что делаете? Давно уже не имею писем ни от одного из вас — впрочем, на днях писал Зильбер. но, так сказать, «деловое» письмо,

не о литературных работах ваших, что меня глубоко интересует. Может быть, вы напишете, что делается вами и другими Сер<апионами>, в каком вы — и др<угие> <отношении> — к «Русс<кому> современнику»², кто такой Леонов, нет ли новых «начинающих» и т. д.?

Буду очень благодарен. Жму руку.

А. Пешков

6.VII.24. Sorrento.

¹ В письме от 31 мая 1924 г. М. Л. Слонимский просил Горького написать статью для сборника памяти Л. Лунца, умершего 8 мая 1924 г. Сборник не был осуществлен. Позднее Горький написал статью «Памяти Л. Лунца» («Беседа», 1924, № 5).

² О журнале «Русский современник» см. Горький — Каверин, письмо 12, прим. 4.

8

ФЕДИН — ГОРЬКОМУ

Ленинград.
16.VII.1924.
Литейный, 33, кв. 13.

Дорогой Алексей Максимович,

только что распечатал ваше письмо и — как всегда, когда прикасаюсь к чему-нибудь, связанному с вами, — разволновался. Это очень хорошее чувство, и приходит оно очень редко. Я отодвинул в сторону свой роман¹, который начал угнетать меня, и *бросился* писать вам. Наверно, у меня сейчас смешной вид: я сижу один в пустой, громадной квартире и улыбаюсь. Письмо выйдет глуповатым, но мне хочется как-нибудь передать вам мое взволнованное хорошее чувство.

Я собирался сто раз написать вам и все откладывал. Хотелось «выступить отчетно», рассказать о том, что сделал за эти годы, и «приложить документ» — книжку. Вообще — похвастаться. Ну, о себе — в конце.

Жалко, что вы не можете написать о Лунце. Мы собирались выпустить небольшой сборник статей о нем, чтобы отметить его значение для молодой — «начинающей» — русской литературы. Ваша статья предназначалась для этого сборника. Лунца никто не заменит. Не только для Серрапионов. Ведь Серрапионы — малая толика в новой пажити «братьев» по искусству. Все они слушали с любовью неистовые призывы Лунца к новой сюжетной новелле, к новому романтическому театру. Я прилагаю к этому письму заметку, написанную мною в тот день, когда пришло известие о смерти Лунца². В ней мне не нравится предпоследняя фраза. В тот момент, когда на нас свалилась эта смерть (странно, мы ждали ее со дня на день, но она все-таки ошеломила нас), мне казалось, что она слотит нас. Но это случилось, может быть, на один вечер. Конечно, каждый из нас переболел по-своему утрату. Но мы связаны теперь прошлым и личной дружбой, а не той литературной порукой, которая скрепила в свое время братство. Мы не распались, потому что Серрапионы существуют вне нас. Одно это имя, живущее своей жизнью, держит нас вместе, помимо нашей воли, а для некоторых и против воли. Вероятно, так когда-то некоторых писателей держало вместе имя декадентов или символистов. Ведь не случайно, что мы не сумели выпустить больше одного серрапионовского альманаха³, в то время как каждый из Серрапионов издал по две, по три, по десяти книг. И даже смерть кого-нибудь из нас, как смерть Лунца, вырвав из жизни личного друга, вырвав брата, ничего не изменит в «литературном обществе Серрапионовы братья». Это общество дифференцировалось, братья стали подрастать, приобретать привычки, оттачивать характеры. Мы часто бываем вместе, мы любим бывать вместе, но наши встречи обусловлены привычкой, дружбой, необходимостью, *но не потребностью*. Потребность жить и работать в братстве исчезла с условиями и романтикой голодного Петербурга.

Я говорю обо всем этом с болью, как скажут вам об этом Слонимский, Зоценко, Каверин, Тихонов, сказал бы Лунц. Для Никитина Серапионы были только трамплином. Всеволод в глубине души относился к нам не как к братьям, а как к сыновьям.

Это — не панихида. Я верю в Серапионов. Каждый из нас или все вкупе что-нибудь сделаем в литературе. Мне просто грустно, что мы... что я не могу написать вам: Серапионы крепнут с каждым часом!

Теперь по очереди обо всех.

Слонимский выпустил новую книгу — «Машина Эмери»⁴. Для него — новые темы, новый материал. Он увлекся «производством», второе лето ездит в Донецкий бассейн. На днях вернулся в Петербург, привез кучу записей, сел писать. Начал роман⁵. Каверин пишет тоже роман⁶, впервые делая попытку ввести в рассказ русский живой материал и почти отказываясь от схематики. Сюжет, конечно, авантюрный. Зоценко вынужден по-прежнему писать для юмористических журналов. Это ему, очевидно, вредит, он устал, износился. В книгу, которую он вскоре выпускает, войдут два новых рассказа в духе «Аполлона и Тамары»⁷ — сентиментальные и немного стилизованные. У Тихонова изумительные стихи. Работает он неустанно, добывается, отказывается, идет упрямо и стремительно, как конь. Пастернак, Маяковский уже позади. Он теперь один, на воле, веселый и крепкий. Почитали бы вы в наших журналах, — какое множество появилось «подтихоновцев», — везде и всюду «Баллады». А Тихонов давно уже бросил все эти песни про гвозди, пакеты и отпускных солдат и живет «на доходы» с популярнейших своих прекрасных поэм, над которыми тоже смеется⁸. Жалко, что вы, кажется, не знали Тихонова. Удивительный человек. Всеволод написал еще роман — «Северосталь»⁹. Судьба этого произведения горька: он переделывал его раза три, а от него требуют новых и новых поправок. К сожалению, никто из нас не читал этого романа. Всеволод живет большей частью в Москве, наезжает сюда редко, летом катается по югу. Говорят, что он написал очень хорошую повесть о похождениях портного¹⁰ — в необычном для него стиле и духе. О Никитине мне лень говорить. Разве что — недавно у него родился сын. Впрочем, еще: он выпустил книжку под названием «Сейчас на Западе»¹¹, где с легкостью необычайной рассказывает об англичанах, немцах и бельгийцах, которых он видел из окна вагона и гостиницы в прошлогоднюю свою поездку. Книжка может поспорить разве только с «Английскими рассказами» Пильняка¹², который тоже съездил в Англию и «изучил» в корень всю западноевропейскую цивилизацию...

К «Русскому» современнику» Серапионы относятся сдержанно. Он не то что бы академичен, а как-то сух, строг и в то же время неровен. Есть много наивностей. В отделе критики самые живые люди засыхают, потому что чувствуют накрахмаленное окружение. Пока еще есть надежда на то, что журнал выровняется. Однако... какие же мы «современники» Кузьмы Пруткова, Щедрина и даже Андреева?¹³ Я дал рассказ «Тишина»¹⁴ для одного из ближайших номеров; пойдет, вероятно, в № 3. Это — единственный рассказ, написанный мною во время работы над романом. Написал я его после житья в Дорогобужских дебрях, в деревне, где еще жгут лучину и верят одним колдунам. Он вышел чуточку старомодным, вроде «Сада». Я отдыхал на нем от тряски и ухабов романа, в котором еще не все отстоялось и многое не отстоится вообще.

Этот роман занимает меня целиком вот уже почти два года. Сейчас я оканчиваю его, в августе сдаю в набор. Выйдет он осенью, сразу книгой. Кое-какие главы будут напечатаны в журналах¹⁵, но целиком провести роман в журнале не удастся. Название его — «Города и годы». Материал — война и — отчасти — революция. На три четверти роман германский: действие развивается в немецком городишке, на фоне

обывательского «тыла». Я до такой степени влез в Германию, что сплошь и рядом не пишу, а «перевожу» с немецкого, думаю по-немецки и чувствую. Когда перехожу на русскую землю, к русским людям, к русской речи — испытываю непреодолимые трудности: чужой материал! Я попробовал в этом романе сдвинуть пласты общественного материала механикой авантюрно-романического сюжета. Но я — не Каверин, не часовщик и не математик, и — вероятно — расчеты мои очень часто неверны: то чересчур много общественности и мало авантюры, то наоборот. Композиция — самая трудная на свете вещь. На первый взгляд в большом романе («Города и годы» будут по объему листов 17) легко спрятать концы в воду, а на деле, наверно, всякая лишняя косточка торчит и выпирает корявой стрехой.

Как только выйдет книжка, пошлю вам, дорогой Алексей Максимович, и буду просить о подробном сужденье — оно мне очень дорого.

Леонов — москвич. Я не знаю его. Всеволод говорил, что он — славный парень. Вышло три его книжки: «Петушихинский пролом», «Туатамур» и «Деревянная королева»¹⁶. Первая — сказ. Вторая — повесть о Чингис-хане, сделана *очень* хорошо: рассказ о России, какой ее нашел азиатский победитель, — его словами, сквозь его глаза. Третья — в духе Гофмана, но слабо. Знаю еще о Леонове, что он — зять Сабашникова и что — поэтому — все его книжечки роскошно изданы. Повесть, которая печатается в «Русск(ом) совр(емненнике)» — стилизация мало известной книжечки «Автобиография и стихотворения купца-самоучки М. А. Поликарпова»¹⁷. Я сравнивал «Записи Ковьякина»¹⁸ с этой книжечкой. Поликарпов, конечно, разительнее.

В Москве шумит последнее время Бабель. Этот человек пробыл долгое время в коннице, а вернувшись, высыпал целый сундук рукописей и затопил ими московские редакции. От него все в восторге. Кажется, должен быть обижен Зощенко, т(ак) к(ак) Бабель разжижил его и в сказ Синебрюхова¹⁹ ввел одессизмы.

Вот — все, что мне пришло на ум сейчас, под впечатлением от вашего письма. Может быть, что-нибудь и пропустил.

Простите ради бога, что намазал в письме и начиркал.

Желаю вам здоровья. Как вы чувствуете себя сейчас, на юге?

Любящий вас

Конст. Ф е д и н

У меня хорошая дочь Нинка — ей скоро два года. Это — самое главное в моей личной жизни. Ну, конечно, еще роман...

¹ «Города и годы».

² «Лев Лунц». — «Жизнь искусства», 1924, № 22.

³ «Серрапионовы братья». Альманах первый. Пг., «Алконост», 1922. В дополненном виде альманах был переиздан под заглавием «Серрапионовы братья. Заграничный альманах». Берлин, «Русское творчество», 1922.

Как сообщает Федин, оба издания этого сборника печатались без участия Горького, но им предшествовал несуществующий альманах, который готовился под руководством Горького и должен был выйти с его предисловием в издательстве З. И. Гржебина. (См. Горький — Словимский, письмо 2, прим. 2).

⁴ «Машина Эмери». Пг., «Атеней», 1924.

⁵ Возможно, что речь идет о романе Слонимского «Лавровы». Первая публикация в «Звезде», 1926, №№ 4—5. Отдельное издание — М.—Л., Госиздат, 1927.

⁶ Повесть «Конец хазы» (альманах «Ковш», кн. 1. Л., Госиздат, 1925). Отдельное издание — Л., Госиздат, 1925.

⁷ В 1924 г. Зощенко выпустил два сборника рассказов «Аристократка». П.—М., «Новелла», 1924; «Веселая жизнь», Ленгиз, 1924. Рассказ «Аполлон и Тамара» вошел в сб. «Рассказы». Пг., «Картонный домик», 1923.

⁸ Речь идет о поэмах Н. Тихонова 1924 г.: «Лицом к лицу», «Красные на Араксе» «Дорога».

⁹ Роман Вс. Иванова в печати не появлялся, за исключением отрывка, напечатанного в «Красной нови», 1924, № 5.

- ¹⁰ В с. И в а н о в. Чудесные похождения портного Фокина. Л., ГИЗ, 1925.
- ¹¹ Н. Н и к и т и н. Сейчас на Западе. Пг., «Петроград», 1924.
- ¹² Б. П и л ь н я к. Английские рассказы. М.—Пг., «Круг», 1924.
- ¹³ В 1-м номере журнала «Русский современник» были напечатаны стихи и пародии Козьмы Пруткова, водевилей Л. Андреева «Конь в сенате» и др.
- ¹⁴ «Тишина». — «Русский современник», 1924, № 4. См. письмо 15.
- ¹⁵ Отдельные главы и отрывки из романа «Города и годы» печатались в журналах «Россия» (1922, № 4), «Звезда» (1924, № 4), альманахах «Наши дни» (кн. 4. М., Госиздат, 1924), «Литературная Россия» (№ 1. М., 1924) и других изданиях.
- ¹⁶ Книги вышли в Москве в изд-ве М. и С. Сабашниковых: «Петушихинский пролом», 1923; «Туатамур», 1924; «Деревянная королева». Сборник рассказов. 1923 (экземпляр книги с пометками Горького хранится в его личной библиотеке).
- ¹⁷ Речь идет о книге М. А. Поликарпова «Стихотворения (С автобиографией автора)». СПб., 1908.
- ¹⁸ Л. Л е о н о в. Записки некоторых эпизодов, сделанных в г. Гоголеве А. П. Ковякиным. — «Русский современник», 1924, №№ 1 и 2.
- ¹⁹ Синебрюхов — персонаж ранних рассказов Зоценко. См. «Рассказы Назара Ильича господина Синебрюхова». Петроград — Берлин, «Эпоха», 1922; «Рассказы Синебрюхова», Берлин, «Эпоха», 1923 (экземпляр книги хранится в личной библиотеке Горького) и другие издания.

9

ГОРЬКИЙ — ФЕДИНУ

<Сорренто. 28 июля 1924 г.>

К. Федину

Дорогой Федин,

спасибо вам за интересное письмо, тоже очень взволновавшее меня и тоном его, и содержанием. «Я говорю об этом с болью», — пишете вы, изображая процесс «оттачивания» характеров в среде Серап<ионовых> братьев. Я прочитал эти слова с радостью, она будет, конечно, понята вами, если я скажу, что процесс «оттачивания» характеров есть процесс роста индивидуальностей, с чем и вы, наверно, согласитесь. Это — положительное явление социальной жизни. Величайшие эпохи возбуждения духа творились, творятся и долго еще будут зависеть от духовной энергии индивидуумов. Итальянское — сиречь общеевропейское — «возрождение» было торжеством индивидуализма. Вам, может быть, покажется парадоксальным взгляд на современную русскую действительность тоже как на возрождение индивидуализма? Но я думаю, что это именно так: в России рождается большой человек, и отсюда ее муки, ее судороги.

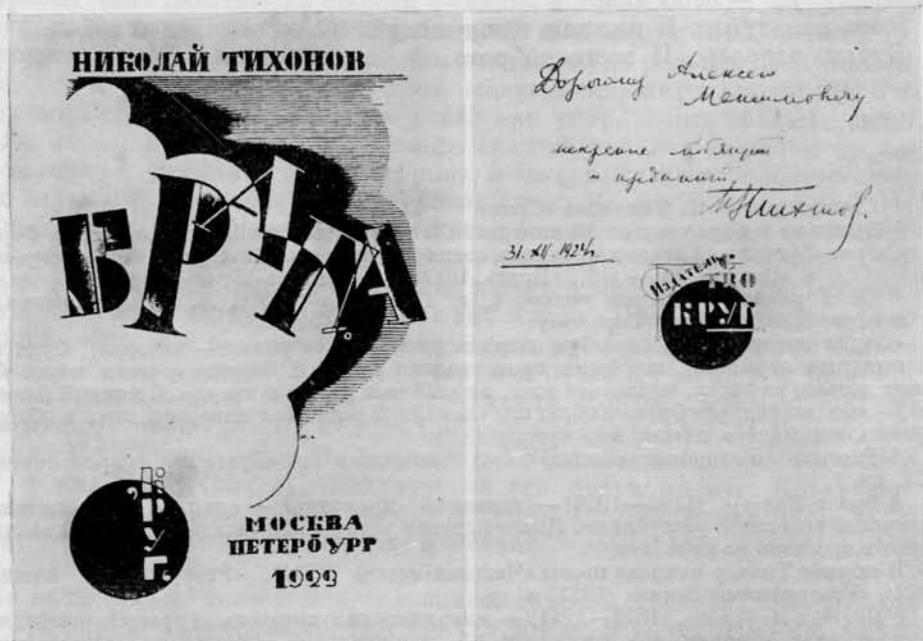
Мне кажется, что он везде зачат, этот большой человек. Разумеется, люди типа Махатма Ганди еще не то, что надо, и я уверен, что Россия ближе других стран к созданию больших людей. Это отнюдь не мешает коммунизму и социализму, а они, в свою очередь, не в силах помешать этому, ибо — тут процесс стихийный, тут как бы совершается создание нового атома, дабы он организовал некое новое психическое существо.

Те стихи Тихонова, которые мне удалось прочитать, рисуют предомною автора человеком исключительно талантливым, хотя он и пишет иногда плохо, пример — поэма об индийском мальчике¹. Есть у Тих<онова> изданные стихи? Не пришлет ли он мне?² Спросите.

О том, что вы затеяли роман, мне писал Каверин, писал Лунц³. Очень жду: что вы сделаете? И очень уверен, что это будет серьезная, внутренне большая вещь.

По вашему письму видно, что вы становитесь «одержимым», обреченным литератором. Чувствуется это и в письмах Слонимского, Каверина. Кстати: его «Бочка»⁴ вещь совершенно несконченная. Он взвешивает свою фантазию в воздухе, и она у него как пылинки в луче солнца, — радужно, а — что это такое? Непоймешь и не волнует. А если не волнует, значит не совершенно, не поэзия, не красиво и еще сто не.

И не верьте, когда говорят, что будто бы Европа отчего-то и как-то погибает. Здесь идет процесс быстрого отмирания всего, что больше не нужно. А Европа остается — в целом — большим, зорким, умным человеком, который и хочет, и будет жить. То, о чем пишут газеты, только возня политических кашеваров, нечто инертное и автоматическое. А то, о чем они не пишут, — «быт» — являет собою картину удивительного напряжения чувств и мыслей. Говоря «быт» — я говорю именно о комплексе чувств и мыслей, о ненависти и жалости к людям, о чувстве недоумения

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ Н. С. ТИХОНОВА ГОРЬКОМУ НА КНИГЕ
СТИХОТВОРЕНИЙ «БРАГА» (М.— Пб., 1922):

«Дорогому Алексею Максимовичу искренне любящий и преданный Н. Тихонов.
31. XII. 1924 г.» Личная библиотека Горького

пред жизнью, о том, что испытывает здоровый человек, пережив кошмар.

Для современности характерен Толлер⁵, который пишет комедию, сидя в тюрьме, и, считаясь коммунистом, нежно любит людей, Шервуд Андерсон⁶, неожиданное явление американской литературы, невозможное десять лет тому назад, старик Гамсун, с его последними книгами⁷, фантастический Пиранделло⁸ и тот же Тихонов, у которого есть какая-то удивительная черта: он живет бегом и прыгает через все, что ему внутренне мешает.

Леонова я читал две вещи: Ковьякина и «Конец лишнего человека»⁹. Ковьякин — это все еще «Уездное»¹⁰ и «Городок Окуров», «Конец» — это очень Достоевский. Написал, чтоб мне прислали его книги.

В «Отчете Акад(емии) наук»¹¹ вы найдете хвалу и благодарность неким Элькину и Смотряцкой, они собрали 79 ящиков различных предметов культа и быта островов Меланезии. Я знаю этих людей: он — рабочий, металлист, она — учительница. Бежали от Колчака и четыре года путешествовали, живя — она — уроками языков, он — сваривал металлы

а попутно собрали изумительно полную — по словам Академии — лекцию.

Вот — люди наших дней. Они живут в горах Атласа, в древней Нумидии, в Бразилии и Патагонии, могут жить на луне. Я читаю их письма, вижу, на фотографиях, их донские, кубанские, нижегородские рожи и, знаете, радуюсь. Удивительный народ. Всё поглощающий народ. Толк — будет. Так или иначе, а — будет толк!

Еще раз — спасибо за письмо. Очень, очень желаю вам успеха в работе, и здоровья, и маленьких радостей, необходимых всякому человеку, хорошему же — особенно.

Дочь поцелуйте. Я не знаю вашу жену?

Будьте здоровы. И всего доброго.

А. Пешков

28.VII.24.

Sorrento

¹ Стихотворение Н. Тихонова «Самя».

² В письме к Горькому от 10 января 1925 г. Тихонов сообщал, что послал Горькому через Федина два первых сборника своих стихотворений: «Орда». Пг., «Островитяне», 1922 и «Брага». (М.— Пб., «Круг», 1922). См. письмо 15, прим. 1.

³ См. Горький — Каверин письмо 6, от 12 ноября 1923 г. Л. Луиц в письме от 14 января 1923 г. писал Горькому:

«Федин пишет сейчас большую повесть (называет ее роман — неверно). Судя по прочитанным отрывкам, это будет превосходная вещь. В Федина я очень верю. Он пишет дольше нас всех, медленнее всех, но работает верно и твердо. С каждой новинкой — шаг вперед. Особенно люблю его спокойный язык без вывертов, хоть в общем, конечно, его манера письма мне чужда» (АГ).

⁴ Рассказ Каверина «Бочка» был напечатан в «Русском современнике», 1924, кн. 2.

⁵ Эрнст Толлер (1893—1939) — немецкий драматург — один из руководителей Баварской советской республики. После падения республики был приговорен к заключению в крепости на пять лет.

В тюрьме Толлер написал пьесы «Человек-масса» (1921), «Разрушители машин» (1922), «Раскованный Вotan» (1923) и др.

⁶ Шервуд Андерсон (1876—1941) — американский писатель. Горький, очевидно, имеет в виду сборник его рассказов об американской провинции «Уайнсбург, Огайо» (1919), переведенный С. Д. Матвеевым на русский язык в 1924 г. (М., Госиздат).

Рецензия на книгу Андерсона была напечатана в «Русском современнике», 1924, № 3.

⁷ По-видимому, речь идет о романах К. Гамсуна «Соки земли» (1919) и «Женщины у колодца» (1920—1923).

⁸ Горький имеет в виду полуфантастическую пьесу Луиджи Пиранделло «Шесть персонажей ищут автора» (1921).

⁹ См. письмо 8, прим. 18. Речь идет о повести «Конец мелкого человека» («Красная новь», 1924, № 3).

¹⁰ Повесть Е. Замятина «Уездное». См. письмо Горького Колоколову в наст. томе.

¹¹ «Отчет о деятельности Росийской Академии наук в 1923 году». Л., 1924 стр. 118—119.

Дорогой Алексей Максимович.

На этих днях я послал вам только что вышедший роман свой «Города и годы»¹. Я сделал это с особой радостью и с особым нетерпением ожидаю от вас отзыва. В сущности, этот роман — всё, что я мог сказать об изумительной полосе своей жизни и жизни двух народов, с которыми связана моя судьба. Я припоминаю, как вы однажды сказали о пороке русских

литературных произведений: во всех них отсутствует герой. Традиция оказалась сильнее меня, и как ни героична эпоха, о которой я писал, герой мой прочно удержал наследие своих литературных предков. Но я не ставил себе задачей героизировать лица своей повести, а только хотел показать характер эпохи и стремился сделать это правдиво.

В писательском отношении книга моя — отчет в работе за три последних года. Вот почему я не писал вам о множестве своих литературных волнений, хотя писать хотелось. Я не уверен, что, написав роман, я вышел победителем хотя бы из части тех сражений, которые приходится вести с вопросом «как писать». Трудности — вновь и вновь — нагромождаются вокруг меня, я ни минуты не знаю покоя, и — может быть, поэтому — мне хочется писать теперь больше, чем когда-нибудь раньше. Ваши слова о том, что я становлюсь «одержимым, обреченным» литератором (вместе с другими Серапионами), я почувствовал как укор. В них большая доля правды, горькой для меня. Я объясняю это тем, что был слишком упрям в стремлении своем стать «литератором», и теперь, когда добился возможности стать им, упиваюсь литературным ядом. Но это — только объяснение. Я вижу, что жизнь, проходившая прежде через меня, понемногу пошла сбоку от меня. Я помню, как вы, в каждую встречу со мной, поражали меня вашим даром видеть всю жизнь в целом. И я восхищался вашим вкусом ко всему, из чего сложена жизнь. Письмо ваше меня поразило именно этой неумирающей вашей жаждой все знать. Где-то далеко от России вы слушаете и слышите ее так, как будто бы ни на час не покидали ее. Так здесь, в Питере, вы стягивали у себя на Кронверкском бесчисленные нити со всех концов Сибири, Севера и Юга. Я уверен, что вам пришлось бы по душе Н. Тихонов — действительно, самый мощный поэт наших дней. (Мы недавно слушали его новую поэму о Кавказе — «Дорога»² — и сходим сейчас от нее с ума.) Он, вероятно, никогда не станет только «литератором», да и сейчас — «литератор» меньше нас всех.

За ваше письмо горячо благодарю вас, дорогой Алексей Максимович. Оно пришло в то время, когда я кончал роман, и — правда — я обязан ему бесконечно многим, как вам вообще. Я не ответил на него тогда же только потому, что не мог ни о чем говорить, кроме как о своей работе. Думал, что исцелюсь, «изгоню беса», да, видно, ошибся, пишу все о том же, простите... Рассчитывал написать потом с Кавказа, где отдыхал месяца полтора. Но Кавказ обленил меня и развратил до крайности. Я не ожидал ни такой пышности, ни такого безделья. Это не страна, а какая-то пастила, и люди там, как карамель. И — конечно — это не Россия! Мы там даже не гости, а так, какие-то пассажиры: дышим, пока нас не страхнул под откос возница. Я жил некоторое время в Гудаутах, где к моему дому в сумерки подбирались стаями шакалы и выли всю ночь напролет. Бродил по реке Келасури (под Сухумом) и был в гостях у частных абхазских разбойников, которые платят налоги на украденные табуны скота. Бывал дважды на Нов(ом) Афоне, где теперь «совхоз» и несколько престарелых монахов в качестве привратников и «спецов» по виноделию, маслинному хозяйству и пр. Остальная братия рассеялась по свету, не пожелав снять рясу, ловит кефаль, торгует на майдане в Тифлисе и просит Христа ради в Туапсе. Живут. Жил я в Тифлисе, Сухуме, Батуме. Юг был для меня неожиданностью, которая потрясла воображение. Но, проснувшись однажды в вагоне, где-то в Орловской губернии (незадолго перед тем я купался в море) и увидев простую, как блюдо, землю, в снегу, под сереньким небом, и черную цепочку подвод, дергавшуюся по перепутку куда-то в даль от поезда, — увидев это, я внезапно ощутил такую радость, что чуть не заплакал. И потом выскакивал, раздевшись, на каждую станцию, чтобы постучать каблуками по замерзшей слегка земле платформы

и вдохнуть крепкий душок молодого снежка. Как хорошо побывать в чужой стране, когда есть своя!

После этой поездки мне стало веселее житься. Но было бы еще лучше, если бы мне удалось совершить какое-нибудь дальнейшее плавание. И тут мне приходит на ум, что вы могли бы помочь мне выбраться в Италию³. Дело в том, что в мае будущего года во Флоренции состоится вторая международная книжная выставка, в которой примет участие и Гос<ударственное> изд<атель>ство, в лице Ионова⁴. Ионов теперь заведует всем Г<осударственным> изд<атель>ством (Моск<ва> влилась в Петербург). Может быть, вам возможно будет замолвить слово Ионову о том, чтобы он командировал меня во Флоренцию для устройства отдела прозы, поэзии и истор<ии> литературы в русском павильоне? Эта мысль, впрочем, пришла мне в голову только сейчас, за письмом, и я не знаю, стоящая она или нет. Прошу вас, дорогой Алексей Максимович, не отзываться на нее вовсе, если это почему-нибудь неудобно. За границу рано или поздно я выберусь.

Шлю вам самый искренний привет, желаю здоровья. Здесь было много противоречивых сведений о вашей болезни. Что с вами? — Жена кланяется вам. Вы можете помнить ее: она служила у Гржебина — Дора Сергеевна Александер⁵, — трещала на ундервуде. Она передала вам мои рукописи, после чего вы и узнали обо мне.

Еще раз — всего доброго вам, главное — здоровья.

Ваш Конст. Федин

¹ Федин послал Горькому отдельное издание романа «Города и годы» (Л., Госиздат, 1924) с надписью: «Алексею Максимовичу Пешкову от любящего автора. Ноябрь 1924».

В личной библиотеке Горького хранится экземпляр книги с большим количеством помет в тексте и на полях.

² Напечатана в альманахе «Ковш», кн. 2. Л., Госиздат, 1925.

³ Поездка в Италию осуществлена не была.

⁴ См. Горький — Тренев, письмо 35, прим. 3.

⁵ Дора Сергеевна Федина (Александер) (1895—1953).

(Сорренто. 13 декабря 1924 г.)

К. Федину

Дорогой сотоварищ,

получил «Города и годы»¹, благодарю вас! Книгу прочитал сразу, «в один присест», затем, с удовольствием, прочитал сегодня еще раз. Интересная книга и сделана интересно, местами очень чутким художником, но иногда задумываешься: не соблазняет ли вас Эренбург, этот нигилист на все руки и во сто лошадиных сил. Это — там, где вы, подчеркивая немецко-мещанскую тупость и фетишизм «дисциплины», прибегаете к плакатам, но не там, где у вас моют улицу. Улицу моют превосходно. Вам, художнику, мешают — на мой взгляд — иронические отступления; ценности их я не отрицаю, но — против излишества.

Очень хороша фигура Лепендина, а его песенка — превосходна! Так же хороши Покисен и Голосов. В общем — удачная книга, и я вас от всей души поздравляю!

Но позвольте указать на некоторые неточности языка, например: стр. 13 «треснутый» лист железа, 71-я «не похитимый патент», 309 «колче холод» — это все сомнительно, 326 «визжал, как зарезанный» — визжать зарезанному не полагается, недорезанному — да!

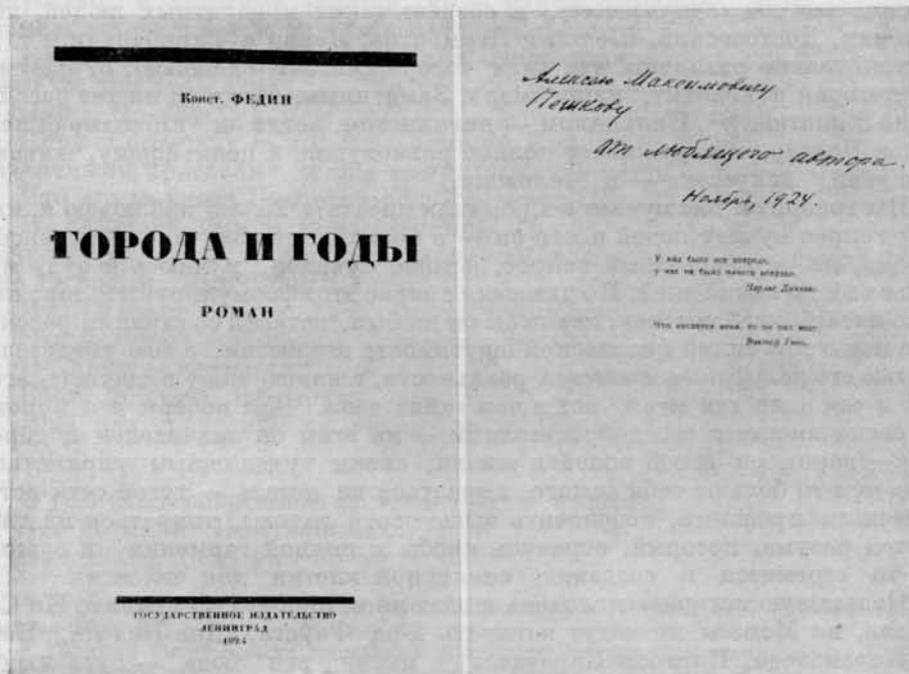
От этих шатких словечек лучше избавиться.

В «Анне Тимофевне»² у вас: «жутко ей от носящейся в снежных саванах головы вихрастой» — здесь двусмысленность, спутаны глаголы носиться и относиться.

Есть у вас и такая фраза, в точках:

«В умятый снег выросли тупоносые, круглые валенки, — неподвижны парни, молчаливы».

От этих неуклюжестей в новой книге вы избавились, язык ее богаче, красивей и точнее и вообще она звучит более «культурно», чем множество других современных книг, более «европейски».

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ К. А. ФЕДИНА ГОРЬКОМУ НА РОМАНЕ «ГОРОДА И ГОДЫ» (Л., 1924):

«Алексей| Максимовичу Пешкову от любящего автора. Ноябрь, 1924».
Личная библиотека Горького

С печалью вижу, как мало обращает внимания молодежь на язык, стремясь не к пластичности фразы, а к фигурности ее, редко удивляя и почти никогда не убеждая.

Очень подкупает в вашу пользу серьезность намерений ваших и мужественное отношение к фактам. И очень я рад за вас.

Будьте здоровы, пишите больше.

Крепко жму руку.

А. Пешков

13.XII.24. Capri di Sorrento

P. S. Мордва хороша. Шенау — тоже. Откуда вы знаете мордву?

¹ См. письмо 10, прим. 1.

² См. письмо 4, прим. 5.

Дорогой дружище,

три, четыре дня тому назад я послал вам письмо по адресу Госиздата, заказным. Сейчас получил ваше ¹.

Меня искренно радуют ваши слова: «хочу писать теперь больше, чем когданибудь ранее». Это — очень хорошо! В моих словах, что вы становитесь «одержимым, обреченным» литератором, — не было скрытого укора, вы ошибаетесь. Одержимость, обреченность — неизбежна, необходима для человека, который всем существом своим любит дело и предан ему. Именно вот эта «одержимость» и создает таких монолитных людей, как Пушкин, Достоевский, Шелли и Лермонтов, Ленин и Гарибальди и т. д. Нужно только различать два вида «одержимости»: внешнюю, от разума, ту, которая руководит, напр〈имер〉, Замятиным, когда он пишет рассказы по Эйнштейну ², Пильняком — нигилистом, когда он, взбалтывая лексикон Белого, обнаруживает полное равнодушие к ценнейшему, живому материалу искусства — к Человеку.

Вы говорите: вас мучает вопрос «как писать?» 25 лет наблюдаю я, как этот вопрос мучает людей и как он — в большинстве случаев — искажает их. Да, да, это серьезный вопрос, я тоже мучился, мучаюсь и буду мучиться им до конца дней. Но для меня вопрос этот формулируется так: как надо писать, чтоб человек, каков бы он ни был, вставал со страниц рассказа о нем с тою силой физической осязательности его бытия, с тою убедительностью его *полуфантастической* реальности, с какою вижу и ощущаю его? Вот в чем дело для меня, вот в чем тайна дела. Чёрт побери все пороки человека вместе с его добродетелями, — не этим он значителен и дорог мне, — дорог он своей волей к жизни, своим чудовищным упрямством быть чем-то больше себя самого, вырваться из петель — тугой сеги исторического прошлого, подскокить выше своей головы, выдраться из хитростей разума, который, стремясь якобы к полной гармонии, в сущности-то стремится к созданию спокойной клетки для человека.

Подлинную историю человека пишет не историк, а художник. Ни Соловьев, ни Момзен не могут написать д-ра Фауста, Дон-Кихота, Ивана Карамазова, Платона Каратаева, а именно эти люди — суть люди, творящие материал для Нибуров и Ключевских. Петр Великий — это Федор Достоевский, работавший не пером, а топором и дубиной.

Дело — не в словах, не в том, как поставить их, чтоб они звучали музыкально и гипнотически убеждали людей — в чем? Гениальные писатели почти все плохие стилисты, неважные архитекторы, а человек у них всегда пластичен до физической осязательности. Лишь немногие из них соединяли искусство слова с поражающей убедительностью пластики, напр〈имер〉 Флобер.

«Как писать?» Мне кажется, что вы близки к решению этого вопроса для себя. Внимательный читатель, я ваших людей ощущаю даже тогда, когда они мне чужды, напр〈имер〉 — немец художник. Значит ли вышесказанное, что я отстаиваю приоритет «психологического» романа? Нет, не значит. Школы, тенденции литературы для меня значения не имеют и поучительны лишь внешне, поскольку они являются одним из признаков стремления человека делать свое дело как можно лучше, выражением его бесчисленных усилий найти в себе *суть самого себя*, коренное свое, человеческое.

«Вертер» — интересно, Новалис написал очень хороший роман, но согласитесь, что «Записки из подполья» или «Очарованный странник» показывают нам людей более значительных вовсе не потому только, что они — наши, русские, а потому, что они — больше люди.

Человек — существо физиологически реальное, психологически — фантастическое. Таков — Лепендин, вы это знаете? У Бабеля — все герои фантасты, может быть, это именно и делает их столь неотразимо живыми. Но разумеется, у Бабеля и обстановка фантастическая.

Мне кажется, Федин, что вы мало верите в свои силы. Самоуверенность — плохая штука, особенно для художника, но все-таки вам, думаю я, нужно прибавить веры в себя. Она явилась бы сама собою, если бы вы задумались немножко, в какой мере важно и нужно то, что вы делаете. А ведь вы творите священное писание о человеке — ни более, ни менее. Вы будете писать, и вы должны писать хорошо.

Недавно прочитал книжку Чадаева «В гуще обыденного»³. Это — не искусство, а газетные заметки, но — какой огромный материал к познанию современности дает эта печальная книга!

Ваше желание посмотреть Италию очень понятно мне и очень полезно было бы для вас.

Пишу Ионову⁴.

Дору Сергеевну — хорошо помню. Бывало — очень беспокоил ее различными просьбами, и она всегда любезно исполняла их. Привет ей.

Что это за книга Пантелеймона Романова «Русь»?⁵

Не слышали ли имя Роман Кумов?⁶ Где он? Он выпустил небольшую книжку рассказов и написал пьесу «Конец рода Коростомысловых», еще до войны. Интересный.

Что Тихонов не прислал бы мне свои книжки? Стихи его прекрасны⁷.

Что делают Слонимский, Зощенко, Зильбер?

Не лень — напишите!

Всего доброго, жму руку.

Еще раз — спасибо за книгу, за внимание.

А. Пешков

«Русск<ий> совр<еменник>», 4-я — не вышел?

Что со мной? Прихварываю.

Измотался. Ведь уже 55 лет.

¹ Речь идет о письмах Горького от 13 декабря и Федина от 7 декабря 1924 г. (письма 10 и 11).

² Горький имеет в виду своеобразное влияние теории относительности А. Эйнштейна, которое чувствуется в ряде рассказов Замятина, например, в «Рассказе о самом главном» («Русский современник», 1924, № 1).

³ В. Ч а д а е в. В гуще повседневности. Бытовые очерки. 1923. Л., Госиздат, 1924.

⁴ «Горький писал И. И. Ионову по поводу моего желания поехать во Флоренцию на книжную выставку. Ионов не говорил мне ничего о возможности осуществить поездку». — К. Ф.

Это письмо Горького к Ионову не обнаружено.

⁵ П. Р о м а н о в. Русь. Роман. М., изд. М. и С. Сабашниковых, кн. I, 1923; кн. II, 1924.

⁶ О сборнике рассказов Р. П. Кумова «В Татьянину ночь» (Пб., «Жизнь для всех», 1913) Горьким была напечатана сочувственная рецензия («Современник», 1913, кн. 7). В АГ хранятся письма Кумова к Горькому, из которых видно, что Горький помогал ему как начинающему писателю.

⁷ См. письмо 9, прим. 2.

Душевное спасибо за письмо¹, дорогой Алексей Максимович! Это — самая большая и самая желанная награда за мой труд. И — право — мне теперь почти безразлично, «как слово наше отзовется»² здесь, в среде, едва

ли не разучившейся отзываться. Ваш отклик на книгу углубляет для меня смысл моей работы — от всего сердца благодарю вас!

Я заметил странную вещь. Те части романа, которые представляют собою чистый вымысел, производят большее впечатление на читателя. Основанные на опыте, наблюдениях, на знании, иногда — просто факты редко порождают несогласие или возражения, но почти всегда остаются незамеченными. Мне и раньше доводилось наблюдать это любопытное явление, даже читать о нем, но только теперь оно мне кажется чем-то закономерным: так часто его подтверждают разговоры о моей книге. Лепендин — вымысел от начала до конца. Тоже — Шенау, тоже мордва, Покисен и пр. Мари ближе к действительности, Андрей, может быть, чересчур к ней близок. Я очень нерешительно писал о мордве: я не знаю ее. В детстве я слышал от матери рассказы о мордве Наровчатского уезда; как-то раз, в Хвалынском уезде, я повстречал мордвинов-рекрутов, которых отправляли на барже в губернию. Это всё. Остальное — из книг. Очевидно, можно отталкиваться от ничтожного «знания», вверяясь воображению, и часто глубокое знание только мешает художественной правде. Так ли это?

«Иронические отступления» не в моей природе. Я прибегал к ним в надежде умалить таким путем мрачную безнадежность самого предмета повествования, не допускающего, в сущности, иронического отношения. Ведь моя тема — ужас. Но мыслимо ли на протяжении сотен страниц говорить об ужасе в неизменно трагическом тоне? Честное слово, меня не смущали при этом лавры Эренбурга! Они не смущают меня вообще (...). Вероятно, из боязни сделать книгу однообразной, скучной, недолимой для читателя, я увлекся контрастными приемами. Отсюда — плакат, не всегда нужный и не оправданный общим строем произведения.

Я принимаю ваши указания на неточности языка. Я бесконечно благодарен вам за них и только сожалею, что вы поскупились на замечания: для меня особенно дорого считать вас своим учителем, Алексей Максимович, — про себя я горжусь этим. Я чувствую, что еще не исцелился от манерности в языке, еще барахтаюсь в этих литературных пеленках. Выпутаться из них — в этом и заключается моя постоянная работа. Я всегда считал язык самым трудным делом в писательской работе, и меня гнетет сознание, что словарь мой убог. «Найти слово» — вот что всегда мучит меня, вот что тормозит на каждой строчке. Я рад, что вторая моя книга с языковой стороны благополучнее первой.

Получили ли вы мое письмо ³, отправленное вслед за книгой? Нельзя ли переслать для меня (хотя бы через Ионова) пятую книгу «Беседы»? Пожалуйста.

Мне хочется прочесть вашу заметку о Лунце и его пьесу ⁴.

Сообщаю вам новости:

- 1) женился Мих. Слонимский;
- 2) родилась дочь у В. Каверина;
- 3) при смерти, пожалуй, даже умерла «Всемирная литература»: ее «влили» в Гос. изд-ство. А. Н. Тихонов не у дел.

Все эти «акты гражданского состояния» совершились перед самым рождеством 1924 года.

«Р<усский> современник»... еще выходит, выпущена 4-я книга, в ней, между прочим, мой рассказ «Тишина». Очень хочется знать ваше мнение об этом рассказе.

Всего доброго вам, дорогой Алексей Максимович, — главное — будьте здоровы! И еще раз — душевное спасибо вам за всё.

Ваш Конст. Ф е д и н

¹ См. письмо 11.

² Цитата из стихотворения Ф. И. Тютчева:

«Нам не дано предугадать,
Как наше слово отзовется,
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...».

³ Письмо 10.

⁴ В 5-м номере журнала «Беседа» за 1924 г. были опубликованы статья Горького «Памяти Л. Лунца» и пьеса Лунца «Город правды».

КОНВЕРТ ПИСЬМА ГОРЬКОГО К. А. ФЕДИНУ ОТ 18 ЯНВАРЯ 1925 г.

Автограф

Собрание К. А. Федина, Москва

14

ГОРЬКИЙ — ФЕДИНУ

⟨Сорренто.⟩ 9.1.25.

«...Чистый вымысел производит большее впечатление на читателя», — пишете вы. Мысль — верная, но выражена — не точно. Лепендин, Шенау, мордва — все это не «чистый вымысел», а именно та подлинная реальность, которую создает лишь искусство, та «вытяжка» из действительности, тот ее сгусток, который получается в результате таинственной работы воображения художника. Если вы — художник, все, что вы когда-либо узнали, будет вами, но незаметно для вас, превращено в то, что вы назвали «чистым вымыслом». Черты Лепендина — в тысячах людей, встреченных вами, пыль впечатлений, которые вы получили от них, слежалась в камень — явился Лепендин. Его песенка содержит в себе туго сжатый политический и моральный трактат; если эту песенку развернуть — получим одну из сотен книг, написанных о войне, после войны.

Дорогой мой — цените ваше воображение, не стесняйтесь ничем и никак его свободу, и тогда вы делаете прекрасные вещи. «Действительность» для вас только материал, какова бы она ни была. Люди — тоже материал, кто бы они ни были, святые, преступники, идиоты, мудрецы, Достоевские, Жоресы и т. д. Для художника и гений совершенно равноценен идиоту, ибо он так же, как идиот, дан художнику камнем, из

Этот Ваш герон — не смогли выловить
 меня, близкий мне художник, человек, облада
 вший даром выловить выдумку, поэтому его
 пройма его предания бохитатся, солдатово
 се это ридат в воде и проворитя рокоци, то
 моря, вайломазе в мисе и мисе, расио
 ет он и етисе райси, которые тот дини
 мй ран-це днз себе и вайломазе
 Многие говорят: художник бохитатся мисе к
 свободе, Выт это.

Поцели книги Михомова. Кроци Вас: пере
 дайте ему мой последний и красивый и мое
 бохитение: я еще хорошо, ет роиня ридет
 титой, вайто, мисе дини!

Поцели в „Рес“ Романова. Умное мисе е
 рески мисе! Мисе Романова, в вайло, мисе
 вайло гриматио, в „Рес“ его — бохитатя по
 мисе етисе, „Уче“, „мисе“, „Какой мисе“, мисе мисе
 вайло мисе мисе мисе! Обруган.

А Вам — всего доброго. Писите бохитя, титой
 мисе мисе мисе так, титой мисе мисе мисе мисе
 мисе мисе мисе мисе мисе. Умное мисе
 Рески мисе мисе мисе мисе!

К. А. ФЕДИНУ ОТ 18 ЯНВАРЯ 1925 г.

конец письма

К. А. Федина, Москва

Всего доброго! Очень рад за вас, очень! Ваша книга понравилась Хода-
 севичу, а он — строгий читатель. Поклон всем. Слонимского, Каверина —
 поздравьте!

А. Пешков

¹ Письмо 12.

«Тишина» — очень хорошо! Очень.

В отношении языка — заметный шаг вперед, к точности, к экономии
 слова, а — главное — к своему языку, языку К. Федина. Вы можете убе-
 диться в этом, сравнив любую страницу романа с любой — рассказа.
 В первом случае вы найдете одно, два лишних и шатких словечка, во
 втором — едва ли найдете. И еще: в рассказе есть целомудренная
 сдержанность лирического чувства, это и умно, и говорит о вас как о
 серьезном художнике. Умно, что Таиса не сказала — прощаю! Верно, что

она пожелала только «покойной ночи», и хорошо трогает за сердце «неуклюжий», но очень уместный человеческий возглас Агапа:

«Антонич... ты этово...»

Может быть, я вообще несколько сентиментален, — все человечески красивое почти всегда волнует меня до слез. Но и рассуждая от разума, я нахожу человечески доброе, нежное, проблески родственного чувства у одного индивидуума к другому — как нельзя более ценным и уместным в наше трагическое время. Одной кровью сыт не будешь, и — топнит с нее, поэтому вполне разумно допустить в обиход наш нечто иное, хотя бы кисло-сладкое. Как мы видим, героизм быстро утомляет, и я слишком много видел — вижу — героев, которые рады ласке кошек и собак, уже не говоря о женщинах, иногда — пошленьких.

Но — поверьте! — я хвалю ваш рассказ отнюдь не потому только, что его духовная начинка отвечает моим этико-эстетическим вкусам, право же — нет! Вы поймете это, вспомнив, что я начал жить среди «бывших» людей и, как видно, кончаю жить в их среде. Уже поэтому ваши герои — не могут волновать меня, волнует меня художник, человек, обладающий даром волновать ближнего, заставляя его против его желания восхищаться, сочувствовать, сострадать и вообще проявлять эмоции, которые, воплощаясь в мысли и слова, часто становятся цепями, которые этот ближний сам же для себя и выковал.

Иначе говоря: художник возвращает меня к свободе. Вот что.

Получил книги Тихонова ¹. Прошу вас: передайте ему мой искреннейший привет и мое восхищение: очень хорошо, стройнорастет этот, видимо, настоящий!

Получил и «Русь» Романова. Ужасное творится с русским языком! Этот Романов до войны писал довольно грамотно, а «Русь» его — безобразна по начертанию: «уже», «еще», «какой-нибудь», «пенечные веревки» — черт знает что! Отругаю.

А вам — всего доброго. Пишите больше, каждый день пишите и так, «чтобы словам было тесно», чувству — «просторно» ².

Жму руку.

А. Пешков

Слонимскому и др. — привет!

¹ См. письмо 9, прим. 2. В личной библиотеке Горького хранится сборник стихотворений Тихонова «Орда» с дарственной надписью: «Дорогому Алексею Максимовичу — эту первую книгу стихов, как юношески зеленый дар просит принять автор». На книге много помет и надписей Горького (см. наст. том, стр. 471).

² Измененная строка из стихотворения Н. А. Некрасова «Подражание Шиллеру». У Некрасова: «Чтоб словам было тесно,
Мыслям — просторно».

Дорогой, милый Алексей Максимович, — в третий раз принимаюсь написать вам, и опять не уверен, что найду нужные слова и — наконец — отправлю вам письмо. Вероятно, я дошел до жестокого внутреннего разлада, если не могу оформить своих чувств так, как хочу. Письма к вам, которые я должен был уничтожить, были полны жалоб на разнообразнейшие явления, в которых я сам виноват — по-видимому — больше, чем кто-нибудь другой. Но эти явления угнетают меня, я не в силах освобод-

даться от них и против воли говорю только о том, что заполнило меня до последнего предела. Что бы ни делал я сейчас, — мои мысли кружатся вокруг представления, неожиданно поразившего меня и отнявшего у меня ничтожную долю спокойствия, которой я обладал. Жалко говорить обо всем этом, потому что это может показаться преувеличенным; скучно — потому что это «обыкновенная история». Но я обречен на жалобы, мне необходимо выкричаться, во мне не осталось ни одной покойной клеточки, я ложусь спать и просыпаюсь с сознанием, что *и сегодня* я буду отдавать свои силы не тому делу, без которого не могу жить, а нелепым пустякам, заслонившим собою всё, решительно всё! Если это и «обыкновенная история», то форма ее представляет собою какую-то редкость, почти клинический случай! Я скован по рукам и ногам крепким кольцом, образовавшимся из мельчайших, иной раз — вовсе незаметных для глаза — отношений. Вот уже седьмой год я служу, чиновничаю, верчусь, как щепка, в потоке повседневных мелочей. Мне некогда остаться наедине с собою, я вечно на людях, которые давно изучены до крупницы, исчерпаны до дна. Я буквально завален негодными рукописями, число которых, с тех пор как вы уехали, возросло в России до астрономических величин. Утром и вечером я их читаю, читаю... Днем я говорю о них с их авторами. Временами я не отличаю хорошего от плохого. Я чувствую, *вижу*, как эта работа портит мой язык, как я тупею от усилий вникнуть в белиберду, притекающую на мой стол, как мусор в половодье. Я понимаю, что нужно же чем-нибудь «окупить» свое физическое существование, что нельзя рассчитывать, чтобы писательский труд был признан годной для этой цели валлотой! Но ведь еще год-два такой расплаты за право заниматься литературным трудом — и я вполне созрею для нервной клиники!

Арифметически у меня остается в сутки несколько часов «свободных». Но в эти часы я чувствую себя инвалидом...

Дорогой Алексей Максимович, до сего дня я думал, что, работая над собою вопреки всем неблагоприятным условиям, я укрепляю свою волю. Я думал и продолжаю думать, что в жизни ценно только то, что достигнуто преодолением препятствий, ценою жертв и самоотречения. Мне было весело исполнять чуждую работу, голодать и бедствовать, чувствуя, как с каждой минутой я продвигаюсь вперед. В сокровенном уголке своего существа я постоянно носил уверенность в конечном одолении всех препятствий. Я должен был выбирать минуту, чтобы дать волю своему желанию писать. У меня оставались для этого силы. Теперь у меня их нет. И если желание писать вырвется наружу «не вовремя» — его пожрет всякая дрянь, заполнившая меня без остатка.

Мне нужно какую-нибудь крепкую встряску, может быть, просто хороший отдых, может быть, — хорошие люди. Я чувствую себя опустошенным, хотя я полон планов и желаний. Кажется — это симптом неврастении...

Вот, дорогой Алексей Максимович, — крик, без которого я не мог написать вам. Надеялся, что пройдет, что обойдусь без «жалких слов». Не вышло. Простите меня за истерику, она вас не должна, во всяком случае, ни к чему обязать. И не сердитесь на меня. Вы несколько раз повторили в своих письмах: «Пишите каждый день». Боже мой, если бы были у меня силы! И какая боль — вдруг признаться самому себе, что их не стало! Я, конечно, верю в себя, верю больше, чем думаете вы, иначе я не стал бы вопить о своем бессилии и не решился бы писать вам о нем. Но сейчас, в обстановке, о которой я сказал, я не могу уже делать того, что делал в течение семи лет: я переключал тогда себя на «свое» и на «чужое» по произволу, как машинист на электрической станции переключает ток на район А или район В. Продолжая жить «на два дома», я вовсе не укрепляю.

волю, а распатываю ее. Нужно что-то, а что — я не знаю. Вижу только, что необходимо по-прежнему «окупать» свое физическое существование. Иначе не исполнишь и ничтожной доли того, что исполнить должен.

Все ваши письма — числом три — получил, от всей души благодарю вас за нежность, с какой вы говорите со мной, и за дружеские чувства! Я не могу передать вам, как взбудораживает — пугает или волнует — меня иное ваше слово. И мне стыдно, что я не нашел для своего письма ничего, кроме житейских жалоб. Очарование ваших писем в том, что вы отвечаете на мои повести, рассказы — на то главное и важное, что я стараюсь в них вложить. Я вижу, что самая неудачная страница моей книги говорит вам больше, чем пространное письмо, и я счастлив, что образы моих рассказов иногда убеждают вас в своей художественной правде. До глубины трогает меня, что вы видите всю боль моего неверия в себя, радость веры, немошь мастерства и его достижения. Все это — самое главное для меня, и в этом смысле я, конечно, становлюсь «одержимым» и жизнь моя превращается в «житие». Каково оно — вы прочли в начале этого сумбурного письма.

Совет «ничего не принимать на веру» вы мне дали в первые дни знакомства со мной, и — единственный случай — этот совет я принял на веру. Но у меня слишком много «химического сродства» с мыслями, которые вы высказали в последних письмах ко мне, и это поднимает меня, особенно теперь, когда я так устал. Когда я употребил выражение «чистый вымысел», говоря о его большей действительности, чем сила реального изображения (в обычном смысле), я думал именно о той подлинной реальности, которая получается «в результате работы воображения». Вы особенно отчетливо дали понять мне это, сказав, что человек всегда «физиологическая реальность и психологическая фантастика». В этом — ключ к пониманию того, что люди, созданные литературой, живут в нашем представлении гораздо более реально, чем все «исторические» лица, если к их образу не прикоснулось воображение художника. Вы, таким образом, укрепили меня в убеждении, слагавшемся во мне — может быть — чересчур медленно. Но, поверьте, это не от «недостатка веры в себя», а только от осторожности, с какою я даю фактам убеждать себя. Впрочем, я не считаю «осторожность» большим достоинством, и она часто мне мешает.

Вы несколько раз говорили о том, что «творится с русским языком».

В своей работе я всегда чувствую необыкновенную трудность овладения словарем. Я никогда не владею словом с легкостью, о которой так часто приходится слышать от многих писателей. Обычно вопрос решается так, что совершенство техники зависит от систематичности труда. В значительной степени это, по-видимому, верно. Но ведь словарь — не постоянная величина. Он определяется материалом. Ясно, что, чем шире тематический и прочий диапазон художника, тем больше словарей ему нужно (мне кажется, словарь «Тишины» немногим лучше словаря «Гор(одов) и годов»; но ведь это совершенно *разные* словари!). Стало быть — где же конец изучению словаря? И почему систематическая работа над повестью из жизни деревни должна помочь работе над рассказом о европейском городе (только относительно словаря, конечно)? Между тем словарь — повторяю — самое трудное во всей писательской технике. Что нужно делать, чтобы обогащать не словарь для ка(кого)-н(ибудь) рассказа, а *словари*? Над этим у нас здесь вовсе не задумываются. Суждение Шкловского играет громадную роль¹. Он определяет удельный вес произведения (мне он сказал, что роман — очень плох, язык — переводной; Германии, оказывается, я вовсе не знаю!) (Кстати, на проверку обнаружилось, что, ругая меня за роман, Шкловский просто не прочел его.) К слову — «Тишина» на чтении у Серапионов не имела никакого успе-

ха именно из-за преобладания в рассказе орнамента над сюжетом, т(о) е(сть) из-за моей излишней склонности к «языковым красотам».

Сердечное спасибо за письмо к Ионову². Он, правда, до сих пор ничего еще не сказал мне о возможности поехать в Италию. Я пытался говорить, но неудачно. Не знаю, выйдет ли что-нибудь. Поехать не только хочется, поехать нужно. Это дало бы мне бесконечно много. Очень хочу повидать вас, дорогой Алексей Максимович, надо посмотреть на вас, надо пожать вам руку. Был бы счастлив, если б удалось осуществить поездку. Если дело провалится, постараюсь уехать в деревню, в Дорогобужский уезд, в «затвор». Здесь, и вообще в большом городе России, я больше жить не в состоянии. Надо писать, читать, думать. Все это сейчас для меня — «бессмысленные мечтания».

Имени Роман Кумов³ я не встречал, и узнать о нем не удалось.

Жму вам руку, благодарю за всё — и не ругайте меня за это письмо: стройнее и лучше я не могу сейчас написать, а мне совестно не отвечать на ваши — дорогие для меня — письма.

Любящий вас Конст. Ф е д и к

Привет Владиславу Фелициановичу⁴. Получил ли он мое письмо, отправл(енное) в прошл(ом) году в Ирландию?

Жена кланяется вам, благодарит за привет.

На днях пошлю вам альманах «Ковш» I — там замечательный рассказ М. Зощенки⁵. Ему удалось сказать самое главное. Скоро все мы совершим нечто подобное тому, что сделал его герой — Котофеев⁶.

¹ «Думается, я имел в виду популярность и авторитет В. Б. Шкловского в кругах сторонников формальной школы, ЛЕФа и пр.» — К. Ф.

² См. письмо 12, прим. 4.

³ См. письмо 12, прим. 6.

⁴ В. Ф. Ходасевичу.

⁵ «Ковш» — литературно-художественный альманах, издававшийся Государственным издательством в 1925—1926 гг. в Ленинграде. Редактором альманаха был С. Семенов. В редколлегию его входили — Федин, И. Груздев, М. Слонимский и др.

В 1-й книге альманаха за 1925 г. были напечатаны: М. З о щ е н к о. Страшная ночь; Н. Т и х о н о в. Красные на Араксе; А. Т о л с т о й. Семь дней, в которые был ограблен мир; С. С е м е н о в. Петли одного и того же узла; Л. Л е о н о в. Три рассказа; М. С л о н и м с к и й. Однофамильцы; В. К а в е р и н. Конец хазы; А. Г о л и к о в. В дни поражений и побед, и др.

⁶ В том же номере «Ковша» — первая напечатанная вещь Гайдара под его настоящей фамилией: А. Голиков (открыли Голикова мы: Семенов, я, Груздев). — К. Ф.

⁶ В рассказе Зощенко «Страшная ночь» был создан образ «маленького человека» Котофеева, взбунтовавшегося против пошлости окружающей жизни.

(Сорренто. 3 марта 1925 г.)

Вы совершенно напрасно уничтожаете письма «с жалобами», посылали бы их такими, как они написались, и тогда вам не пришлось бы дважды и трижды терзать себя одним и тем же. Я — человек достаточно грамотный и, вероятно, сумею прочесть то, что вам нужно сказать мне, хотя бы вы и сказали это не вполне «оформленно».

Мне тоже не раз в жизни моей бывало трудно от различных «обыкновенных» и необыкновенных историй, это всегда обижало меня и, в гневе на себя, я говорил себе: я живу не за тем, чтоб мне было трудно, у меня есть призвание, есть любимое дело, мое настоящее «я» — в нем, в этом деле, а потому — к чёрту все остальное!

У вас — то же самое призвание, такое же значительное дело; в нем, в его круге ваши самые сильные радости и муки, — так должно быть, так оно и есть, судя по в<ашему> письму. Я не верю, что вы «не в силах освободиться», нет, конечно; это временная слабость. Вам, видимо, следует «переменить обстановку» — всю: и пейзаж, и жанр. Как бы устроить, чтоб вы приехали сюда и, отдохнув, поработали здесь? Не написать ли мне Рыкову А. И., чтоб в<ам> дали командировку за границу для работы над книгой? Ионов мне до сего дня не ответил ¹, и, признаться, я не очень верю в его желание ответить. Мне кажется, здесь, т<о>е<сть> вообще в Южной Европе, вам было бы не плохо пожить. Не придумаете ли, как можно устроить это? Сообщите мне. Скорее.

Очень обрадован тем, что Зоценко написал хорошую вещь ². Он, конечно, должен был сделать это, но последнее время о нем я слышал, что он устал от «юмористики», от мелкой журнальной работы и — болен. С нетерпением жду «Ковш». А что Каверин? Слонимский?

Кстати: вы хорошо знаете немецкий язык? Насколько? Где, собственно, работаете вы?³ Вопросы эти имеют практический характер: тут затевается некое издательское предприятие ⁴, в котором вы, м<ожет> б<ыть>, нашли бы заработок.

Простите, что пачкаю письмо, я — нездоров, едва сижу за столом, а в голове лошади топают.

Шкловский — увы! «Не оправдывает надежд». Парень без стержня, без позвоночника и все более обнаруживает печальное пристрастие к словесному авантюризму. Литература для него — экран, на котором он видит только Виктора Шкловского и любитесь нигилизмом этого фокусника. Жаль. Но — здесь люди изживают себя еще быстрее, подразумеваю — русских.

Отвечайте скорей и, главное, на тему о том, как бы вам выбраться сюда?

Жму руку.

А. Пешков

3.III.25.

¹ См. письмо 12, прим. 4.

² См. письмо 16, прим. 5 и 6.

³ В 1921—1926 гг. Федин работал в Госиздате (Ленинградское отделение). В 1925 г. заведовал Отделом русской литературы.

⁴ Можно предположить, что речь идет о задуманном Горьким в 1925 г. издании журнала «Собеседник», который ставил своей задачей печатать переводы новинки иностранной литературы. Журнал должен был выходить в России. Издание его не состоялось. См. письмо 31, прим. 8.

Дорогой Алексей Максимович, моя поездка в заморские страны совалась. Полтора месяца я надеялся, что осуществление такого плана вовсе не так фантастично. Оказалось, что я — наивный человек. Все дело стало за деньгами. Надо было на время моего отсутствия обеспечить жену с ребенком и в то же время запасть деньгами на дорогу. Я решил «продаться» газетам, насулил фельетонов, очерков и пр. Одни редакции вовсе не отозвались, другие предложили мизерные условия. Словом, я решил отложить поездку до осени, до поздней осени. За лето я рассчитываю написать повесть; при удаче — продам второе издание романа ¹ (он почти разошелся — 7000) — тогда можно будет двинуться. Признаться, я уже спал и видел, как неожиданно заявлюсь к вам, как лягу где-нибудь на при-

чеке — на итальянском припеке. Теперь я очнулся; кругом ничто не изменилось, «вселенная улыбается на меня»* под тем же градусом широты и долготы, а я молюне бесные силы, чтобы выбраться хоть в деревню. Поеду в Дорогобужский уезд, в леса. Очень мне хочется, вернувшись из деревни, не возвращаться к службе, бросить ее навсегда, она стоит у меня поперек горла.

Задумал я повесть², выходит любопытно, вся забота моя в том, чтобы не было похоже на «Мертвые души»: у меня тоже хождения человека до нынешней Руси, без троек, впрочем, и без Селифана.

ГОРЬКИЙ

Фотография, Позиллипо (близ Неаполя), 1926 г. с дарственной надписью К. А. Федину: «Константину Федину — М. Горький. Napoli 10.III.26»

Собрание К. А. Федина, Москва

Другую — небольшую — повесть уже написал, пойдет она во втором «Ковше» — «Наровчатская хроника, веденная Симоновского монастыря послушником Игнатием в лето 1919-е»³. Получилось неожиданно для меня весело (хотя и грустно, конечно). Это — первая вещь, получившая единодушное одобрение Серапионов: прежде я всегда вызывал своими вещами жесткие разногласия. Надо сказать, что единодушные это меня смутило: не средняя ли вещь эта «хроника», если она примирила все противоречия Серапионов? Но я воспринимаю ее весело, непривычно.

Пишу «Кавказские рассказы»⁴ (кончил пока один) и умиляюсь: прекрасный материал! Вообще, Алексей Максимович, у меня реакция: я положительно спокоен за свою работу, мне кажется, что у меня неисчерпаемый

* Это, кажется, по Бабелю... (прим. Федина.— *Ред.*).

запас материала и что пишу я — право же — хорошо! Я думаю, будет полезно, если этакое умиление продержится год-другой. Посмотреть, что делается кругом! Толстые, Достоевские, Горькие размножаются простым делением, как амёбы. О множестве других талантов и говорить не приходится. Мне становится стыдно за себя, и я «переменяю станок»: работаю на «благополучие»...

Большущая просьба к вам, дорогой Алексей Максимович. В Берлине вышел т. XVII вашего Собрания ⁵, его здесь еще нет. Не будете ли добры выслать мне эту книгу? Пожалуйста! И еще: правда ли, что вы написали роман? ⁶ Если он выйдет сначала за границей, можно вас просить выслать его мне? И — наконец — давнишнее мое желание, о котором почему-то не сказалося до сих пор: хочу иметь ваш портрет ⁷. Не найдется ли у вас вашей фотографии, относящейся к последним годам? Пришлите, пожалуйста, — благодарю вас заранее со всей искренностью.

Будете писать мне — не забудьте о романе: я узнал случайно, передают как «слухи», верно ли? Не забудьте написать и о своем здоровье. Адрес мой — на лето — прежний.

Желаю вам всего хорошего!

Ваш
Конст. Ф е д и н

Ответное письмо Горького от 3 июня 1925 г. опубликовано в т. 29, с. 430—431.

¹ «Города и годы».

² Замысел не был осуществлен.

³ «Наровчатская хроника». Альманах «Ковш», кн. 2. Л., Госиздат, 1925. Отдельное издание повести (Харьков, «Пролетарий», 1926) Федин послал Горькому со следующей надписью: «Алексею Максимовичу Пешкову — с любовью и преданностью К. Ф.» (ЛБГ).

⁴ «Абхазские рассказы». М.—Л., Госиздат, 1926.

⁵ М. Горький. Собр. соч., т. XVII. Берлин, «Книга», 1925. В том вошли: «Заметки из дневника. Воспоминания».

⁶ «Романа я не написал, а — пишу, — отвечал Горький Федину. — Долго буду писать, год и больше, это будет вещь громоздкая и, кажется, не роман, а хроника, 80-е — 918 г〈оды〉. Не уверен, что справлюсь. Тема интересная: люди, которые выдумали себя».

Написал большую повесть „Дело Артамоновых“, история трех поколений одной семьи (т. 29, с. 430).

⁷ Фотография была прислана Горьким Федину в 1926 г. с надписью: «Константину Федину — М. Горький. Napoli, 10.III.26». Впервые воспроизведена в кн.: И. Г р у з д е в. Жизнь и приключения Максима Горького. М.—Л., Госиздат, 1926.

Ленинград. <Начало сентября, 1925 г.>
Литейная, 33, кв. 13.

Дорогой Алексей Максимович,

три месяца я прожил в Дорогобужских дебрях, извездил на лошадях верст тысячу, исходил сотни верст пешком, переродился во многих зверей и человек и только на днях вернулся в прежнее свое состояние: опять живу среди нелепых городских условий, от которых весной бежал, поджав хвост. Лето было очень хорошо — единственное, может быть, на всю жизнь, наполненное бодрым, крепким чувством, благостное, изобильное. Крестьяне для меня, как заграница, и жить среди них, с ними — как с заморскими чудовищами: что ни шаг — открытие. Приятель мой — Мих〈аил〉 Погодин (внук историка) ¹, этнограф и археолог, — работая в тех местах, где я жил, проходил как-то деревней, остановился посмотреть на избу: очень уж хорош был на избе конек, причудливый. Постоял, по-

стоял, пошел своей дорогой. Вышел за деревню — догоняет его мужик, кличет, машет руками, запыхался:

— Ты што-йто на мою хату смотрел?

— А так.

— А-а-а... А я думал, с ей чего неладно...

Ну, разве не заграница?!

Видел я необыкновенные вещи. Жил, например, в Болдином монастыре, *единственном* в России, где сохранились еще монахи, служащие в соборе, ведущие старый образ жизни — т<о>е<сть> принимающие странников, гостей, постящиеся, блюдушие устав. Всего их тринадцать человек, двенадцать из них — иеромонахи, и только один — «певчий». Этот «певчий» — 18-летний паренек, пришел в монастырь недавно, крестьянин, добрый и приятный малый; пришел он «по указанию божию», сделанному не раз в «видениях»; батька его бил, не пускал, он ушел и держится в монастыре твердо; с виду он очень здоров. Старики-монахи его любят. Это, пожалуй, из Карамазовых... Как уцелел монастырь? А он «в ведении Главмузея», он «исторический памятник», и старую шатровую церковку, построенную еще при Герасиме (в XVI веке) — основателе монастыря, вот уже третий год реставрирует Главнаука... Церковь, действительно, прекрасна.

Бывал я у колдунов, людей чудных и несчастных: мужики теперь все дѣба, гадать о них нечего, доходы плохи, да и веры стало немного в ворожбу — очень уж набрехали колдуны за войну. И я видел умирающего с *голода* колдуна — бобыля, до которого никому не стало дела. А жил он в войну и революцию, как барин, давал деньги в рост и хлебом торговал...

Перевидал я множество усадеб, теперь возрождающихся по-новому или окончательно сравнявшихся с землей. Пожил у доброго десятка мужиков — самых разных мастей и — в общем — одномастных. Прочный мир, и жутковато становится, но в то же время и необыкновенно *хорошо* (нет другого слова!). Вас, дорогой Алексей Максимович, я часто вспоминал именно у мужиков, с мужиками, по контрасту ли с вашими образами, по тому ли, что вы какой-то стороной суждений ваших о крестьянине очень правы, а тут же, в правоте этой как-то и ошибаетесь. Мне кажется, что будущая-то культура обопрется именно на крестьянина, а никак не на его понукальщиков. Ведь все упорство, с каким мужик держится за старое, — не от порочных качеств его, а оттого, что с нас — понукальщиков — *нечего* взять, и это он видит на деле. А время не ждет, и опыт сохи с бороной — опыт верный, надежный, круговорот хозяйства (по старинке!) не обманет, только поспешай поворачиваться. И мужик поворачивается! Поворачивается *ровно настолько*, чтобы на третий год после гражданской войны и голода вся страна позабыла и о войне, и о голоде. Пресловутая крестьянская «темнота», «косность» и пр. — жалкие слова. Преимущество молотилки перед цепом мужику более очевидно, чем Наркомзему. Да дело-то тут кое в чем другом: мужики-то для нас — заграница, и понукание наше — простое незнание грамоты, непонимание основ культуры, давно имеющейся и почти окостеневшей вследствие постоянного *противодействия* понукальщикам. Дать возможность *и время* свободно развиться этой культуре — значит сделать все, что требуется разумом.

Сказалось у меня это нечаянно и мало внятно, — трудно сказать об этом кратко. Но мысль моя не «народническая» и не «эсеровская», дело не в крестьянской какой-нибудь «доминанте», а в естественном ходе вещей. Ход этот медленен настолько, что — надо думать — живи я сто и двести лет назад в Дорогобужском уезде, я нашел бы *тех же людей*, что и нынешним летом.

Много дала мне охота. С ружьем непрестанно передвигаешься, подолгу не засиживаешься, надоело, устал ли говорить с кем — вперед! И опять

новое, новое без конца. Сама охота — прекрасная штука! Кончилась она у меня волчьей облавой, на которой убили 4-х волков, один из них — мой! Горд я и счастлив, как конквистадор: ведь квалификация! Облава была в Бездоне (каково название?) — это волчий город, с площадями, проспектами, канализацией (вырытые на болоте колодцы). Прямо чудо!

Не писал ничего, не ругайте меня! Зато набрался всякой всячины, и того гляди — лопну от изобилия! Теперь сажусь, пишу до Рождества и — рассчитываю — писать буду неплохо. Без философии о крестьянстве — не сердитесь на меня за нее.

Письма мне не пересылали, и, вернувшись, нашел ваше письмо, старое, от 3. VI². Для меня оно ново, я прочел и — как всегда — перечитал его с радостью и крепко, крепко благодарю вас за дружеские чувства, в нем выраженные. Вы и не знаете, как я оживаю от ваших писем!

XVII тома из Москвы мне не прислали³. Пришлите, пожалуйста, вы сами, по адресу Ленгиза, на мое имя. Жду также с нетерпением обещанный портрет⁴. Его, конечно, можно послать по моему домашнему адресу. Где напечатано «Дело Артамоновых»?⁵ В «Беседе»? Нельзя ли и эту повесть получить от вас? Как пишется роман?⁶ Напишите. Как чувствуете себя, лучше ли, чем зимой?

Жму руку и шлю сердечный привет.

Ваш Конст. Ф е д и н

Р. С. Читали ли «Наровчатскую хронику»? «Ковш»⁷ вам послал Груздев.

А настоящую за границу, вашу Италию, а не Дорогобужскую, держу прочно в сердце. Но теперь до зимы, сейчас надо писать.

Датируется по письму 20.

¹ Михаил Иванович Погодин — археолог и краевед, впоследствии библиотечный работник, внук известного историка М. П. Погодина.

² См. т. 29, № 792.

³ См. письмо 18, прим. 5.

⁴ См. письмо 18, прим. 7.

⁵ «Дело Артамоновых» впервые напечатано отдельной книгой в 1925 г. (Берлин, «Книга»).

⁶ «Жизнь Клим Самгина».

⁷ «Ковш», кн. 2. Л., Госиздат, 1925.

Вчера получил ваше глубоко интересное письмо, дорогой Федин.

Вы, конечно, совершенно верно говорите, что в моем суждении о крестьянстве я и неправ, и прав. И, разумеется, вы знаете, что наши правда-неправда — родные сестры, а также знаете и то, что не дело, не задача художника открывать и утверждать истины. Вполне допустимо, что «неправда» есть только умершая, отжившая истина, а правда — истина живая, рожденная как вывод из ряда новых фактов бытия. Сие не очень новое соображение, да и неуклюжее, вызвано вашими словами о мужике, «постоянно противодействующем понукающим». Нет ли здесь ошибки у вас? Ведь «понукающие» несут в жизнь именно живую, новую истину, и поэтому они являются творцами культуры. Именно — они. Так всегда было и будет. Лично я привык думать, что «постоянное противодействие» истекает у людей из желания покоя, «более или менее устойчивого равновесия». К этому «равновесию» стремятся не только люди, но и так называемая «мертвая материя». И даже те ученые люди, кои утверждают, что материи — нет, а существует лишь энергия, не могут отрицать, что и энергия стремится к энтропии, к состоянию покоя. Наверное, и я тоже хочу достичь этого состояния, хочу решительного и все разрешающего

вывода, продолжая, однако, думать, что все мои симпатии на стороне «попугающих» и что мне органически враждебно постоянное противодействие мужика неотразимым требованиям истории.

Все это я говорю потому, что мне показалось: в письме вашем вы покорствуете фактам. Это вредно для художника, который, по существу своему, принадлежит к секте «попугающих». Именно таков истинный художник, таково искусство, которому он обреченно служит. «Истинное искусство не философствует, не проповедует, оно только любит», — говорит один из героев романа, который я пишу. Я прибавил бы к его словам: и ненавидит.

Одна из «Наровч(атской) хроники», которая мне очень понравилась и по языку, и по содержанию, не видно, чтоб вы безусловно покорствовались фактам, хотя автор хроники и говорит о привычке: «Кроткое, но роковое слово». И вообще я вас не вижу способным покорствовать. Вы — человек хорошо, спокойно упрямый. Вы становитесь все более художником. Чепуха, что все у вас «неустойчиво», как пишет в «Н(овом) мире» Вешнев¹. Это материал неустойчив, а не вы. Почти все современные молодые писатели и поголовно все критики не могут понять, что ведь писатель-то ныне работает с материалом, который зыблется, изменяется, фантастически соединяя в себе красное с черным и белым. Соединяя не токмо фантастически, но и неразрывно. И современное искусство слова еще не настолько мощно и всевластно, чтоб преодолеть эту сложность бытия, где правда с неправдою танцуют весьма запутанный и мрачный танец. Надо помнить, что такого времени еще не было и что крупнейшие произведения искусства почти всегда — не современны. «Война и мир» разве современна годам, когда писалась? А — «Фауст»? «Дон-Кихот»?

Возвращаясь к вам, скажу: вы пишете все лучше и все значительней. Видимо, вы станете писать отлично и займете в русской литературе место очень видное. Только не теряйте — несмотря ни на что — ощущения вашей свободы, сознания вашей одержимости.

Извинитесь перед Груздевым: я не ответил ему на вопрос о «Ковше»². Лучшие вещи в нем: вапа и Зощенко. Если последний остановится на избранном им языке рассказа, углубит его и расширит, наверное можно сказать, что он создаст вещи оригинальнейшие. Люди, которые сравнивают его с Лесковым, ошибаются, на мой взгляд. Зощенко заряжен иначе, да и весь — иной. Очень хорош. Интересен Лавренев, но хаотичен и форсит, цеголяет, пишет с кокетливым рощерком и небрежно, в разных тональностях. Плох Семенов. Грустно, что Тихонов подчиняется Пастернаку, и получаем из него Марину Цветаеву, которая истерически переделывает в стихи сумасшедшую прозу Андрея Белого. В общем же «Ковш» — более искусство, чем остальные альманахи: «Круг», «Красная новь» и т. д.

Тихонов, А(лександр) Н(иколаевич), писал мне, что возникает «Русский современник»³. Значит — снова сухая, головная выдумка Замятина и болтовня Чуковского, который так нелепо и неуместно прославил О. Генри⁴, писателя, утешающего продавщиц и клерков надеждами на счастье: замужество или женитьбу обязательно на богатых. Тошнотворно сентиментален. Это даже американцы поняли. О том, где будет печататься моя повесть⁵, — ничего не знаю. Спрашиваю, но толка добиться не могу. XVII том посылаю вам отсюда без надежды, что дойдет. Пробовал — не доходит.

Портрета все еще нет. Снимал американский профессор⁶, наверное скоро придет.

У меня по вечерам температура пляшет, но это пока не мешает мне.

Ну, будьте здоровы. Какой удивительный сюжет — колдун, умирающий с голода! Мне это напомнило Петра Кропоткина, хотя он с голода

и не умирал. Это — удивительно и трагично, колдун! В эмиграции колдуны умирают от голода духовного. Проф(ессор) Ильин сочинил «Религию мести»⁷, опираясь на евангелие. Струве ходит вверх ногами. Вл. Ходасевич, переехав в Париж, тоже печатно заявляет о своей эмигрантской благонадежности. Скучно, как в погребе, где соленые огурцы прокисли уже.

Крепко жму руку. Поклон Зоценко и прочим.

А. Пешков

Sorrento.

¹ В. Вешнев. Константин Федин (Литературный портрет).— «Новый мир», 1925, № 9.

² Речь идет о 2-й книге альманаха «Ковш» за 1925 г. В ней были напечатаны: К. Федин. Наровчатская хроника; Н. Тихонов. Дорога; С. Семенов. Предварительная могила; Б. Лавренев. Рассказ о простой вещи; Б. Пастернак. Из романа в стихах «Спекторский»; М. Зоценко. О чем пел соловей; Н. Асеев. Ленинграду; А. Голиков. В дни поражений и побед (окончание) и др.

³ Выпуск журнала не возобновлялся. См. Горький—Каверин, письмо 12, прим. 4.

⁴ Возможно, речь идет о предисловиях К. Чуковского к книгам О. Генри «Благородный жулик» и «Короли и капуста», выпущенным издательством «Всемирная литература». Л., 1924.

⁵ «Дело Артамоновых». См. письмо 19, прим. 5.

⁶ Александр Каун (1889—1944) — американский литературовед-руссист, профессор кафедры славянских языков Калифорнийского университета. Каун является автором больших исследований о Горьком — «Максим Горький и его Россия» (1931) и «Максим Горький в поисках синтеза» (1939). В июле—августе 1925 г. Каун бывал у Горького в Сорренто.

⁷ По-видимому, речь идет о книге реакционного философа И. А. Ильина «О сопротивлении злу силою» (Берлин, «Книга», 1925).

21

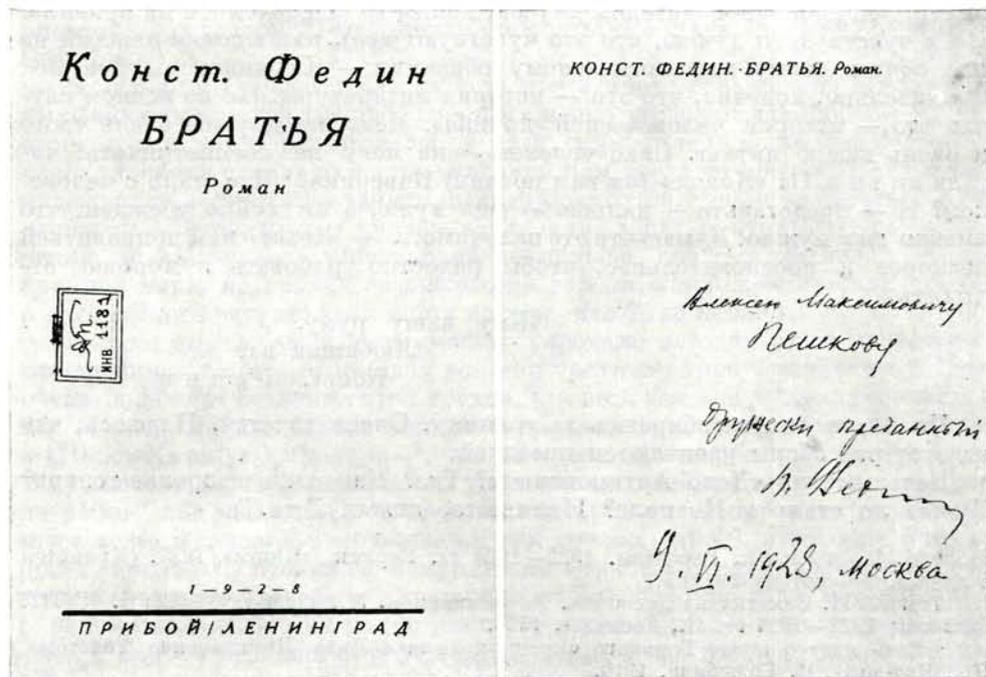
ФЕДИН — ГОРЬКОМУ

⟨Ленинград.⟩ 16 января 1926 г.
Литейный, 33, 13.

Дорогой Алексей Максимович,

незадолго до Рождества я получил, наконец, от «Международной» книги ваши рассказы (1922—24), а на днях приобрел и вышедшие недавно тома XVII и XVIII вашего Собрания в издании здешнем («Рассказы» издательства «Книга» — XVIII том Собрания)¹. За исключением двух-трех рассказов, книги эти для меня совершенно новы — в буквальном и всяком ином смысле. Я не только ваш «старый» ученик, но и старый читатель: читаю я вас лет двадцать, с девятьсот пятого года, когда — собственно — только что начал кое-что соображать. Так вот на правах читателя (очень сомнительных, впрочем, правах) хочется мне сказать вам, что никогда еще не испытывал я такого изумления перед вашими книгами, как теперь. Это неточно сказалось: изумление. Но это ближе все-таки к тому, что я хочу сказать, чем всякие другие слова. По книгам, на просто, ходят люди, — так ощутимы, телесны герои повестей! И — другое: даже там, где автор ведет повествование от своего лица, он не стесняет меня — читателя — своим отношением к герою. Я остаюсь совершенно свободным в своей связи с героем повести, в своем понимании его. Особенно это касается XVIII тома, и особенно — «Отшельника». Здесь я ощутил героев буквально, т(о) е(сть) наощупь. Я всплакнул, признаться, от радости, что это так понятно! Вы меня простите, дорогой Алексей Максимович, за неуклюжесть моего отзыва. Да это и не отзыв, а просто — потребность сказать вам, что мне было *хорошо*, когда я читал вашу книгу, было необыкновенно хорошо. Книга эта нова для меня (так нова была только книга о Толстом)², и вас я почувствовал после нее еще шире, чем раньше.

Покаюсь вам — я думал о себе и о том, что мне не дано вашей действенной любви к человеку: я, кажется, всегда только жалею и восхищаюсь скупо и ненадолго. На замечательного, красивого, умного и, конечно, полезного рысака — например — я всегда немножко досадуя, а забитая и ничемная кляча меня волнует глубоко. Я знаю, что в этом — порок моего зрения, но лечиться у меня не хватает выдержки, а очков я не люблю. Словом, я смирился перед неизбежностью до конца дней любить только

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ К. А. ФЕДИНА ГОРЬКОМУ НА РОМАНЕ
«БРАТЬЯ» (Л., 1928):

«Алексею Максимовичу Пешкову дружески преданный К. Федин. 9.VI.1928, Москва»
Личная библиотека Горького

жалкое и ненужное, «покорился, — как писали вы мне, — факту». Не смейтесь над этой неожиданной параллелью — вы и я, — но я не мог не думать о себе, читая вас, не мог не вспомнить, что я всегда почти «соболезную» несчастным, в то время как вы самим несчастьем украшаете и утверждаете жизнь (я говорю, конечно, об иллюзии, возникающей из ваших произведений).

Спасибо за книгу, присланную мне по вашей просьбе³. Очень жалко, что та книга, которую вы послали из Италии, не дошла, как вы и предсказали.

Это мое письмо, отчасти, — ответ на ваше⁴. Ответ запоздалый, русский, спустя четверть года. «Покорствуя фактам», я все старался разрешить вопросы, явившиеся в результате поездки в деревню и жизни там. В конце концов, упрямство, в котором вы подозреваете меня не напрасно, взяло верх, и я решил, что «философию и пророчество» можно оставить в стороне. Мне кажется, что рассказы о деревне, над которыми я работаю⁵, будут достаточно неуместны в наши дни, в них начисто будет отсутствовать объяснение фактов, и я надеюсь, что они доставят мне небольшое

удовлетворение. Увязнув с потрохами в деревне, я не перестаю мечтать о новом романе⁶ и втихомолку коплю записочки и листочки со всякими планами, нотабенами и пр. Ну, это не на один год! Можете себе представить, Алексей Максимович, каков я стал после того, как добрый год только «начинал» и решал — как писать дальше? Какая-то символическая смоквница.

1-го февраля Серапионы справляют пятую годовщину. К этому сроку все заново сошлись, по-новому все поняв и пересмотрев. Живем мы, очевидно, вопреки законодателям вкусов, каким-то исключением из правила. Но я чувствую (и думаю, что это чувствуют все), как многим каждый из нас обязан этому мифологическому обществу — «Серапионовы братья». Сомнительно, конечно, что это — история литературы. Но во всяком случае это — история человеческой дружбы. Меня эта дружба очень часто и очень щедро питает. Слаб человек — не могу не посплетничать: читали ли вы в III «Ковше» (он вам послан) Каверина?⁷ Что стало с человеком? И — представьте — дальше — еще хуже, а он стойко убежден, что именно *так* нужно! Думаю что это излечимо... — Желаю вам поправиться поскорее и поосновательнее, чтобы радостно работать и хорошо дышать.

Жму вашу руку.

Любящий вас

Конст. Ф е д и н

По весне опять собираюсь за границу. Очень хочется. Надеюсь, что на этот раз сборы увенчаются поездкой.

Печатаете ли «Дело Артамоновых»? Где? Как ваше здоровье теперь? Лучше ли стало в Неаполе? Напишите, пожалуйста.

¹ М. Горький. Рассказы. 1922—1924 гг. Берлин, «Книга», 1925. (Хранится в личной библиотеке Федина.)

Том XVII. Заметки из дневника. Воспоминания. Л., Госиздат, 1926; т. XVIII. Рассказы 1922—1924 гг. Л., Госиздат, 1926.

² Речь идет о книге Горького «Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом», Пг., Изд-во З. И. Гржебина, 1919.

³ Берлинское издание «Рассказов 1922—1924 гг.». См. прим. 1.

⁴ Т. е. на письмо 20.

⁵ В этот период Фединым были написаны рассказы «Утро в Вяжном» (1925—1926), «Мужики» и «Трансвааль» (1926).

⁶ «Братья».

⁷ В 3-й книге альманаха «Ковш» (Л., Госиздат, 1925) начал печататься роман В. Каверина «Девять десятых судьбы».

Дорогой Алексей Максимович,

вчера мы получили вашу рукопись — «О тараканах»¹. Большое спасибо за память о «Ковше» и доброе отношение к нашей стряпне. Альманах можно было бы составлять гораздо лучше в художественном смысле, стройней и строже, если бы не было бестолочи в требованиях (издательских и многих прочих), предъявляемых ныне к литературе. Ведь многие вещи, которые <не> были приняты нами в «Ковш», оказались напечатанными в московских изданиях, где они — почему-то — пришлись ко двору, в то время как у нас от этих вещей шарахались в сторону, точно от ереси. Смешней и печальней всего то, что нас же и попрекают этими зарезанными в «Ковше» рассказами, появившимися у «конкурентов» в Москве: вот прозевали-де хорошую вещь, а в Москве, мол, не спят!

IV-ю книгу сдаем в набор в конце января. Выход приурочен к середине марта. Рукопись вашу, как только перепишем ее, возвратим вам. За корректуру не беспокойтесь, проведем тщательно. Очень хотелось бы, чтобы рассказ ваш появился у нас раньше, чем в Сибири. Будем торопить выпуск книги. Давно ли передали вы рукопись Вяткину? ²

Р. Роллану пошлем приветствие ³— каждый из нас (в этом я уверен) ценит его как писателя и человека, каждый помнит, что он сделал в самые мрачные и бессовестные годы — 1914—1918. Сегодня буду в Союзе писателей, предложу товарищам послать Роллану письмо от имени Союза.

В письме к Груздеву ⁴ вы пишете очень много горького об отношении нынешних писателей к слову. К сожалению, условия для борьбы за чистоту слова чрезмерно тяжелы, и если сам писатель не вполне понимает всего значения слова, то ждать указаний или протеста критики — тщетная надежда: «г. г. критики» заняты сейчас чем угодно, только не писательским словарем. Литература у нас кое-какая есть, а вот критики... — это изречение правдоподобно теперь едва ли меньше, чем сто лет назад. Я, по крайней мере, не прочел за последний год ни одной критической статьи о русской литературе, хотя шуму вокруг нее было немало.

И меня вы, Алексей Максимович, упрекали не один раз в небрежном отношении к языку, вспоминая все мои грехи в «Анне Тимофевне» ⁵. Мне очень больно от сознания этих грехов, и я весь век мой буду «замаливать» их. Я рад, что вы нашли меньше оснований бранить меня за «Тишину» и «Наровч(атскую) хронику» ⁶, чем за прежние мои рассказы и за роман. В сущности, львиная доля моего упрямства и моей настойчивости уходит на работу над языком. Я уверен, что эта работа не прекратится именно «весь век». В письме, отправленном вам третьего дня ⁷, я говорил о трудных темах, о постоянной, изнуряющей борьбе художника с «истолкователем» (разумею претензию художника на философия и др. обобщения — в узком смысле). Но ни на одну минуту я не забывал о трудности мастерства, о борьбе художника с формой. Я уверен, что никакая ясность и завершенность миропонимания художника не разрешает еще вопроса о форме. «Как писать?» — вопрос этот останется вопросом до конца дней. «Писать совершенное» — единственно возможный, хотя и несовершенный, ответ на него. Думая так, я не могу не понимать значения работы над словом. Все дело здесь в размере дарования писателя, в том — «что ему дано».

Еще раз — «Ковш» благодарит вас за рукопись. И все вам шлют сердечный привет.

Будьте здоровы!

Любящий вас
Конст. Ф е д и н

¹ Рассказ Горького «О тараканах» напечатан в 4-й книге альманаха «Ковш» за 1926 г.

² Георгий Андреевич Вяткин (р. 1885) — писатель, в то время секретарь редакции журнала «Сибирь». В письме от 23 ноября 1925 г. Г. А. Вяткин обратился к Горькому с просьбой прислать что-либо из своих новых произведений.

На этом письме Горький сделал помету: «10.XII.25 послал „Убийц“» (АГ). Очерк «Убийцы» был напечатан (не полностью) в журнале «Сибирь», 1926, № 2, с примечанием редакции: «Прислан автором специально для „Сибиря“».

Рассказ «О тараканах» в журнале «Сибирь» не печатался.

³ Как вспоминает Федин, Р. Роллану было послано приветствие в связи с его 60-летием (текст приветствия не сохранился).

⁴ Письмо Горького Груздеву с оценкой 3-й книги альманаха «Ковш» не обнаружено.

⁵ См. письмо 11.

⁶ См. письма 15, 20.

⁷ См. письмо 21.

ГОРЬКИЙ — ФЕДИНУ

〈Неаполь. 28 января 1926 г.〉

К. Ф е д и н у

Сердечно благодарю вас за письмо ¹, очень тронувшее меня, но, пожалуй, слишком лестное. Знаю, что за последние два-три года я стал писать несколько лучше, но, ведь, в 27 году исполнится 35 лет моей работы, и было бы стыдно за такой срок не выучиться чему-нибудь. Однако — «выучился» я мало, и писать так, как хотел бы — не могу, не удастся. Вероятно, это потому, что «таланта» у меня не хватает для моих задач, лексикон мой недостаточно богат и, наконец, было много отступлений от настоящей моей работы в сторону «злости дня». Сие последнее особенно вредно для нашего брата, сколь бы много ни писали против этого люди, поучающие нас, как следует писать, неспособные понять, что мы суть люди «ретроспективного» склада души и что «Войну и мир» невозможно было создать в 814 или даже 20 годах. Критикам следовало бы заглянуть в работы И. П. Павлова о рефлексках, и опыты Павлова с собаками, пожалуй, помогли бы критикам более толково рассуждать о том, как создается искусство. Разумеется, лично я не должен жаловаться и не жалуюсь на критиков, — они меня похваливали столь же часто, как и бестолково.

Крайне интересно пишете вы о рысаке, который возбуждает у вас досаду, и о «ничтожной кляче», которая волнует вас. Это — на мой взгляд — нечто очень древнее и очень христианское. «Муму» Тургенева, Акакий Акакиевич Гоголя и другие «клячи» — это больше не нужно, это — патока, которой не подсластишь горечь жизни нашей, замазка, которой не скроешь глубокие, непоправимые трещины современных форм государства. Но и «рысак» не должен, не может быть идолом художника, — нет. Художник говорит себе:

Как странники по большой дороге,
Сквозь сердце мое прошла
В печали, сомненьях, тревоге
Тысячи детей земли ²,—

и все они только мой материал. Только — это.

Я думаю, что «действенная моя любовь к человеку» — ваши слова — эта любовь, вероятно, — миф. Истина же, реальное же в том, что человек мучительно интересует меня, не дает мне покоя, желает, чтоб я его хорошо понял и достойно изобразил. И с этой «точки зрения» Эйнштейн, пытающийся радикально изменить все наше представление о вселенной, равен — для меня — герою рассказа «О тараканах», посланного мною Груздеву для четвертого «Ковша» ³. В кратких — и не новых — словах задача художника изображать мир, каким он его видит, ничего не порицая, ничего не восхваляя, ибо порицание — несправедливо, похвала — преждевременна, ибо мы живем всё еще в хаосе и сами частицы хаоса. Я очень рад слышать, что «философию и пророчества» вы решаете оставить в стороне, и, следуя доброму примеру вашему, хочу сказать несколько слов по поводу пятилетия «Серационов».

«Сомнительно, конечно, что это история литературы», — пишете вы. У меня этого сомнения — нет. Да, вы, «Серационы», история литературы. В невероятно трудные годы, в условиях, отчаянно тяжелых, вы сумели остаться «свободными художниками» именно «вопреки законодателям вкусов», как вы пишете, вопреки создателям канонов или — точнее — кандалов для души. Это — заслуга не малая. Ее — не забудут. Не забывают и вы то время, когда в голоде и холоде вас не покидала «одержжи-

мость», когда чувство дружбы так хорошо, крепко держало вас на земле и не дало погибнуть вам.

Дело прошлое: немало страха натерпелся я за вас, когда, наобещав вам «три короба» всякой всячины, уехал из России и ничего не мог сделать, будучи обманут, как это со мною бывало и бывает нередко. Но вот вы все-таки преобороти внешнее, выжили здоровыми и твердо идете своим путем. Путь — верный. Каверин? Он — умник, он скоро догадается, что так писать ему не следует, не его дело ⁴.

Пожалуйста — передайте всем Серапионам сердечный мой привет и пожелание успехов.

Собираетесь писать роман? ⁵ Это — превосходно. Вот бы сюда приехать вам, работать. Я тоже сижу над романом ⁶, вернее — хроникой русской жизни с 80-х по 918 год. Не знаю, что будет, но, разумеется, очень увлечен и ни о чем больше думать — не могу.

О III «Ковше» писал Груздеву ⁷. Изумлен был «Кругом», — зачем? Чулков! Да он же не литератор. Белый, еще раз желающий распять отца своего. Пильняк. Этого, кажется, скоро невозможно будет читать ⁸.

«Дело Артамоновых» вышло в Берлине, но посылать вам книгу отсюда — бесполезно, не дойдет. Разве на Ленгиз попробовать? Попробую.

Всего доброго! Еще раз — спасибо за письмо ваше.

И — вот что: 29 января исполнилось Ромен Роллану 60 лет. Я писал кому-то из москвичей и из ваших, чтоб этому человеку послали поздравление ⁹. Его адрес: Швейцария. Кантон Во, Villa Olga — Вилла Ольга. Человек — достойный всяческого уважения и честный человек, за что его и не любят.

Крепко жму руку.

Привет. А. Пешков

28.I.26.

¹ См. письмо 21.

² Цитата из стихотворения Горького, написанного в 1892 г. в Тифлисе. Впервые напечатано в кн.: И. А. Груздев. Горький и его время, т. 1. Л., ГИХЛ, 1938, стр. 340.

³ См. письмо 22, прим. 1.

⁴ Речь идет о романе Каверина «Девять десятых судьбы». См. письмо 21, прим. 7.

⁵ «Братя».

⁶ «Жизнь Клима Самгина».

⁷ См. письмо 22, прим. 4.

⁸ В альманахах «Круг» за 1925 г. были напечатаны: рассказ Г. И. Чулкова «Кинжал» (кн. 5); роман А. Белого «Москва» (кн. 4—5); повесть Б. Пильняка «Заволочье» (кн. 4—5). В образе профессора Коробкина, главного героя романа «Москва», А. Белый воспользовался рядом черт своего отца — математика Н. В. Бугаева. Ранее этот характер был изображен А. Белым в рассказе «Иог» (журнал «Сирена», Воронеж, 1918, №№ 2—3).

⁹ См. письмо 22, прим. 3.

Не помню, сообщил ли я Груздеву, что рассказ «О тараканах» Вяткину не посылался ¹ и нигде в России — кроме «Ковша», печататься не будет. Напечатан же, пока, только в одном из французских журналов ².

Как вы и Груздев цените этот рассказ? ³ Мне было бы весьма интересно — и полезно — знать, мерцает ли в нем нечто не «от Горького»? Это — серьезный вопрос для меня.

Не лень — ответьте.

Вы неоспоримо правы: работа над языком, над формой — цель всей жизни художника. Не хочу говорить комплиментов, но уже «Наровчат-

ская хроника» звучит у вас по-новому. Шопен «Тишины», «Сада», Скрябин некоторых страниц романа «Гор(ода) и годы» как будто уступают место Глинке и Мусоргскому. Сей последний особенно, как мне кажется, — нужен вам. Говорю уподоблениями потому, что очень тороплюсь дописать письмо до визита доктора.

Крепко жму руку. Всего доброго!

А. Пешков

Художнику слова вообще следует внимательно слушать музыку, это — так!

¹ См. письмо 22, прим. 2.

² Рассказ под названием «Les Cafards» был напечатан в журнале «Mercure de France», 1925, № 656, от 15 октября; № 657, от 1 ноября.

³ В письме Горькому от 27 февраля 1926 г. И. Груздев писал: «„Тараканы“ ваши меня восхитили. Какая молодость во всем, что вы сейчас делаете!» (АГ).

25

ГОРЬКИЙ — ФЕДИНУ

〈Неаполь〉 10.II.26

Дорогой Федин,

посылаю вам «Дело Артамоновых»¹. Прочитав, сообщите, не стесняясь, что вы думаете об этой книге и, в частности, о Вялове, о Серафиме. О личном моем мнении я, пока, умолчу, дабы не подсказывать вам тех уродств, которых вы, м(ожет) б(ыть), и не заметите.

Здесь мои знакомые, умеющие ценить подлинную литературу, восхищаются «Кюхлей» Ю. Тынянова. Я тоже рад, что такая книга написана. Не говорю о том, что она вне сравнения с неумными книжками Мережковского и с чрезмерно умным, но насквозь чужим «творчеством» Алданова². Об этом нет нужды говорить. Но вот что я бы сказал: после «Войны и мира» в этом роде и *так* никто еще не писал. Разумеется, я не профессор Фатов и Тынянова с Толстым не уравниваю, как он, Фатов, уравнивает Пантелея Романова со всеми русскими классиками³. Однако у меня такое впечатление, что Тынянов далеко пойдет, если не споткнется, опьянев от успеха «Кюхли».

А вот Никулина — «Никаких случайностей»⁴ я сравниваю с Пьером Бенуа⁵ и другими сего рода и, не смущаясь, говорю: если Никулин будет писать книги *так серьезно*, как эта — первая? его — он, конечно, встанет выше всех французов-авантюристов». В этом жанре у нас не умели писать. Никулин начал хорошо.

Знали бы вы, как меня радует разнообразие литературного творчества в России и обилие творчества.

Вы, там, вблизи, на кухне, смотрите недостаточно зорко, к тому же вы — сами повара, а я — отдаленный читатель, мне лучше видно. И я — рад. Очень.

Крепко жму руку.

А. Пешков

¹ «Дело Артамоновых». Берлин, «Книга», 1925, с дарственной надписью: «Константину Федину. М. Горький. 10.II.26. Napoli» (книга хранится у Федина).

² Алданов — псевдоним писателя-белоземigrанта М. Ландау (1886?—1957), автора исторических романов.

³ Горький имеет в виду статью Н. Н. Фатова «Пантелеймон Романов» в альманахе «Прибой», кн. 1. Л., 1925.

⁴ Л. В. Никулин. Никаких случайностей (Дипломатическая тайна). Кинематографический роман. М.—Пг., «Пучина», 1924.

В письме И. Груздеву от 23 января 1926 г. Горький писал: «„Никаких случайностей“ Никулина — ловко сделано! Это для России „новая литература“» (АГ).

⁵ Пьер Бенуа (1886—?) — французский писатель, автор популярных в двадцатых годах авантюрных романов.

26

ФЕДИН — ГОРЬКОМУ

Ленинград, Литейный, 33, кв. 13.
11. II. 1926.

Получил ваше письмо ¹, дорогой Алексей Максимович, благодарю вас за ваше приветствие Серапионам — от себя и от всех товарищей. На

ГОРЬКИЙ

Рисунок цветным карандашом Кукрыниксов, Москва, 1931 г
Музей Горького, Москва

годовщине мы с благодарностью вспоминали обо всем, что вы сделали для каждого из нас. Шлем вам сердечный привет и желаем всего лучшего! Какая радость — видеть в вас внимательного и хорошего друга! Я уверен, что ваше отношение к работе Серапионов не просто поддерживало молодых писателей, но и *обязало* их к особой серьезности в труде, углубило чувство ответственности. Это особенно, может быть, касается меня: я много раз говорил вам о том, как я обязан вашему пристальному вниманию к себе и как благодарен вам.

Взгляд ваш на задачу художника («изобразить мир, каким он его видит, ничего не порицая и ничего не восхваляя») я считаю верным, т(о) е(сть) разделяю его, и мне думается, что это — мой взгляд. Понимая так задачу художника, я все же не перестаю быть человеком, не теряю качеств, присущих именно мне. «Мир, как понимаю, как вижу его я». Я же вижу «ничтожных кляч», они приковывают меня к себе, меня, человека, и — через него — меня — художника. Вот почему я говорил вам о «действенной моей любви» к «ничтожным клячам»² и о «досаде, которую вызывает во мне рысак». Вероятно, человеческое перетягивает здесь художника. И, действительно, я с тоскою думаю о «крепком человеке», об Эйнштейне, которого так мучительно недостает мне в моих писаниях. Я сейчас *ищу* образ, на который мог бы опереться в будущем моем романе³. Я вижу очень стойких людей (хотя редко), но — поистине — таких людей вижу «я — человек», но не «я — художник». Это неуклюже сказано, но вы поймете меня: мне не можется писать об этих людях, мое воображение не претворяет их в притягательный образ, это всё какие-то чурбаки! Казалось бы, в отношении к подобному материалу я наиболее холоден, объективен, с ним легче обращаться. Но он мне чужд! «Клячи» же — право — трогают меня, художника, до слез, и мне *нельзя* не писать о них... Я сейчас кончаю рассказ — «Трансвааль»⁴, — в нем выведен настоящий крепыш, человек очень любопытный, характер замечательный. Но ведь этот мой герой — негодяй! Редчайший, восхитительный, очень потешный негодяй! «Опереться» на такого — дело сомнительное... Самый «крепкий» человек, которого я когда-нибудь изображал, пожалуй — Лепендин. Но и этому несчастному сперва оторвали ноги, а потом его повесили. Только поэтому Лепендин мне мало-мальски удался! *Несчастье* привлекает меня неизменно. Удача, преодоление, победа — оставляют меня равнодушным. Уроды, сумасшедшие, юродивые, кликуши, лишние люди положительно не дают мне покоя... Возможно, вы правы, говоря о «Муму» и «Акакии Акакиевиче», — конечно, — древнее в этом, христианское. Но ведь и все наше искусство (я не говорю о литературе древних, которая лично меня оставляет в совершенном безразличии) — христианское по сути. И не замечательно ли, что трагедия Короля Лира не в том, что он потерял царство, а в том, что потерял *дочерей*? Ведь это — «Живые мощи», жалость, сострадание, христианство! Покажите мне, хотя бы в мировой литературе, один пример, когда какое-нибудь произведение строилось без этих христианских элементов? Ваш герой в рассказе «О тараканах» положительно настоящий герой! Все дело в том, кажется мне, что он вызывает сострадание. Что ж из того, что он — «таракан». Меня, например, с моею жалостью, хватит на многих «тараканов». И я думаю, что «Акакий Акакиевич» подлинно *воспитал* русского читателя, а «Цемент» Гладкова не воспитает никакого... С Эйнштейном дело обстоит сложнее. В моем представлении образ подобного масштаба в литературе мог бы перевернуть все искусство, как сам Эйнштейн перевернул науку. Но и здесь, я думаю, не обойтись без трагедии, без несчастья, без того, чтобы образ вызывал сострадание. Иначе — гончаровский Штольц в увеличенном виде...⁵

В «поисках героя» (вы напрасно, Алексей Максимович, попрекнули Н. Тихонова стихотворением «Поиски героя»⁶: кончается оно очень иронично, и автор явно издевается над рекомендованными и одобренными героями, покрытыми ранами, в орденах и звездах...) так вот, в «поисках героя» меня потянуло за границу. Я уже писал вам, что собираюсь выехать в конце апреля или начале мая⁷. Маршрут — Осло, Берлин, Саксония, Бавария, через Тироль в Италию, на юг. Почему Осло? Очень мне любопытна Норвегия, и есть случай постранствовать по ней. Не там ли мой «герой»? Конечно, это — карманная Германия, и всё там,

вероятно, мизерно. Но там *камни и море*, и люди сеют хлеб на *каменных*. Мне эти люди привлекательны.

Начал хлопоты о разрешении. Тут я должен, памятуя ваше обещание помочь мне в поездке, обратиться к вам. Не напишете ли вы Керженцеву ⁸ (к которому я отнесусь сам), чтобы он помог мне заполучить визу в Италию? Будьте добры, Алексей Максимович. Италия — мой конечный пункт, я собираюсь побродить по ней и очень хотел бы повидать вас, если это возможно. И потом. В прошлом году вы любезно предложили мне свою протекцию у А. И. Рыкова. Возможно ли это теперь? Если да — прошу вас черкнуть ему, чтобы он распорядился ускорить выдачу мне паспорта. Пожалуйста. Простите, что я затрудняю вас своими просьбами, которых у вас и без меня много. Но поехать мне необходимо, а я не уверен, что без вашего содействия сумею получить разрешение на въезд в Италию.

За обещание ваше — попытаться послать мне «Дело Артамоновых» из Берлина — очень благодарю.

С IV «Ковшом» положение в данный момент неопределенно: нас «закрывают» по два раза на номер! Но надежда сдать в набор в феврале — есть ⁹. «О тараканах» переписана и сверена. Оригинал вам отошлет Груздев.

Будьте здоровы! Жму руку.

Ваш Конст. Ф е д и н

Как в Неаполе? Расцвет? Здесь — вьюги, горы снегу, морозы. Зима жестокая. Костры. По ночам у костров — милиционер, стрелочница, проститутка; топчутся, курят; разговор:

— Ну, а сколько ж — на круг — выходит?

— Когда как...

— Чижолое дело...

¹ Письмо 23.

² «Это — моя ошибка: я писал о „действенной любви к человеку“ Горького (в письме от 20.I), и Горький именно в этом смысле, т. е. о *своей* „действенной любви“ отвечал мне в письме от 28.I.1926». — К. Ф.

³ «Братья».

⁴ Рассказ «Трансвааль» вошел в книгу Федина «Наровчатская хроника» (см. письмо 29, прим. 1).

⁵ В ответном письме от 3 марта 1926 г. Горький писал: «Аз емь старый ненавистник страданий и физических и моральных. И те и другие, субъективно и объективно взятые, возбуждают у меня негодование, безразличность и даже злость. Страдание необходимо ненавидеть, лишь этим уничтожишь его. Оно унижает Человека, существо великое и трагическое» (см. т. 29, с. 457).

⁶ Стихотворение Н. Тихонова «Поиски героя» напечатано в альманахе «Ковш», кн. 3. Л., Госиздат, 1925.

⁷ Поездка не состоялась.

⁸ Платон Михайлович Керженцев (*Лебедев*) (1881—1940) — в 1925—1926 гг. был советским полпредом в Италии.

⁹ 4-я книга альманаха «Ковш» вышла в 1926 г. В ней были напечатаны: М. Горький. О тараканах; Л. Сейфуллина. Налет; Ив. Соколов-Микитов. Чижикова лавра; В. Каверин. Девять десятых судьбы (окончание); стихи Н. Тихонова, И. Садофьева, Б. Пастернака и др.

Пишу вам, дорогой Алексей Максимович, только для того, чтобы уведомить вас о получении «Дела Артамоновых» и вашего последнего письма ¹. Другое письмо ² — небольшое — также дошло, и я очень благодарен вам за всё.

Сегодня начну читать «Д(ело) Арт(амоновых)» и попробую написать об этой книге вашей подробно и «не стесняясь».

Жму крепко руку, желаю здоровья!

Ваш Конст. Ф е д и н

На письме Федина Горький написал: Вам, молодым, надобно читать нас, стариков, очень внимательно, очень *придирчиво*. Очень. Не упуская из виду некоторых достоинств наших, вы все же ищите — где, в чем недостатки? Это, наверное, не позволит вам повторить ошибки наши. Да ведь и достоинства тоже — не вечны; прочность, надобность их должна быть исследована. Лучшим критиком художника может быть лишь художник ³.

¹ Письмо 25.

² Письмо 24.

³ Эта же мысль высказана в письме Горького к Федину от 23 апреля 1926 г. (см. т. 29, № 821).

Ленинград. 27.III.1926.

Получил ваш портрет ¹, дорогой Алексей Максимович. душевно благодарю вас за память! Как, однако, вы похудели, видно здоровье ваше не очень хорошо, или чересчур много работаете? Вы никогда ничего не напишете попросту о своем самочувствии, если и упомянете о здоровье, то вскользь, между прочим. Думаю, что вы слишком переутомляете себя. Последнее время я часто видался с Валентиной Михайловной ², она много рассказывала о вас, о вашей тамошней жизни. Говорит, что — иной раз — почту привозят к вам на извозчике, а вы аккуратнейше все прочитываете, книги и рукописи, расставляете запятые малограмотным авторам, сердитесь, но все же читаете, ночами напролет. У меня волосы стали дыбом, когда я подумал, что этакая война с рукописями и письмами тянется у вас всю жизнь! Ведь от одного этого не поздоровится! Признаться, подумал я и о себе грешном: не слишком ли много отнимаю у вас внимания? Вот даже затеял какое-то подобие спора о вещах, давно для вас решенных, и вы правы, что свели все дело «к вопросам морали» ³. Признаю, что неудачно выразил свою мысль, потому что — конечно — я далек от «утверждения необходимости тенденции в искусстве». В 4-й кн. «Нов(ого) мира» пойдет моя статья об искусстве ⁴, написанная 2¹/₂ года назад (тогда ее не напечатали). В ней есть и о «тенденции». Если это можно было заключить из моего последнего письма, — значит письмо это никуда не годно (с моей точки зрения!). Очень хорошо вы говорите в конце вашего письма о «биологической силе», которая внушает вам *вражду* ко всякому страданию. Я завидую такой силе, потому что не обладаю ею. И вся моя мысль о «клячах и рысаках» (ей-богу, в последний раз о «клячах»!) сводилась к тому что я — по-видимому — биологически неспособен действительно *ненавидеть* страдание, но только всегда *сочувствую* ему. Художник же, думаю я, обращает свой взор преимущественно туда, где есть простор и почва для его «сочувствия». Вот почему я часто вижу себя в кольце: о чем ни начал бы я говорить, я говорю только о страдании.

Не писал вам долго по многим причинам. Давно уже прочел и перечитал «Дело Артамоновых», и мое впечатление об этой книге вполне отстоялось. Попробую передать вам его.

Совершенно изумительно начало романа. Илья Артамонов — старик поражает, *подавляет* своею жизненностью. С первых строк книги и до самой своей нелепой смерти он *движется* по книге, так что страшновато

и сладко за ним глядеть. Замечательно вот что: когда я прочел его (это именно так), мне показалось, что я — выше ростом, что у меня очень широкие плечи, что я силен и немножко неуклюж. Я поймал себя на том, что у меня переменялся голос, я помню, как заговорил с дочерью — по-новому — со странным чувством превосходства отца. Мне стало казаться, что я наплюю много детей и они будут грубоваты, я буду с удовольствием и видимой строгостью понукать ими. А жену свою я совсем по-особому в этот день похлопал по плечу. Это длилось, конечно, недолго, минуто-другую, когда я, оторвавшись от книги, вышел в соседнюю комнату, к семье. Это заражение, исходящее от Артамонова Ильи, по-моему, решает всё: книгу уже нельзя не полюбить. Хорош Тихон Вялов, и совершенно неожиданно открывается — кто он, так что только в конце книги понимаешь всю силу этого человека. Думаю, что Вялов искуснее других героев раскрыт читателю; он все время — загадочен и кажется «хорошим человеком» неспроста, но почему — так и не знаешь; конец же подымает его на голову выше «хорошего человека», делает его героем, вся его жизнь у Артамонова, у «убийцы», становится послухом, борьбою с искушением. Образ Натальи хорош вначале, так же — Алексея (Никита от начала до конца сделан очень сильно, человек «во плоти»). К концу Алексей как будто туманнее, его превращение в либеральствующего дельца воспринимается сухо, это что-то головное. Наталья-невеста — прекрасна, первая ночь ее с Петром (и Петр в эту ночь) — взволнованная, чистая и мастерски совершенная сцена. Не знаю, была ли это ваша композиционная задача: строить первые части романа на «людях», вторую — на «деле». Это совпадает с темой (я понимаю ее так: дело, движимое вначале волею человека, постепенно ускользает из-под его влияния, начинает жить само собою, *своею* волей, более мощной и непреодолимой, пока — в революцию — окончательно не освобождается от человека). Но такое построение романа привело к тому, что он стал несоразмерен в частях, ибо вам пришлось во второй половине либо кратко упоминать об обстоятельствах и условиях роста «дела», либо повествовать о людях (излагать), тогда как в первой половине вы *изображаете* людей. Ведь то, что происходит на протяжении 90-х — 917 годов, несравненно больше *количественно*, чем 60-е — 80-е годы. Основание «дела» Артамоновыми, его первые шаги заняли, примерно, лет 7, т<о> е<сть> к 70-му году «дело» уже вертелось. На изображение этого ушло полкниги, а в другую половину книги уместно 47 лет (приблизительно, конечно), причем в эти 47 лет происходит *тематически* самое важное: «дело» становится действующим лицом, «дело» сминает породивших его. Мне думается, этот композиционный недочет заметно повлиял на эффект конца: книга под конец схематичнее и суше. С этим обстоятельством совпадает другое. Характеры артамоновских внучат мельче и случайнее, чем — деда, отцов. Это так и должно быть, так и есть (к несчастью). Но это усугубляет разряжение конца романа.

Замечательно в книге то, что вы выступаете в ней с новой, молодой мощью. При чтении ускользает от внимания *род* материала, он кажется невиданным, небывалым в литературе. Только вдумавшись — видишь, что это материал Горького — уездное, Окуров, Гордеев, российское купечество из разночинцев и богатеи из мужичков. Но Дрёмов совершенно заново поставлен перед читателем, обернут такую стороной, которую мы ни разу прежде не примечали. Очень сильно и молодо.

Вот что мне грустно и больно видеть в вашей книге: ведь старик-то, поистине, великолепен, Илья старший! Ведь он *умел* и *сумел*. А сыны? У Петра все катится потому, что не может не катиться. Алексей форсит и сюсюкает (в Нижнем Петр хорош, Алексей отвратителен). А внучата —

дрянь. И «дело» — под конец тоже дрянь. Вот, разве, Илья — внук? Да ведь он *так и не появился на «деле»* и, надо думать, — ходит нынче с портфелем, заседает, «прекрасен в абстракции». Я не насчет идеологии, а насчет «дела»..

Серафим хорош, но из «утешителей» у вас лучший в рассказе «Отшельник». Серафим циничнее, суетливее, не излучает того света, что Отшельник. Никита очень примечателен. Жалко, что он слегка глуповат: поумней — восстал бы.

Ну вот. Простите мне мои неловкости в отзыве. Книгу эту вашу я полюбил ⁵.

Жму вам руку, от всей души желаю здоровья и сил.

Ваш Конст. Ф е д и н

В «Нов(ом) мире» А. Белозеров пишет о вас. В 4-й кн. будет окончание. Там же отзыв на книги о Горьком ⁶.

Жена моя просит передать вам привет и свое восхищение вашими двумя последними книгами.

О загранице очень мечтаю. В мае надеюсь двинуться. «Гор(ода) и годы» вышли 2-м изданием.

¹ См. письмо 18, прим. 7.

² В. М. Ходасевич (р. 1894), художница, в 1925 г. посетила Горького в Сорренто.

³ См. письмо Горького от 3 марта 1926 г. (т. 29, № 815).

⁴ В этом номере статья Федина напечатана не была. Она появилась через год («Новый мир», 1927, № 3) под заглавием «Об искусстве и критике».

⁵ Отвечая Федину, Горький писал 23 апреля 1926 г.: «Дорогой Федин, спасибо за ваш отзыв об „Артамоновых“. Я считаю, что ваши указания на недостатки конструкции — совершенно правильны <...> Кое с чем в письме вашем я не согласен, но это для вас не интересно. А вот хороший, серьезный и открытый голос вашего письма очень дорог мне» (т. 29, с. 462).

⁶ А. Б е л о з е р о в. Из молодых лет Максима Горького (По новым материалам). — «Новый мир», 1926, №№ 3, 4. Отзыв Горького об этой статье см. в письме его к А. А. Белозерову от 24 апреля 1927 г. (т. 30, № 858).

В 3-м номере «Нового мира» за 1926 г. помещена также рецензия Н. К. Пиксанова на кн.: Р. Г р и г о р ь е в. М. Горький. М., Госиздат, 1925; И. Г р у з д е в. Максим Горький. Биографический очерк (по новым материалам). Л., «Кубуч» 1925.

Послал вам, дорогой Алексей Максимович, свою книжку ¹, в которой вы не знаете одной повести (в книжке — две) — «Трансвааль». Все ждал, когда выйдет сборник последних моих вещей, но вдруг обнаружилось, что ГИЗ, с коим я подписал договор на сборник, восстал против «Трансвааля» (дважды напечатанного в России, т(о) е(сть) у нас, т(о) е(сть) в СССР, т(о) е(сть) под наблюдением Главлита), находя эту повесть зловредной и еретической. Откуда мне сие? Ни сном ведь, ни духом! Ан, нет! Дискуссия в редпланах, коллегиях, кабинетах редакторов и прочее длилась многие месяцы, Москва собиралась уничтожить остатки ленинградского своеволия, обрушив на мою голову великое множество канонических отзывов весьма почтенных редакторов. Я буквально подломился под тяжестью поучительства всякого рода надзирателей, пока, наконец, Ленинград не пересилил. Дело, однако, конечно же!! в режиме экономии, не позволившем ГИЗу выкинуть на воздух мой аванс, а вовсе не в победах и триумфах так называемого здравого смысла. Я же проявил никак не похвальное упрямство, не согласился ни на купюры, ни на перемену названия книги. Так она и будет называться «Трансваалем»,

обобщая этим именем все мои рассказы о русской деревне наших дней. Кстати, об опасностях обобщений. Вместе с книжкой я послал вам от-тиск рассказа «Мужики»², названного «Новым миром» поскромнее — «Пастухом». Это последнее название, изобретенное лукавым умом, гово-рит о том, что в нашей деревне *может случиться* история, описанная в моем рассказе, — и только. «Мужики» же — это дело серьезное, бог

ГОРЬКИЙ и А. В. ХАЛАТОВ С ИНОСТРАННЫМИ ПИСАТЕЛЯМИ

На фотографии (слева направо): Дж. Джерманетто, А. В. Халатов, Горький, И. Вехер и Бела Илlesh. Снимок сделан у дома Горького на Малой Никитской (теперь улица Качалова) в Москве, 13 июня 1931 г.

Отдел рукописей Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, Москва

знает, что под сим именем таится, может, чего доброго, автор хочет ска-зать, что история, описанная в рассказе, как бы permanently *случается*. Впрочем, все эти соображения — сущие пустяки, и не нам, российским писателям, говорить о них хотя бы даже вскользь. Сообщаю вам эти ничтожности просто в качестве, ну, скажем, подстрочных примечаний к истории текстов...

Пока суд да дело — сборник мой выйдет не скоро, поэтому и отослал вам разрозненные свои вещи.

Самая большая моя новость — я свободен от всяких «служб». Далось это ценою продажи на корню нового романа³, над которым сейчас тру-жусь. Чувствую, что с выходом этого романа обрушится на меня поток шишек и не потому, что опасаясь литературной неудачи, а просто таковы уже нравы Растеряевой нашей улицы: на втором или третьем шагу пи-сателя надо его бить дубьем, батогами, кольями, кнутовищами, сапогом,

лучше всего — в морду, в самое хайло, чтобы чувствовал, паскуда, что над ним есть управа! Признаюсь, ожидаю такого самосуда даже с некоторым удовольствием. Ведь приятно как-никак приобщиться к сонму великомучеников и на каком-нибудь небесном конкурсе оспаривать первое место: а и меня кипятили во смолушке горячей, и меня жарили на сковородочке, да и не мне ль вогнали под ногти да дюжину булавочек, да не меня ль подтянули на дыбушку, не меня ль клеймили клеймами железными?! А и спросит тут небесный отец: а и кто ты будешь, раб наш, добрый молодец, какого роду, какого племени? И ответит добрый молодец: а и роду мы расейские, а и племени рабоче-крестьянские, а по промыслу да по отхожему — писатели! И простятся тут все грехи наши, все прегрешения, да и вольные и невольные...

Думаю, впрочем, что казнить меня будут нешибко, потому, что величали меня невысоко, и падение будет не бог весть сколь сокрушительное. Но уж побранят со вкусом и расстановочкой!

Вся «вышеизложенная» апелляция касается больше не меня, а моих друзей, я же все это лишь только предчувствую.

Опасений за литературную неудачу, говорю я, у меня нет, хотя это только внешне. До сего дня не могу понять я формулы об «установившемся писателе». Кажется, придумана эта формула людьми религиозными, любящими спокойствие, подобно тому, как отцами церкви решены все вопросы душеспасения и основ. И вот не могу я «установиться» и в каждой новой работе своей «мятуть», так что дни мои исполнены сомнений, и так я живу. Может быть, это слегка и глуповато, но верно вы сказали о моей «одержимости»...

В романе будут у меня такие люди: «иногородние» уральцы, т<о> е<сть> купцы Нижне-Уральска, казаки с фарфосов (форпостов), немного волжан, много столичной интеллигенции — питерцев, иностранных людей немного; зверств тоже немного, смертей среднее количество, ужасов — в меру. Время наше, т<о> е<сть> и предвоенные годы, и теперешний Ленинград, и даже гражданская война, но тоже в умеренной дозе (будет бой сынов с отцами на реке Чагане). Вообще хочется сказать о времени такое, что оно вовсе не нарублено кусочками, как капуста, а целостно, и что так называемая современность деликатно заготовлена нам нашими многоуважаемыми родителями. Трудность тут в композиции, чёрт ее знает, как свернуть в трубку конец прошлого века с пятым и двадцать пятым годами! Надеюсь, что сравнительная независимость, которой я ныне добился, поможет мне справиться с работой. А впрочем — как знать?

Заграничные мечтания мои, как видите, и в этом году не осуществились. Вместо всяческих Европ смотрел я снова и снова обычаи и норы нашей родительницы, проникаясь к ней ненавистнейшей ненавистью и другими чувствами, которых в письмо не вместишь. Проплыл на лодке много сотен верст, по Угре и Оке, в губерниях Смоленской, Калужской, Тульской, Московской. Был на Волге. В Нижнем, на ярмарке, думал о той поре, когда там «лечился» ваш Артамонов. Думал так: попади Артамонов вот теперь, на эту ярмарку (я бывал в Нижнем в 1904, 1908, 1912 гг.), сразу бы старик исцелился! Знаете, как дети говорят: это что — дяденька, или нарочно?.. Был в Черемшане, под Хвалынском, у староверов, в скитах. Замечательный народ! Испытав необычайные «утешения» (из всех скитов остался один, наибольший, где старцы живут *вместе* со старицами, с беглыми купцами, а схимники, заготовившие себе гробы, — рядом с молоденькими послушницами), староверы наипаче всего помнят обиду исконную, от «ваших попов», рядом с которыми какой-нибудь коммунистический Мельников-Печерский — ангел во плоти! Отец Серафим — существо беззлобное, хотя шумливое, как все «австрийцы», — раз-

откровенничавшись со мною, вдруг улыбнулся ненавистно, почти демонически, и прошипел: «Ну, да теперь им тоже поало, получше, как нам» (это — «вашим попам»). Крепкий народ, стоящий!.. В самом Хвалынске, при зоологическом музее, принадлежавшем правнуку Радищева, основан богатейший музей икон, изъятых из скитов. Заведует музеем корреспондент академии, немец, ботаник Варшавского университета Гросс. «Страшен вид этого человека!» Эвакуированный в войну из Варшавы, он застрял на Волге, пережил голод, но остался нерушим и тверд. По виду похож на святого римской церкви: худ до ужаса, брит гладко, обезображен базедовой болезнью, высок необычайно. За всю революцию музей не получал *ни одной копейки*, заведующий же состоит на окладе в 18 рублей и *часть этого оклада* уделяет на нужды музея. Так вот этот Гросс — тайная привязанность всего скитческого люда, ибо он, Гросс, хотя и «не наш», больше того — как бы агент нечистого, представленный к благочестию, — но все же бережет от гнуса поповского святыню. Покропят потом (когда-то?) музейные иконы святою водицей и спрячут подальше. А пока пусть — лучше уж у немца, состоящего на жалованье в совете, чем еще где!..

Был я, конечно, и в «настоящих» волжских городах — в Самаре, Саратове. Все так же на тротуарах взвозов режется «помидора», так же отсыплются на земле полуголые «галахи», такая смертная безотрадность, такая пьяная тоска!

И вот, два месяца побродив по Руси, опять я дома, в евразийском своем кабинете. Ничего не привез я нового, все то же! Какие-то свечки горят по земле меркло, от свечки до свечки сотня верст, «тлеют по господу богу», а кругом великая скука, великое «зачем?» Эх, если бы вы, дорогой Алексей Максимович, опять все это увидели!

Простите, что пишу вам ни о чем и обо всем. Но, как всегда, пишу вам с радостью.

Как ваше здоровье? Ходит слух, что вы чувствуете себя хуже, верно ли это? Работаете ли над большим романом⁴, о котором тут писалось? Есть ли новые издания, после «Артамоновых», не пришлете ли?

От всей души желаю вам здоровья, жму руку.

Любящий вас Конст. Федин

¹ «Наровчатская хроника», Харьков, «Пролетарий» (Библиотека современных писателей), 1926.

В книжку, кроме повести «Наровчатская хроника», вошел и рассказ «Трансвааль». На книге дарственная надпись: «Алексею Максимовичу Пешкову с любовью и преданностью. К. Ф.» (ЛБГ).

² Рассказ «Пастух». — «Новый мир», 1926, №№ 8—9. В отдельном издании вышел под названием «Мужики». Л., «Прибой», 1926.

³ «Братья». Вышел в 1928 г. (Л., «Прибой»).

⁴ «Жизнь Климса Самгина».

⟨Сорренто, 13 ноября 1926 г.⟩

Дорогой мой друг — замечательно интересное письмо прислали вы. И написано оно — прекрасно. Гневно-тоскливый тон его тоже как нельзя более оправдан. Для меня в этом письме вы встаете прежде всего как художник, очень серьезный, талантливый и зоркий. А как сегодняшний русский человек — вызываете такие размышления: жизнь — алогична, и нет и едва ли может быть такая идеология, которая могла бы удовлетворительно объяснить все алогизмы. Они — мучительны, да! Но ведь именно они главный и ценнейший материал художника. Когда предо мною некто очень мудрый трясет решето идеологии — все равно какой —

я не всегда ясно понимаю, что для меня питательнее: мука или отруби? Чаще мне кажется, что именно — отруби. Консерватор Хвалынского музея, Сваакер «Трансваала», Игватий «Наровчатской хроники» — отруби, не так ли? Но ведь:

На них-то всю историю
Построила судьба!—

как писал Добролюбов по поводу спора Погодина с Костомаровым о происхождении Руси¹.

Процесс осваивания художником действительности — тяжелый процесс. Жизнь, оплодотворяя его опытом — не церемонится, не щадит его души, но ведь только это ее безжалостное своекорыстие и насыщает художника волей к творчеству. Это говорится мною не ради утешения, а беседы ради, хотя, признаюсь, что я несколько встревожен, вам, видимо, очень нелегко.

И «Трансвааль» и «Мужиков» я читал, конечно. Сваакер показался мне сделанным несколько суховато, вы недостаточно подчеркнули смешное в нем, это его смягчило бы. А «Мужиков» прочитал тотчас же после романа Клычкова «Чертухинский балакирь»². Знаменательно ваше разноречие с Клычковым, и, конечно, это разноречие — надолго. Как спаять сталь с медью? Город и деревня все более озорно дразнят друг друга.

Пишу — торопясь, ждут американцы³, а ответить вам хочется сейчас же.

Очень рекомендую вам изданную «Временем» книжку Стефана Цвейга «Смятение чувств»⁴ — замечательная вещь! Прочитайте. Этот писатель растет богатырски и способен дать великолепнейшие вещи.

Где Груздев? Я писал ему об одном предложении немцев⁵, — он не ответил мне, что неважно, но — ответил ли он им?

Если встречаете Каверина — попросите его прислать мне «Конец хазы» и «Щиты и свечи»⁶ — это нужно для одного «поклонника его таланта».

Крепко жму руку.

А. Пешков

13—XI—26.

Кем-то издан мой рассказ «О тараканах» — не могу ли я получить его? Интересно?

¹ Горький приводит неточно строки из стихотворения Н. А. Добролюбова «Два порога», которое вошло в статью «Наука и свистопляска, или как аукнется, так и откликнется». У Добролюбова: «На них мою теорию поставила судьба» (см. Н. А. Добролюбов. Собр. соч. в шести томах, т. 6. М., Гослитиздат, 1939, стр. 111).

² См. Горький — Пришвин, письмо 14, прим. 7.

³ О ком идет речь, установить не удалось.

⁴ С. Цвейг. Собр. соч., т. III. «Смятение чувств». «Время», 1926. Книга была послана Горькому заведующим издательством «Время» И. В. Вольфсоном 22 октября 1926 г. Позже (8 декабря) Вольфсон просил Горького написать предисловие к собранию сочинений Стефана Цвейга, подготовляемому издательством «Время». Первый том собрания сочинений Стефана Цвейга вышел в 1927 г. с предисловием Горького (об отношениях Горького и Стефана Цвейга см. «Архив А. М. Горького», т. IX. «Переписка А. М. Горького с зарубежными литераторами»).

⁵ В октябре 1926 г. в Сорренто приезжал директор берлинского издательства Malik Verlag Эд. Фукс с предложением издать биографию Горького на немецком языке. Горький рекомендовал для издания книгу, над которой работал Груздев, о чем сообщил Груздеву в письме от середины октября 1926 г. (АГ).

⁶ См. Горький — Каверин, письма 2, 8, 10, 12. Отдельное издание повести «Конец хазы» вышло в 1926 г. (Л., «Жизнь искусства»). Экземпляр хранится в ЛБГ.

⁷ Намек на то, что Горькому не был выслан номер альманаха «Ковш», в котором был напечатан его рассказ «О тараканах».

Ленинград. Литейный, 33, 13.
4.III.1927.

Дорогой Алексей Максимович,

позвольте прежде всего сказать о том деле, по поводу которого я тороплюсь написать вам. Группе здешних писателей, после долгих стараний, удалось получить разрешение на создание в Ленинграде товарищеского (кооперативного) «Издательства писателей»¹. Инициаторами дела были Семенов², Груздев, Слонимский, я и др. Очень помогли нам М. А. Сергеев³ (сейчас он заведует «Прибоем»⁴, который много внимания уделяет новой русской прозе), Ф. Э. Кример⁵, которых мы привлекаем к участию в работе. О намерениях наших организовать такое издательство вы — помнитесь — знали хорошо, и мои товарищи писали вам об общей нашей надежде, что вы не откажетесь поддержать дело своим участием в нем. Позвольте мне еще раз просить вас, дорогой Алексей Максимович, о вступлении в будущее «Книгоиздательство писателей в Ленинграде». Желательнее всего для нас и ценнее всего для издательства было бы ваше согласие войти в редакцию и возглавить ее. Прошу вас об этом убедительно: одно вхождение ваше в редакционный совет принесло бы великую пользу и решило бы все дело наилучшим образом. В зависимости от участия вашего находится самое формирование редакции, и было бы хорошо, если вы, согласившись войти в издательство, сообщили бы мне свое мнение о составе редсовета, желательном и полезном для успеха работы. Другая важнейшая часть дела заключается в просьбе к вам дать что-нибудь для издания в этом писательском издательстве. Тут я не решаюсь говорить пространно, потому что только вы один в состоянии решить вопрос наилучшим для вас и для издательства образом. Но сугубо прошу не отказать!

Хлопоты о разрешении начаты были в сентябре прошлого года. К концу февраля разрешение оформлено. За это время многое изменилось, особенно по части рукописей, которые могли бы нас интересовать: писатели — народ нетерпеливый и голодный, ждать нельзя, и все распродано старым издательствам. Таким образом дело приобретения рукописей и накопления т(ак) н(азываемого) «портфеля» — это дело сейчас становится трудным. Люди же практические, знающие книжный рынок, не только не боятся приближения летнего «мертвого» сезона, но всячески стремятся употребить его для издательской работы, говоря, что русская беллетристика «идет» теперь лучше другой литературы и не знает никакого «мертвого» сезона. (Пример — изд. «Прибой», на складах которого по беллетристике 1,5% остатков, или, как говорят книжники, «затоваривания».) Как видите, трудность дела обнаруживается с неожиданной стороны: раньше рукописей некуда было девать, а нынче их негде стало взять. И основная работа будущей редакции нашей будет состоять в борьбе за рукопись, т(ак) к(ак) ее — рукопись-то — придется почти что отбивать у конкурирующих издательств, кинувшихся за беллетристикой ввиду ее «рентабельности»! Что до денежных средств книгоиздательства, то их у него нет. И тем не менее: 1) мы не будем искать ни ссуд, ни субсидий; 2) мы не будем нуждаться в деньгах. Вот схема отношений, которые должны помочь нам осуществить эти два сакраментальные пункта. Наше издательство заключает с «Прибоем» договор, по которому «Прибой» дает издательству аванс под тираж такой-то книги. Издательство оплачивает из этого аванса приобретенную рукопись и сдает выпущенную на средства «Прибоя» книгу на склад «Прибоя», который распространяет ее по соглашению с издательством.

Часть тиража, таким образом, гарантирует «Прибою» получение выданного издательству аванса и затраченных на выпуск книги денег, а другая часть тиража приносит известный доход издательству, который идет на усиление его средств. При таких условиях через какой-то промежуток времени мы накапливаем оборотные средства и можем работать вполне независимо. Чем заинтересован «Прибой»? Тем, что его типография получает «нагрузку», так как наше издательство увеличивает число выпускаемых «Прибоем» листов, и тем, что он увеличивает свои оборотные средства. При нынешних условиях это — такая выгода, что «Прибой» идет на наше предложение (на первый взгляд — бездоходное) с большой охотой. (Не могу не рассказать, впрочем, про словечко, придуманное совсем недавно нашими издателями: «листаж». Слышали вы что-нибудь подобное? Это означает «количество листов, выпускаемых издательством». Говорят: «а у них какой листаж?», «мы увеличили листаж в два раза». Тут издателям не дают спать лавры кинорежиссеров, давно уже употребляющих такое слово: «типаж», — «у него типаж неврастеника...»).

Хорошо было бы начать работу издательства весной, чтобы к сезону выпустить сразу несколько книг. Но добрые люди торопят, говорят — надо выпускать скорее, теперь же, весной. Думаю, что лучше не спешить. Если нам удастся выбрать наилучшее из того, что в ближайшем будущем окажется у писателей, — мы обеспечим успех писательского дела. Но оно легко и конфузно может прогореть, если мы поведем его, соображаясь только с «листажем»...

Весьма вероятно, что в Ленинграде удастся организовать журнал⁶. Об этом часто говорит Сергеев (он хотел вам написать на этих днях), припоминая, что полученное когда-то разрешение издавать журнал (под редакцией вашей, Ольденбурга⁷, Вяч. Иванова и др.)⁸ пропало все. Многие надеются на возможный ваш приезд в Россию на будущий год, ко дню шестидесятилетия вашего, и рассчитывают, что такой приезд ваш мог бы оказать большую услугу и радость литературе. Может быть, и правда соберетесь? Очень, очень было бы хорошо. Разрешите, к слову, поздравить вас с приближающимся днем рождения и пожелать вам всего хорошего. Я часто вспоминаю свое восторженное и глупое письмо, какое послал вам семь лет назад⁹ вскоре после знакомства с вами. Письмо было совсем гимназическое (хотя я был очень взрослым человеком), я был болен тогда и жил очень трудно, но мне очень легко и хорошо было писать вам — просто так, по-глупому, — и поздравлять вас с днем рожденья. За письмо это, если бы показать его стороннему человеку, мне было бы сейчас очень неловко. Но когда я думаю о вас, я и сейчас чувствую все то же, и вот эти мои слова, которые я пишу, — такие же наивно-неуклюжие и смешные слова. Но перед вами мне даже не стыдно, и я с непонятной радостью говорю вам это.

Не писал я вам с осени. За эти месяцы я успел очуметь от работы и безалаберной, путаной российской жизни: так, наверно, и умрешь где-нибудь на полпути, на полуслове, все будет некогда, недосуг. Тружусь над романом¹⁰. Он пойдет в третьей книге «Звезды» (плохой журнал, единственный, впрочем, в Питере), которая выйдет скоро. Самое страшное: начинаю печатать его, не дописав, и работы еще очень много. Так вышло, к несчастью. От города бегу, заточаюсь, да будет он треклят... пока я не кончил писать!

У вас, наверно, давно не стало веры в меня, а я опять и опять пишу вам, что осенью хочу поехать на Запад, между прочим — на юг, в Италию. За деньгами и прочим, как будто, дело не станет: продал Собрание — четыре книги¹¹. Продал «Прибою», а нужно было бы нашему издательству, и «Прибой» переуступил бы, вероятно, если бы не Госиздат, с которым я поссорился.

ГОРЬКИЙ

Рисунок карандашом П. Д. Корина, Сорренто, 1932 г.

Музей Горького, Москва

Если мои книги выйдут под маркой «Книгоизд(ательство) писателей», Гос(ударственное) изд(ательство) не спустит это ему и мне, ибо считает меня своим крепостным. А хорошо бы, лучше бы печататься в своем изд(атель)стве!

Жду вашего ответа, дорогой Алексей Максимович, и — еще раз — всего хорошего!

Любящий вас

К. Ф е д и н

Привет вам от жены.

¹ «Издательство писателей в Ленинграде» (1927—1934). Федин был председателем правления Издательства.

² Сергей Александрович Семенов (1893—1943) — писатель.

³ Михаил Алексеевич Сергеев (р. 1888) — издательский работник, критик, очеркист, впоследствии этнограф, автор трудов о народах Севера Советского Союза.

⁴ Рабочее кооперативное издательство «Прибой» возникло в Петрограде в 1922 г., выпускало общественно-политическую и художественную литературу. В ноябре 1927 г. в организационном и хозяйственном отношении было передано Госиздату РСФСР. В 1930 г. издательство вошло в систему ОГИЗа.

⁵ Фридрих Эдуардович Кример (р. 1888) — по образованию экономист. Познакомился с Горьким в 1913—1914 гг. в Мустаяках. Принимал участие в издании газеты «Новая жизнь». В 1919—1920 гг. жил вместе с Горьким в Детском Селе. С 1929 г. работал на Дальнем Востоке. По предложению Горького, материалы, присланные Кримером, были использованы в номере журнала «СССР на стройке», посвященном Камчатке.

⁶ Имеется в виду попытка М. А. Сергеева начать издание журнала под названием «Минувшие дни». Вместо журнала в 1927—1928 гг. были выпущены четыре книжки «Минувшие дни» (иллюстрированный исторический альманах, под редакцией М. А. Сергеева и П. И. Чагина).

⁷ Сергей Федорович Ольденбург (1863—1934) — востоковед, академик. Был близко знаком с Горьким и участвовал в ряде его литературных начинаний.

⁸ Замысел создания журнала относится к 1925 г. 9 сентября 1925 г. М. А. Сергеев писал Горькому по этому поводу:

«Меня послали врачи в Меран, и Илья Ионович Ионов, заместителем которого я работаю около года (в Ленгизе), поручил мне повидаться с вами и окончательно сговориться относительно издания предложенного вами в записке вашей от 25 июля журнала <...>

Согласно московскому решению — журнал издается в Питере нами (Ленгизом), состав редакции определен в 4—5 человек, из них персонально — вы, Ф. А. Браун и В(яч.) Иванов, а один или два человека — питерцы, относительно которых нам с вами следует столковаться.

Название — предложенное вами — „Собеседник“ (АГ).

⁹ Речь идет о письме от 27 марта 1921 г. (АГ).

¹⁰ «Братья». Роман впервые опубликован в «Звезде», 1927, №№ 3—9, 11—12; 1928, №№ 2—3.

¹¹ Издательством «Прибой» было выпущено в свет первое Собр. соч. Федина (Л., 1927—1928).

Дорогой мой Федин —

согласитесь, что быть редактором номинально — я не могу, а фактически редактировать — как же это возможно? ¹ Затем: примите во внимание мою загруженность работой и корреспонденцией. Вот это письмо вам — сегодня одиннадцатое. И, наконец, вот что: если б я был в Петербурге, то и тогда отказался бы от редакторского чина. ибо не чувствую себя способным на это дело, особенно трудное и глубоко серьезное в наши дни.

Не могу я и дать вашему издательству какую-либо свою книгу, ибо — связан договором с Госиздатом. Да и нет еще у меня никакой книги.

Почему бы вам не привлечь Сергеева-Ценского, если не в качестве редактора, то участником издательства, сотрудником? И — Пришвина? Это писатели более талантливые, чем я, и люди более тонкого литературного вкуса, — они оба умеют брать литератора чисто, как такового, а мне за рукописью всегда виден человек, и это мешает правильной оценке его работы. Пришвин особенно мощно растет как художник, его искусство уже почти волшебство. То же можно сказать и о Ценском.

Вы, Федин, знаете, что я не ленив, работы не бегу, но мне так сейчас много нужно свободного времени, что, право же, я отказываюсь от предложения вашего на основаниях солидных для меня. И — повторяю — откажусь, даже будучи в Петербурге.

Не сердитесь на меня.

Крепко жму руку. С нетерпением жду вашего романа².

А. Пешков

16.III.27.

Какая интересная книга «Республика Шкид»³.

¹ Впоследствии, в 1931 г., Горький принял деятельное участие в работе «Издательства писателей в Ленинграде» (см. письмо 44).}

² «Братья».

³ Г. Б е л ы х и Л. П а н т е л е е в. Республика Шкид. М.—Л., Госиздат, 1927.

33

ФЕДИН — ГОРЬКОМУ

Саратов. 8.III.1928.

Дорогой Алексей Максимович,

сегодня я кончил своих «Братьев», и вот пишу вам первому об этой радости. Право, давно я не чувствовал такого счастья, и ни разу за истекшие полтора года не мог бы написать вам с таким легким сердцем. Только поэтому и не писал. Я привык обращаться к вам или с решенной или с безнадежно брошенной задачей, как прилежный ученик — к учителю. А последнее ваше письмо (весной прошлого года, правда, — по второстепенному «деловому» поводу) немного напугало меня тем, что уж очень вы утруждаете себя ответами даже на «коротенькие» письма. Я тогда же положил не писать вам, пока не решу своей «задачки». А сегодня не могу удержаться — пишу беспредметно, ни о чем, просто вот «так»! Уж очень хочется сказать, что я рад! Радость, конечно, не от того, как я выполнил работу, а от того, что *выполнил*. Сейчас я вовсе не способен судить о сделанном. Одно я знаю твердо: работал я над романом, пожалуй, так же упрямо, как мой Никита над музыкой, и теперь у меня вместо сердца — дырявый мешок и вместо головы — пустое ведро. Жить же мне вкусно, как никогда!

Груздев говорил мне, что за «Братьями» по журналу вы не следили. Я рассчитываю на скорый выход отдельного издания (раньше, наверное, в Берлине)¹ и пошлю вам книгу, как только она выйдет. Тогда буду просить вас уделить роману свободный вечер. Пожалуйста, не сочтите мою просьбу докукой.

Простите бесполовую мою неловкость: я хотел начать письмо с приветствия по поводу вашего юбилея², но непосредственность сегодняшних моих чувств оказалась сильнее моих намерений. Настолько сильнее, что вот... я простодушно сознаюсь в этом!

Я очень хочу присоединиться к самым искренним поздравлениям, которые вы получаете теперь, дорогой Алексей Максимович. Но только один способ сделать это кажется мне сердечным: я просто еще раз благодарю вас за все, что вы сделали для моей личной судьбы и для судьбы литературной. Чувство настоящей человеческой признательности к вам и есть мой привет ко дню вашего рождения.

У меня большое желание повидать вас, Алексей Максимович. Вы изверились, конечно, в том, что я когда-нибудь выберусь за границу, и махнули на мою болтовню рукой. Но теперь у меня найдутся и деньги и другие возможности поехать. Однако здесь уверенно пишут, что весной вы собираетесь в Россию. Будьте добры написать мне, когда вы поедете и каким путем. Весною я буду в Германии. Если ваш путь лежит через Берлин, то я постараюсь встретить вас там. Впрочем, всё зависит от того, когда вы поедете: возможно, что я буду еще в России³.

Очень прошу сообщить мне ваш маршрут и сроки поездки.

Желаю вам всего, всего наилучшего. Как вы теперь чувствуете себя и не боитесь ли нашей капризной весны?

Будьте здоровы!

Любящий вас
Конст. Ф е д и н

Адрес мой прежний: Ленинград, Литейный пр., 33, 13.

Простите за торопливость письма: уж очень я к себе не требователен сейчас!

¹ «Братья». Берлин, «Петрополис», 1928.

В Ленинграде роман «Братья» был выпущен в 1928 г. изд-вом «Прибой». Книга была послана Горькому с дарственной надписью: «Алексею Максимовичу Пешкову дружески преданный К. Ф е д и н. 9.VI.1928, Москва» (ЛБГ).

² 28 марта Горькому исполнилось 60 лет.

³ Поездка Федина за границу (в Норвегию, Голландию, Данию, Германию) состоялась летом 1928 г. после встречи с Горьким в Москве.

3

ГОРЬКИЙ — ФЕДИНУ,

(Сорренто. 21 апреля 1928 г.)

Более м<еся>ца тому назад получил ваше письмо, читал и посмеивался, чувствуя в словах и за словами вашу, очень понятную мне, радость. Это всегда хорошо — кончить какое-нибудь трудное дело, но у меня к радости примешивается еще и тревожный вопросец: а еще что ты можешь? И — можешь ли уже? Недоверчив я к себе. Этим, наверное, можно объяснить торопливость и шероховатость моего «творчества», как теперь говорят.

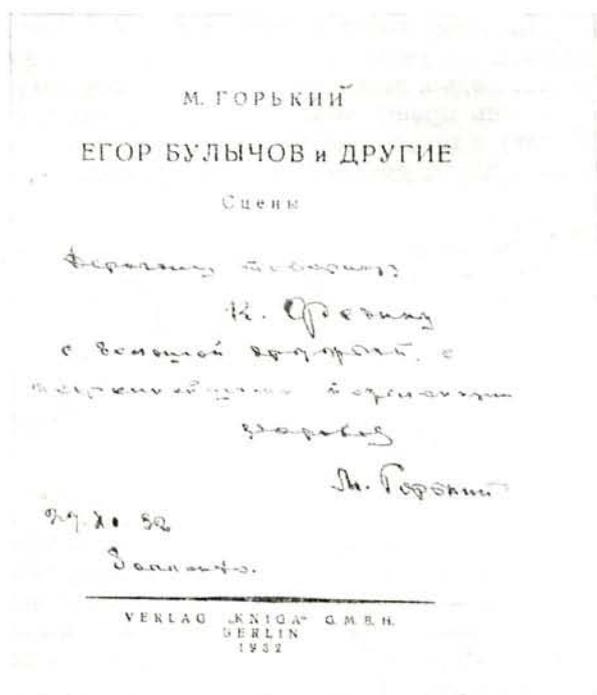
А «Братьев» прочитать мне, кажется, не суждено. Начал в «Звезде», но некто взял «почитать» две книжки и, разумеется, не возвратил их, а увез в Турцию. Начало мне очень понравилось строгим тоном, экономностью слов, точностью определений. Жду отдельного издания. М<ожет> б<ыть>, оно уже вышло и послано мне, но — до меня не дошло. Тут со мной невесело играет почта. Вот уже более м<есяца> я не получаю из Рос<сии> ни одной газеты, ни журналов, ни книг, хотя, по письмам, знаю, что все это мне послано и посылается аккуратно. Писал в полпредство: в чем дело? «Спросим», — ответили мне. Странно. Писем получаю полсотни — в среднем — ежедневно, простых и заказных; на многих конвертах адреса пишутся только по-русски, карандашом, безграмотно, а все это — доходит. Книг, журналов, газет — ни одной!

В Россию еду около 20-го мая. Сначала — в Москву, затем — вообще. Обязательно — в Калугу¹. Никогда в этом городе не был, даже как будто сомневался в факте бытия его, и вдруг оказалось, что в этом городе некто Смиолковский открыл «Причину Космоса»². Вот вам! А недавно 15-летняя девочка известила меня: «Жить так скучно, что я почувствовала в себе литературный талант», а я почувствовал в ее сообщении что-то общее с открытием «Причины Космоса».

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ
ГОРЬКОГО К. А. ФЕДИНУ
НА КНИГЕ «ЕГОР БУЛЫЧОВ
И ДРУГИЕ» (БЕРЛИН, 1932):

«Дорогому товарищу К. Федину с
большой дружбой, с искренней-
шими пожеланиями здоровья.

М. Горький. 27.XI.32. Sorrento»
Собрание К. А. Федина, Москва

Вообще же наша Русь — самая веселая точка во Вселенной. «Я человек не первой молодости, но безумно люблю драмы писать», — сказал мне недавно некто. Никто в мире не скажет этого!

До свидания! Обязательно встретимся, да?

А. Пешков

21.IV.28. Sorrento.

¹ 28 мая 1928 г. Горький приехал в Москву. В июле-августе им была совершена поездка по Советскому Союзу. Горький посетил Курск, Харьков и др. города, но в Калуге не был.

² К. Э. Циолковский. Причина космоса (Конспект. Август 1925 г. С добавлением) отзыва о «Монизме вселенной» и ответов на вопросы по поводу этой книжки). Калуга, 1925.

Об интересе Горького к личности К. Э. Циолковского свидетельствует его письмо к писателю К. Н. Алтайскому (т. 30, № 981) и поздравительная телеграмма, посланная ученому в день его 75-летия (т. 30, № 1056). В АГ хранятся письма К. Э. Циолковского Горькому от сентября 1932 и от 24 декабря 1933 г.

Дорогой Алексей Максимович,

поздравляю с приездом ¹ и благодарю за поклон, который привез мне от вас Груздев. Надо же случиться такой незадаче: я рассчитывал, что вы приедете в Ленинград до 15-го июня (да и все здесь ждут вас недели через полторы), а вы — как будто — не очень торопитесь и, судя по тому, что рассказывает Груздев, может быть, поедете сначала по провинции (мы ведь упрямо считаем Ленинград столицей).

Мне *очень* хочется увидеть вас. А тут, как на грех, именно в середине июня, я получаю заграничный паспорт, и нужно будет, не теряя времени, ехать. Ведь к поездке этой я готовился добрых пять лет.

Очень прошу вас написать мне (поскорее) — могу ли я приехать в Москву с тем, чтобы отнять у вас часок времени! (если вы не соберетесь в Ленинград до 15-го)². *Пожалуйста!*

Ваш Конст. Ф е д и н

¹ См. письмо 34, прим. 1.

² «В начале июня 1928 года, — вспоминает Федин, — я получил телеграмму из двух слов: „Приезжайте. Пешков“. Приезжать следовало в Москву. <...> Через день я был у него» (К. Ф е д и н. Горький среди нас, ч. II. М., Гослитиздат, 1944, стр. 159).

ФЕДИН — ГОРЬКОМУ

Ленинград. 26.X.1930.

Дорогой Алексей Максимович,

просьбу, изложенную в «официальном» письме изд<атель>ства¹, я очень усердно поддерживаю уже от себя лично, не в ипостаси «председателя». Мне кажется, издание будет очень хорошим; нужда в нем большая, так как Блока сейчас не достать. Ваша статья *необходима!* Пожалуйста, не откажитесь! Груздев писал уже вам, просил о том же.

Пожалуйста!

Ваш Конст. Ф е д и н

Я все хвораю, без конца лечусь, ничего не выходит. Однако работаю: сижу над романом², современным и страх каким трудным! Не знаю, что получится.

¹ В письме от 26 октября 1930 г. (АГ) Федин от имени правления «Издательства писателей в Ленинграде» просил Горького написать вступительную статью к собранию сочинений А. А. Блока. 9 ноября 1930 г. Горький ответил Федину: «Я уже сообщил И. А. Груздеву, что не (<в>) силах написать об А. А. Блоке, ибо уверен: написал бы что-нибудь грубоватое и несправедливое. Мизантропия и пессимизм Блока — не сродни мне, а ведь этих его качеств — не обойдешь, равно как и его мистику<...> Вообще — у меня с Блоком „контакта“ нет. Возможно, что это — мой недостаток. По этим причинам — отказываюсь писать, не сердитесь!» (т. 30, с. 191—192).

Предисловие к собранию сочинений поэта было написано А. В. Луначарским (см. А. А. Б л о к. Собрание сочинений, тт. 1—12. «Издательство писателей в Ленинграде», 1932—1936).

² «Похищение Европы». Первая книга романа была окончена в 1933 г. Печаталась в «Звезде», 1933, №№ 4—8, 11—12. Отдельное издание первой книги романа («Издательство писателей в Ленинграде», 1934) было послано автором Горькому с дарственной надписью: «Дорогому Алексею Максимовичу — затянувшееся предисловие к роману — Конст. Ф е д и н — с любовью и преданностью. Москва, 5 июня 1934» (ЛБГ).

«Первую книгу <„Похищение Европы“> Горький читал и говорил со мною о ней в Горках — не помню, в какое именно мое пребывание там. Особенно подробно остановился А. М. на амстердамских главах романа и сценах базара, понравившихся ему, кажется, больше всего. Вообще 1-ю книгу он одобрил» (К. Ф.)

ФЕДИН — ГОРЬКОМУ

Ленинград. 26 мая, 1931 г.

Дорогой Алексей Максимович,

со мной случилась беда: заболел туберкулезом. В апреле был грипп, в какой-то неподобной форме, а потом обнаружилось, что в обоих легких —

активно-прогрессирующий туб(еркулезный) процесс; анализ — до 50-ти палочек Коха в поле зрения; рентген устанавливает явления свежего распада в левом легком и старый процесс — в правом. На днях открылось кровохарканье. Конечно, температура (невысокая, впрочем, — 37,5, а сначала доходила до 39), пот, усталость и все прочее.

Приказано мне немедленно ложиться. Я еду в Пушкинские Горы, ложусь (климата менять сейчас нельзя).

Тем временем товарищи начинают хлопоты о разрешении мне поехать за границу. Врачи гонят в Шварцвальд.

Я подал ходатайство в Культпроп ЦК. Убедительно прошу вас поддержать мою просьбу! Все дело в деньгах, в валюте. У меня никаких средств для заграничного лечения нет. На остатки германских гонораров (другие иностранцы не платят) я могу, в лучшем случае, купить полдюжины галстуков. А мне нужно тысяч десять германских марок: дешевле тысячи в месяц санатория не найдешь, а нужно пробыть не меньше десяти месяцев.

С ходатайством я обратился к А. И. Стецкому. Будьте добры поговорить с ним.

Жму вам руку, благодарю за папскую «буллу» (Груздев передал мне этот опереточный документ, и он пригодится мне)¹.

Ваш

Конст. Ф е д и н

«Похищение Европы» (новый мой роман) застопорило, остановилось. Но все-таки надеюсь напечатать первую книгу осенью.

¹ Вероятно, имеется в виду энциклика римского папы Пия XI «О восстановлении социального порядка» (от 15 мая 1931 г.), которая обнаружила идеологическую близость католической церкви с фашизмом, несмотря на видимость идейных разногласий между ними.

⟨Москва. Между 28 мая — 5 июня 1931 г.⟩

Дорогой Константин Александрович!

Крайне огорчен и напуган вашим сообщением о болезни. О необходимости отъезда вашего за границу говорил с кем следовало, и всё, что для вас в этом случае потребно, мне обещали сделать. Но говорят, что немедленный отъезд может дурно повлиять на вас, а потому вам предложено будет полежать, кажется, в Петергофе. Хлопот о валюте не прекращу, доколе она не будет в руках у вас.

Очень советую: не останавливайтесь в Сан-Блазиене в санатории проф. Бакмейстера¹, я у него жил, это весьма грубый и жадный человек: его считают опытным туберкулезником, но с больными он небрежен.

Если окажется, что вы останетесь на месяц, — не премину увидаться с вами, чтоб позжать вашу руку, заочно пожимаю ее и сейчас.

А. П е ш к о в

Питайтесь получше, пообильнее!

Датируется по помете Федина: «Получено в Вороничах — из Москвы, 7.VI.1931 г. Письмо было прислано с оказией в дер. Вороничи, через Ленинград».

¹ В санатории Бакмейстера Горький лечился в 1922 г.

ФЕДИН — ГОРЬКОМУ

Деревня Вороницы, дом Черепнина,
п/о Пушкинские Горы, Ленингр. обл.
9 июня, 1934.

Большое спасибо за участие и помощь в моем невеселом деле, дорогой Алексей Максимович! Груздев переслал мне сюда ваше письмо, за которое особенно благодарю вас, потому что сочувствием вашим дорожку не меньше, чем деловую поддержкой. Второй раз за истекшие десять лет, и в самое неблагоприятное — в бытовом отношении — время, я попадаю в беду из-за нездоровья, и второй раз вы мне так живо и действительно помогаете. В 21-ом году, когда меня наново перекроил и перешил Греков¹, я ведь быстро и хорошо поправился только благодаря вашему «миллиону», обеспечившему мне нужный стол. Сейчас наступило дело, как будто, более затяжное. Но я слегка надеюсь на свой возраст (мне уже сороковой год!), не очень, словно, опасный по туберкулезу, хотя у меня и отвратительная наследственность.

Почему Пушк<инские> Горы? Прежде всего — потому, что *питание*. Я здесь *утопаю* в молоке, сливках, сметане и других молочных произведениях, ем сколько могу (и сколько не могу) яйца, получаю кур. Местность тут высокая, сухая, открытая, вне влияния капризов нашей Маркизовой лужи. Таких условий питания нигде под Питером получить нельзя. Потом: я устроился во вполне человеческих условиях — в смысле чистоты, услуг. Уход за мной обеспечен, — я живу с женой. Петергоф? Я не знаю, чем прославлен Петергоф, кроме фонтанов и Дома ученых, говорят — очень плохого. Речь может идти — кажется мне — о Детском Селе. Там есть туб<еркулезный> диспансер, я бывал в нем. Но заведующий этим санаторием — д<окто>р Крижевский — лечит меня. Он не рекомендовал мне поселиться там, потому что в этом, в общем хорошем, учреждении сейчас из рук вон плохо с питанием. Это сейчас повсеместная и главная беда. Именно по настоянию Крижевского я и поехал в деревню, благо мне повеселилось найти хорошие условия. Пишу вам так подробно об этом, чтобы вы не беспокоились о моем теперешнем положении. Доктор, лечивший меня последнее время, должен приехать сюда, посмотреть меня и переменить лекарственные назначения, ежели понадобится.

С каким-то странным недоумением привыкаю к состоянию человека, который чувствует себя иногда совсем неплохо, но опасно болен и должен лежать на воздухе, прикрыв ноги и тело пледом, поплеывая в плевательницу, нося эту плевательницу повсюду с собою, раздумывая о сквозняках, о погоде, о непостоянстве ветров и прочем. Нельзя подойти к дочери так, как привык подходить к ней, нельзя не думать о своей ложке, чашке, подушке. Странно. Мучит меня капель. Половина Ленинграда мобилизована мною, чтобы достать тюкокл. И вот все жду. Наверно потом сразу посыплется со всех сторон, так что можно будет открыть свою аптечку. Режим я соблюдаю педантично, одно несчастье — не могу бросить курить. Довел свой паек до 10—12 папирос, а надо бы еще меньше, да не в силах. Хороших папирос нет, достал немного перед отъездом — теперь они на исходе, и надежда только на одного благородного голландца (моего эксперта по голландской части «Похищения Европы» Пельтенбурга², которого вы, к<ак> б<удто>, знаете). Пожалуйста, не считите это за неловкий намек: мой голландец *наверно* пришлет папирос, и я обойдусь.

Страшно тоскливо, что нельзя как следует работать. Вся история разразилась в разгар работы; я довел ее до такого уровня, что оставалось только писать — все было слажено, пригнано, заготовлено, и осенью

я хотел начать печатать. А теперь не знаю. Боюсь страшно, что немцы запретят мне писать, пока буду в санатории. Я тогда совсем свяну. Вообще немного побаиваюсь немецкой санаторной тоски. Если буду погибать, — выпишу туда жену, тогда не откажите, Алексей Максимович, помочь ей в получении паспорта, если ей будет трудно добиться и она обратится к вам. Она могла бы тогда поселиться неподалеку от санатория, да и я, после нескольких месяцев санаторного лечения, вероятно, получу возможность перебраться в пансион, — надеюсь, по крайней мере.

Сейчас мне, конечно, трудно ехать. Из Псковской губернии в Шварцвальд — не такой простой путь. Но через месяц я окрепну, и тогда можно будет трогаться. Главное — к этому времени оформить дело с получением валюты. Я поручил вести все дело (т(о)е(сть) формально-бумажную, техническую сторону дела) Михаилу Алексеевичу Сергееву. Если бы вам, Алексей Максимович, понадобилось узнать что-нибудь о ходе и движении хлопот, или же — сообщить что-нибудь со своей стороны — вы можете написать Груздеву: он связан с Сергеевым, и может быстро обо всем разузнать.

Писали мне о литературном собрании у вас, на Никитской³. И — не знаю, как пришлось это собрание вам, — мне оно вчуже показалось тяжелым. Словно у людей начисто выхолощена любовь к литературе (экое старое слово!), всякое чувство к ней. Словно распахнулась дверь в кино, и люди табуном кинулись занимать неумерованные места, чтобы усесться на передних стульях. Зачем? Может лучше-то видно со средних или с задних? Это нелепое состязание за первенство — в чем, где, зачем?! Эта всеобщая свалка, называемая литературной борьбой, причем за свалкой уже не видно литературы! И эти скучные страстишки, страстишки... Впрочем, может быть, я не знаю всего, может быть, было и хорошее. Но вряд ли было. Правда?

Сердечно рад, что вы хотите повидаться со мной, и сам очень, очень хочу увидеть вас! Но как это сделать? Сюда вас невозможно пригласить — далеко и крайне неудобно ехать. Когда вы будете в Ленинграде? Не совпадет ли ваш приезд туда с моим отъездом в Германию? Вот было бы чудесно! Напишите, пожалуйста, буду ждать. Есть у меня одно сокровенное желание — *прочитать* вам несколько глав из «Похищения». Да едва ли это удастся.

Будьте здоровы и — еще раз — благодарю вас за помощь!

Рап Конст. Ф е д и н

¹ Иван Иванович Греков (1867—1934) — известный хирург. С 1895 г. работал в хирургическом отделении Обуховской больницы в Ленинграде.

Об И. И. Грекове см. в кн.: Федин. Горький среди нас, ч. II. М., Гослитиздат, 1944, стр. 25—30.

² Генрих Федорович Пельтенбург, которого Горький просил выслать в Сорренто книгу с описанием работ по осушению залива Зейдер-Зе в Голландии.

³ Имеется в виду совещание советских писателей, состоявшееся 30 мая 1931 г. на московской квартире Горького (Малая Никитская, 6).

«Здесь были члены РАППа — Российской ассоциации пролетарских писателей — и так называемые попутчики. Шел разговор о литературе, но вначале он сводился к взаимным упрекам, недоверию друг к другу, ссмнениям в искреннем желании работать рука об руку. Писатели, члены РАППа, упрекали «попутчиков» в безыдейности, аполитичности, попутчики отвечали жалобами на грубость рапповской критики, говорили о пренебрежении рапповцев к художественной форме; спор принял хаотичный, бессодержательный характер. И тогда взял слово Алексей Максимович. Он говорил о самом главном — о том, что этот спор и взаимные упреки свидетельствуют о равнодушии к литературе, к ее великим задачам(...). Он призывал писателей к тому, чтобы общими усилиями создать великую, передовую советскую литературу, которая будет служить народу и помогать строить социализм» (Л. Никитский и н. Жизнь есть деяние. — Сб. «М. Горький в воспоминаниях современников». М., Гослитиздат, 1955, стр. 544—545).

⟨Горки. 16 июня 1931 г.⟩

Дорогой Константин Александрович —

деньги обеспечены в размере тысячи дол⟨ларов⟩ на первые два-три месяца; потребуются еще — сообщите заранее письмом, отсюда не замедлят выслать, ручаюсь. Лучше всего — пишите об этом на мое имя, я из Москвы не уеду все лето, а если и уеду, так в Ленинград, на несколько дней. Значит: одновременно пишите И. А. Груздеву.

Слышал, что здоровье ваше не столь плохо, как вы пишете, однако же, если б захотелось возвратиться в октябре — ноябре, предположим — так возвращайтесь в Крым или Абхазию, сиречь в Гагры.

О том, что лит⟨ературное⟩ собрание было сумбурным и грустным, — вам сообщили правильно, о том, что «любовь к литературе выхолощена», вы пишете верно. Никто не умеет говорить о литературе как целом, всякий говорит только о себе, точно он и есть — вся литература. Очень скучно! И очень плохо знают люди жизнь, да как будто и знать ее не хотят, а если и хотят, так с каким-то судейским — судебных следователей — садизмом ищут в ней преступного, ищут черты отрицательного значения. Очень удивляет меня эта профессиональная склонность к поискам всего, что, так или иначе, способно обидеть работу дня, дело жизни.

Не вразумительно говорю? Устал очень.

Крепко жму вашу руку и усердно советую: не увлекайтесь думами о болезни, ставьте против ее вашу волю к жизни. Это — неплохой совет.

А. Пешков

31.VI.16.

Вороничи. 11 августа 1931г.

Дорогой Алексей Максимович,

вчера меня известили, что паспорт и разрешение на валюту получены, и таким образом мой отъезд на лечение стал реален. Еще раз крепко благодарю вас за помощь в этом моем деле. Последнюю неделю мне стало опять хуже, я лежал с темпер⟨атурой⟩ до 38,4, кашель дергает и треплет до изнеможения. Надеюсь, что этот приступ утихнет, и числа 17-го я перееду в Ленинград, где пробуду дня четыре. Хотелось бы с первого сентября уже залечь в санатории. Думаю, что удастся.

Трудно строить к⟨акие⟩-н⟨ибудь⟩ планы, перед тем, как на полгода собираешься в санаторий, но по привычке неизбежно заглядываешь вперед. Мне очень хотелось бы, напри⟨м⟩ер, быть в курсе работы по изданию «Истории гражд⟨анской⟩ войны». Первоначальный проект, видимо, изменился¹, и должны возникнуть новые задачи для редакторов. Пожалуй-ста, скажите кому нужно из товарищей по работе в этом издании, чтобы меня не забывали извещать о ходе работ и прежде всего о том, что будет делаться в художественной редакции. Я сейчас разыскиваю одного человека, который много может помочь в воссоздании интереснейшей страницы из истории анархо-бандитизма на Волге (Пугачевск, Хвалыинск). Такой материал можно было бы, по-моему, поднести и в повествовательно-художественной форме. Не так ли?

Связь со мною можно будет поддерживать через И. А. Груздева или адресуясь прямо на мою квартиру: Ленингр⟨ад⟩, Пр⟨оспект⟩ Володарск⟨ого⟩, 33, 13. Желаю вам всего хорошего!

Ваш Конст. Федин

ГОРЬКИЙ НА ЗАСЕДАНИИ ОРГКОМИТЕТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
15 АВГУСТА 1933 г. В МОСКВЕ

Выступает А. А. Фадеев. Среди присутствующих: в первом ряду (слева направо): М. А. Алексеев, И. Ю. Кулик (третий), В. Я. Кирпотин; во втором ряду: А. Лахути, Г. К. Нивифоров, Л. М. Леонов и др.

Фотография

Музей Горького, Москва

¹ Летом 1930 г. Горький задумал организовать издание серии книг по истории гражданской войны. Предложение Горького обсуждалось на заседании правления Госиздата 10 июля 1930 г. Основную роль в создании «Истории гражданской войны», рассчитанной на широкие массы рабочих и крестьян, Горький отводил советским писателям.

«Историю гражданской войны,— писал А. М. Горький,— должны литературно обработать наши наиболее талантливые литераторы, активные ее участники, непосредственные свидетели и люди хорошо знающие места действия.

К работе этой надо привлечь:

По Средней Волге — К. Федина,
Северному Кавказу и по Гуляй-Полю — А. Толстого,
Сибири — Зазубрина, Фадеева, Вс. Иванова, Шишкова,
Украине — Петро Панча и А. Давидовича,
Крым — Ал. Малышкина,
Петербургу — Ю. Тынянова,
Флоту — Либединского, Лавренева,
Донбассу — Олешу, а Шолохов — казачество,
Одессе и Григорьевщине — Соколова-Микитова,
Северу (Архангельск, Мурманск) — Леонида Леонова,
Туркменистану — Н. Тихонова,
Басмачам и Афганистану — Льва Никулина,
Уральским заводам — Артема Веселого,
Заговорам — Ольгу Форш.

Участие названных писателей в литературной обработке материала истории я считаю совершенно необходимым. Они должны придать «Истории» удобочитаемость, яркость, картинность, эмоциональную заразительность художественного произведения.

Побочный результат: эта работа приблизит наших литераторов к делу рабочего класса, обогатит новыми темами. Наша путаная, легкомысленная и слишком

самовлюбленная критика не воспитывает писателей. Она стоит еще дальше от жизни, чем те, кого она пробует научить, не совсем ясно понимая, чему именно следует учить» (письмо к И. В. Сталину. 1930 — начало 1931. Машинописная копия, АГ).

Инициатива Горького была поддержана Постановлением ЦК ВКП(б) от 30 июля 1931 г. — «Об издании „История гражданской войны“».

По мере развертывания работы представление о типе издания и характере сборников менялось. Первоначально предполагалось, что каждый сборник будет состоять из двух самостоятельных разделов: научно-исторических статей и литературно-художественных произведений на темы гражданской войны и революции. Горький придерживался иной точки зрения, считая, что каждый том должен представлять собой целостное произведение.

«Представьте себе,— говорил Горький,— что, например, т. Фадеев берет тему по Дальнему Востоку. Подбирает группу литераторов, участников событий того времени. Он работает вместе с военным редактором, который проверяет весь стратегический смысл событий, и редактором политическим, который освещает вопрос с идеологической стороны. Тогда получится, несомненно, цельное произведение, которое уложится в один из томов» (Выступление Горького на заседании редколлегии «ИГВ» 10 августа 1931 г. Стенограмма, АГ).

Можно предположить, что Федин имеет в виду именно это изменение первоначального проекта.

В дальнейшем Горький вновь обращался к обсуждению структуры томов «Истории гражданской войны». На письме начальника Военной академии РККА Р. П. Эйдемана от 3 февраля 1932 г. в Главную редакцию «ИГВ» Горький сделал следующую надпись: «Ориентироваться на Ленина — на простоту, связность изложения» (АГ).

42

ГОРЬКИЙ — ФЕДИНУ

<Горки. 18 августа 1931 г.>

Дорогой Константин Александрович —

не отвечал вам до сего дня, потому что надеялся увидеть вас в Ленинграде, но поездку пришлось отложить на несколько дней. Прибуду в конце месяца, привезу план издания «Истории гражданской войны»¹, побеседую.

Очень советовал бы вам: нездоровьем вашим — не смущайтесь. Вам за 30, а в этом возрасте Коховы палочки милостивы, ибо слабосильны. У меня правое легкое совсем кончилось, не дышит, а — живу и даже очень.

Почему вы пишете «залечь в санаторию», — разве решили не ехать в Шварцвальд? Или вы его и подразумеваете?

Впрочем обо всем этом поговорим лично, а до той поры — умолкаю.

Если увидите даму Форш, — скажите ей, чтоб она не сердилась на меня, я не ответил на письмо ее тоже потому, что надеялся увидеть. И — увижу.

Крепко жму руку.

А. Пешков

18.VIII.31.

¹ «История гражданской войны». Проект плана издания. М., ОГИЗ, 1931. На правах рукописи.

В плане намечалось издание тринадцати томов «Истории гражданской войны». Впоследствии количество проектируемых томов увеличилось сначала до пятнадцати, потом до шестнадцати. По предложению Горького теме «Партия и гражданская война» посвящался специальный том издания.

Ориентировочный перечень пятнадцати томов был опубликован в «Лит. газете», 1931 (№ 62 (161) от 17 ноября, стр. 2).

Развернутый план издания шестнадцати томов «Истории гражданской войны», утвержденный главной редакцией «ИГВ», был опубликован в мае 1932 г. на страницах «Правды» («Правда», 1932, № 141, от 23 мая; № 142, от 24 мая; № 143, от 25 мая; № 144 от 26 мая; № 145, от 27 мая).

ФЕДИН — ГОРЬКОМУ

⟨Давос. 29 октября — 5 ноября 1931 г.⟩
 Davos-Platz. Sanatorium «Helios».
 29.X.1931.

Дорогой Алексей Максимович,

мне писали из Питера, что вы справлялись о моих делах, стало быть, — знаете, что немцы меня направили в Давос и что я здесь с начала сентября¹. Если принять в расчет немецкий патриотизм, то направление больного в чужую страну, когда санатории и пансионаты Германии пусты, надо признать образцом беспристрастия. Шварцвальд оказался для меня «низок», а здесь, в поднебесье, мне дышется действительно легко, как никогда в жизни. Вот уже почти два месяца я не вылезаю из кровати, и только в дневные часы и в хорошую погоду меня вывозят на балкон. Результаты этого скучнейшего лежания пока не велики, но я доволен ими, мне кажется, что меня держат в постели не напрасно. В самые последние дни я стал меньше кашлять, значительно меньше — это почти чудесно, потому что до сих пор кашель не поддавался никаким увещаниям. В ближайшие недели решится вопрос о пневмотораксе, мне кажется — отрицательно, так как появляется надежда на заживление каверны без помощи пневмоторакса, и так как, несмотря на похвальную свою отвагу, здешние врачи больше *говорят* о двустороннем пневмотораксе, чем делают его, а в моем случае неизбежен именно двусторонний. Признаться, я думаю о пневмотораксе без всякого воодушевления. Я стараюсь не смущаться болезнью — как вы пишете — и очень рассчитываю на то, что в моем возрасте «кохова палочка милостива». О, да, Алексей Максимович, мне «за тридцать», мне настолько сильно за тридцать, что через три месяца будет сорок. Вы меня всегда считали моложе, чем я есть (?!), и я нахожу это чрезвычайно деликатным выражением того, что вы еще не отчаялись в моих писательских способностях. Как только это случится, вы мне напишете: «Ну, Федин, теперь, когда вам стукнуло пятьдесят...»

5.XI.31.

Вот так пишутся теперь у меня письма — с недельными перерывами и соответственно бессвязно: поднялась температура, пришлось отказаться даже от тех немногих и несложных занятий, какие в моем лежачем положении возможны. Нет, видно не удастся отвертеться от пневмоторакса — доктора клонят к этому. Быть посему.

Страшно я здесь досадовал, что мне не довелось присутствовать на заседаниях нашего издательства, на которых были вы (или — которые были у вас)². Ведь до весны этого года я, в чине и почете председателя Правления, тянул весь этот бумажный корабль противу вод, ветров и многих других стихий нашего отечества. Я убежден, что это одно из самых любопытных издательских предприятий за все время революции и что хотя оно долго еще будет черпать поочередно носом и кормом, ему — право — предстоят славные дела.

Но еще раньше и еще больше досадовал я, что мне так и не удалось вас увидеть! Я уехал из Ленинграда 22.VIII, так что даже ваше последнее письмо не застало меня дома, и мне переслали его в Берлин. То, что никогда нельзя высказать в письмах и что обычно откладываешь до личной встречи, так и осталось у меня «отложенным» — не знаю, до какого срока.

Как ваше здоровье? — напишите. Из Питера мне сообщали, что вы там хворали.

Шлю сердечный привет!

Ваш Конст. Ф е д и н

¹ В конце августа 1931 г. Федин уехал лечиться от туберкулеза легких в Давос (Швейцария), где пробыл до весны 1932 г., затем до декабря 1932 г. лечился в Германии, в Сан-Блазиене.

² Одно из таких заседаний президиума «Издательства писателей в Ленинграде» состоялось 28 сентября 1931 г. На этом заседании обсуждались планы новых изданий, предложенных Горьким: серии «Библиотека поэта», ежегодника «День» (см. письмо 44) и др. Отчет о заседании см. в «Лит. газете», 1931, № 53, от 2 октября.

44

ГОРЬКИЙ — ФЕДИНУ

⟨Сорренто. 15 ноября 1931 г.⟩

Запоздал ответить вам, дорогой Константин Александрович, все еще не мог опомниться от Москвы, отлежаться, разобрать почту и т. д.

Очень обрадован мужественным тоном вашего письма, — хорошее настроение это как раз то, что определенно и серьезно помогает в борьбе с надоедливой этой болезнью. У меня было три рецидива, да воспаление легких, не считая ежегодных бронхитов, — вот и летом схватил в Ленинграде грипп с температурой до 40 гр⟨адусов⟩, и, знаете, мне кажется, что я преодолеваю эти нападения не столько с помощью медиков, как напряжением воли. Назойливая и кокетливая болезнь, есть в ее характере нечто от старой девы.

Я тоже несколько раз и вслух сожалел о том, что вы не могли быть на некоторых заседаниях по делам литературно-издательским. Мне кажется, что у нас не плохо выйдет «Библиотека поэта»¹ и альманах «День»² — мировой день. Мы решили построить альманах этот так: взять крупнейшие газеты всех стран за *один* день, — скажем: 6-е XII, или 1-е января, и обработать бытовые, политические, научные события этого дня в форме художественных миниатюр по 10 т. букв, гонорар за эту $\frac{1}{4}$ листа — 250 р. Я настойчиво прошу вас «включиться» в эту работу. В сущности не обязательно писать на темы избранного дня, ибо есть ведь темы неизбежные «по вся дни» — не так ли? Вот вы и напишите на одну из таковых.

Работа по «Истории гр⟨ажданской⟩ войны» начата и движается, хотя и не с тою быстротой, как хотелось бы. Вы намечены литредактором на 1-й т⟨ом⟩ — Октябрь — и на Урал³.

Очень дружно и горячо взялись рабочие за «Историю заводов»⁴, — в первую очередь мы наметили 102 завода старых и новых, но работу начали на всех. Идут опросы старых рабочих, стенографирование их рассказов о прошлом, разрабатывается материал архивов и т. д. Вообще: «дело взято за рога».

А потому — выздоравливайте! Вы — крупная культурная сила, талантливый человек, ваше участие во всех этих начинаниях — необходимо. Это — не комплимент, а — скорее — просьба товарища о помощи, вот что это! В истекшее лето удалось начать много, но — необходимо продолжать и надо кончить. Сил у нас — маловато, каждый человек — на счету.

Обнимаю вас, очень хочу весною встретить где-либо на юге. Будьте здоровы! Напишите — обрадуется.

А. Пешков

¹ «Библиотека поэта» — серия комментированных изданий произведений поэтов XVIII—XX вв. Начала выходить в свет с 1933 г.

Горький возглавил редколлегия «Библиотеки поэта», в которую вошли: Ю. Тынянов, Н. Тихонов, И. Груздев, В. Саянов, Б. Пастернак и А. Селивановский.

Задачи издания Горький охарактеризовал в статье «О „Библиотеке поэта“» (т. 26, с. 176—186), в письмах к Р. Роллану (т. 30, № 1035) и В. Саянову (т. 30, № 1100).

² Речь идет о книге «День мира» — коллективной работе, выпущенной в свет после смерти Горького («День мира». Под ред. М. Горького и Мих. Кольцова. М., «Журнально-газетное объединение», 1937).

О необходимости создания такой книги Горький говорил в заключительной речи на Первом всесоюзном съезде советских писателей (т. 27, с. 344—345). Книга «День мира» открывается публикацией письма Горького к М. Е. Кольцову — «Задачи нашей книги».

³ См. письмо 41, прим. 1.

⁴ О задачах издания см. статьи М. Горького: «История фабрик и заводов», «За работу!», «О работе по „Истории фабрик и заводов“» (т. 26).

45

ФЕДИН — ГОРЬКОМУ

Давос. 22.III.1932.

Дорогой Алексей Максимович,

из Ленинграда, с которым я поддерживаю живейшую связь, дошел до меня слух, что в этом году вы поедете в Россию уже в апреле месяце. Верно ли это? Если верно, то каким путем собираетесь вы ехать — не через Швейцарию ли? И ежели да, то не через Энгадин ли? Вы, вероятно, знаете эту дорогу — *Ferrovía del Bernina* — идущую от Тирана до Сант-Морица, — нечто сумасшедшее по техническому мастерству (как, впрочем, большинство альпийских дорог) и живописности (ледники — как на ладони). Пишу вам об этом потому, что страшно хотел бы увидеть вас, судьба же моя в этом отношении удивительная: начиная с 28-го года, я никак не могу с вами встретиться, и — так или иначе — виною тому «заграница». Теперь мне с вами повидаться надо бы и по литературно-деловому поводу и в силу личной необходимости. Я же боюсь, что если я вас не «изловлю» где-нибудь здесь, в Европе, и именно весной, то осенью, когда я соберусь домой, вы, пожалуй, как раз снова уедете за границу. Если бы вы поехали через С.-Мориц, от которого дороги ведут во всех направлениях, в частности — Цюрих, Базель, Берлин и т. д., то я встретил бы вас где-нибудь на границе, около Тирана и проехал бы с вами часа два по этой самой *Ferrovía del Bernina*. Дело в том еще, что я дорогу эту знаю, т(ак) к(ак) на днях совершил первую экскурсию, продолжавшуюся целый день, с утра до вечера. Это была *проба* моему здоровью, я ее отлично выдержал, и потому нахожу встречу и свидание с вами в пути вполне для себя доступными, не знаю, только удобен ли такой план для вас. Право, я охотно напросился бы к вам в Сорренто, да боюсь юга, боюсь резкого перехода от гор к морю. Вряд ли когда доведется жить так близко к Италии, тут до нее рукой подать. И соблазн велик. Я никогда не бывал в романских странах, хотя бы только поглядеть на них — давнишнее и жаркое мое стремление — и немного утолить его сейчас, как никогда, возможно. Если для вас, Алексей Максимович, мой «энгадинский проект» неудобен, напишите, пожалуйста, что вы думаете о прыжке к морю, на недолгое время, весной. Само собою, я без совета врача никаких таких головокругительных предприятий совершать не буду: слишком трудно дался мне успех лечения, который позволяет вообще разговаривать о каких бы то ни было предприятиях.

Четыре месяца я не вылезал из постели. В начале января начал выходить — спустя два месяца после наложения пневмоторакса. Ваше

чудесное письмо, которое во многом очень лестно для меня, пришло в «нужный» момент — когда я привыкал к новому, неловкому и неприятному состоянию: воздух стал для меня нормированным продуктом (теперь я уже приспособился к «пайку»). Я не отвечал вам до сих пор, не желая надоедать своей болезнью. Теперь же поворот к здоровью очевиден и объективно, и по моему личному, очень хорошему, самочувствию. Объективные показатели улучшаются с каждым месяцем — палочки исчезли, эластические волокна — тоже, кашель почти сошел на нет, так называемый *Blutsenkung* (не знаю, как переводится этот термин — «оседание» красных кровяных шариков) разительно уменьшилось, рентген очень благоприятен. Дело не только в удаче пневмоторакса, но еще и в том, что другое легкое выдержало нагрузку и, несмотря на свои дыры, работает молодцом и одновременно поправляется. Словом, мое состояние наилучшим образом выражается всеизвестной формулой: «коп-ля, мы живем!»

Но живем мы пока довольно странной жизнью, т^о е^{сть}, главным образом, в горизонтальном положении, под надзором ревностных глаз, испытующих не только здоровье, но и кошелек. Тут решительно ничего не поделаешь: санаторий — это аппарат, выделяющий из коховых бактерий швейцарские франки. Сделать можно, пожалуй, только одно: к скандальной славе Томаса Манна («Zauberberg») ¹ прибавить если не славы, то скандала ². Мне в этом смысле повезло: владелец санатория, в котором я лечусь, превзошел по лицемерию, ханжеству, подлостью стяжанию самого Иудушку. Представьте себе такое создание на фоне нынешнего *кризиса* — красота! Не потому ли он меня старательно удерживает от работы, что ждет от нее «возмездия»? Впрочем, речь только о нем — собственнике санатория. Лечит же меня не он, а превосходный врач и тонкий человек. Мой здешний быт зависит, конечно, больше от него, а не от Иудушки.

Пробуду я здесь еще месяца два с небольшим, до июня примерно. Потом думаю перебраться в Шварцвальд — так, по крайней мере, советует направивший меня сюда берлинский врач. Там я надеюсь устроиться не в санатории, а в пансионе или в частной квартире. Но до сих пор не знаю — когда мне можно будет вернуться в Ленинград и можно ли будет постоянно там жить. Как ваше мнение по этому поводу? Не плохо было бы поселиться в Детском Селе, думаю я. Но у нас ведь страшно трудно с жильем, удастся ли?

У меня на записочке ряд вопросов, с которыми я думаю обратиться к вам. Но вижу, что они заняли бы много места и отняли бы у вас много времени. Поэтому — до встречи.

«Издательство писателей» в Ленинграде все расширяет свою работу. Тут есть известный риск — может получиться разрыв между хозяйственно-организационными возможностями издательства и общественными обязательствами, которые оно на себя берет. Векселей мы выдали много, а вот год прошел, и нам нужны дикие средства, чтобы вертелось колесо производства, между тем реально выпущенных книг *маловато*. Это не... «оппортунизм», прости господи, а *расчет* или, что то же, *хозрасчет*. Вот, например, такие вопросы, и куча других.

О сборнике «День» ³ ничего не слышно. А этот замысел очень хорош. Ах, сколь часто хорошие замыслы пребывают и остаются замыслами! «Серия поэтов» ⁴ будет наверно осуществлена. Но она *явно застопорилась*. Был момент, когда в издательстве назревала угроза захвата этой серии формалистами и превращения всего издательства в... серию поэтов ⁵. Теперь это прошло. Теперь издательство, испугавшись, что его проглотит серия, кажется, само проглотило серию!

Все чаще мы замалчиваем хорошие книги или вовсе не выпускаем их. Я очень рад, что вам понравилась книжка Н. Вагнера — «Человек бежит

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ
К. А. ФЕДИНА ГОРЬКОМУ
НА РОМАНЕ «ПОХИЩЕНИЕ
ЕВРОПЫ» (Л., 1934):

«Дорогому Алексею Максимовичу —
затянувшееся предисловие к роману —
Конст. Федин — с любовью и преданно-
стью. Москва, 5 июня 1934»

Личная библиотека Горького

по снегу»⁶. Несмотря на стилистическую зыбкость, это — одна из лучших книг о нашей борьбе за Север. А ее как-то старались засунуть куда-нибудь под стол, под прилавок, да и автор был «на подозрении», да и мне, многогрешному, чуть-чуть за нее не попало: зачем издал? Я как раз в ту пору, расхвалив Лаврухина⁷, увидел, что моя похвала — не столько на пользу, сколько во вред. Так от похвалы Вагнера (и еще двух-трех молодых) я уж воздержался.

Читаете ли вы когда-нибудь «Neue Züricher Zeitung»? Это — «Русские ведомости»⁸ и вместе с тем — стальной сейф швейцарских филистеров. Однажды там была напечатана статья, доказывавшая, что в СССР чудовищно тоскуют по «индивидуализму» и что, наконец, *вы* это признали и... начали выпускать романы о «Молодом человеке 19 века». Вообще газетка в некотором смысле забавная. Ее, пожалуй, следует иметь в виду для «Дня».

Прошел слух, что в Берлин приехал Толстой⁹. Когда-то он говорил мне — или писал — что собирается к вам. Ждете ли вы? Между прочим, он советовал мне поговорить с вами о возможности полечиться мне у Манухина¹⁰. Вот... разыскал его письмо: «В 13 году Алексею Максимовичу было совсем плохо. Манухин в месяц довел его с кровати — до двух бутылок красного вина в день». Я слышал, конечно, об этом. Не о вине, а о вашей болезни, излеченной Манухиным. Но вино меня тоже прельщает. Не напишете ли вы мне два слова и по сему поводу?

Пожалуйста, простите за мучительную длину письма! Не утруждайте себя пространством ответом, напишите в стиле телеграммы.

Желаю вам здоровья и всего, всего доброго!

Ваш Конст. Федин

Ответное письмо Горького от 29 марта 1932 г. см. в т. 30, № 1046.

¹ «Скандальной» славе романа Т. Манна «Волшебная гора» (1924) способствовало содержащееся в нем разоблачение шарлатанских повадок врачей-коммерсантов в туберкулезных санаториях Давоса.

Роман не продавался в магазинах Давоса, и его запрещали читать больным.

² Вероятно, речь идет о замысле романа «Санаторий Арктур», перекликающемся по теме с «Волшебной горой» Т. Манна.

«Санаторий Арктур» был опубликован впервые в 1940 г. (М., «Советский писатель»).

³ См. письмо 44, прим. 2.

⁴ См. письмо 44, прим. 1.

⁵ К работе над «Библиотекой поэта» был привлечен ряд ученых, являвшихся в двадцатых годах представителями так называемого «формального метода» в литературоведении (Б. М. Эйхенбаум, Г. А. Гуковский, Б. В. Томашевский и др.).

⁶ Н. Вагнер. Человек бежит по снегу. Л., «Изд-во писателей в Ленинграде», 1932.

Второе издание этой книги вышло в свет с предисловием Горького (Н. Вагнер. Человек бежит по снегу. Изд. 2. Л., «Изд-во писателей в Ленинграде», 1932). Первоначально статья о книге Н. Вагнера «Человек бежит по снегу» была опубликована в «Известиях», 1932, № 159, от 10 июня.

⁷ Дм. Лаврухин. По следам героя. Записки рабкора. «Изд-во писателей в Ленинграде», 1930.

⁸ «Русские ведомости» — буржуазно-либеральная газета, с 1905 г. — орган правого крыла кадетов.

⁹ 28 марта 1932 г. А. Н. Толстой приехал к Горькому в Сорренто.

¹⁰ См. Горький — Тренев, письмо 15, прим. 3.

Давос. 5 апреля, 1932.

Дорогой Алексей Максимович — как жалко, что из моей фантастики ничего не получится, — что встречу с вами приходится отложить до осени!¹ Как бы мне опять не разминуться с вами где-нибудь в дороге...

К Роллану я охотно поехал бы², хотя меня смущает боязнь чересчур обеспокоить его: я для него вполне незнакомый человек. Да и достаточно ли будет для общения с ним моего немецкого языка? Напишите мне, — вы отлично знаете Роллана.

Весною я, по-видимому, никуда не двинусь. Здесь, правда, чёрт знает что делается — какие-то уральские бураны! — и чувствую я себя хуже, чем зимой, но полагаю, что эти месяцы «внизу» еще хуже. За справку о Шварцвальде большое спасибо. Ваш совет совпадает с тем, который мне дал мой немецкий (берлинский) врач: он тоже рекомендует Фрейбург, окрестности Фрейбурга.

О книге Лоренса много слышал, а Олдингтона³ вы называете мне первый. Воспользуюсь тем, что вы пишете о Тер-Григорьяне⁴, и попрошу у него эти книги.

Скажите, Алексей Максимович, знаете ли вы Акселя Мунте — шведа, живущего на Капри? Его книга о «San Michele»⁵ пользуется чудовищным интересом. Я только что достал ее. По началу — нечто мистическое и напыщенно сентиментальное. Не знаю — как дальше.

Ваш «Ответ америк<анским> корреспондентам» в «Известиях»⁶ я читал с увлечением и радостью. Это очень хорошо! — не только потому, что вынуждает зарубежную, заокеанскую интеллигенцию подумать «с кем она?», но также потому, что широко и просто раскрывает «с кем и против кого мы?» — та часть трудовой русской интеллигенции, которая никогда не обольщалась никакими буржуазными коврижками. Это очень просто раскрыто, так как найдена конгениальная идея форма — форма, избран-

ная вами давно и сейчас — по-моему — засверкавшая со всей силой. «С кем вы...?» — самый действенный из ваших памфлетов, где разнородные факты служат обобщающей мысли и мысль объясняет каждый факт. По-моему — великолепно! А самое обилие фактов поражает меня в сотый раз — когда и каким образом успеваете вы разбираться во всех этих Альпах материала?..

Разрешите мне, ни к селу, ни к городу, сообщить вам следующие курьезы:

В гор. Филадельфии в городск(ое) самоуправление внесен законопроект об отпуске средств на кимоно для статуи Дианы, находящейся на городской площади. То, что Диана стоит совершенно голая, обнаружила женщина-священник д(окто)р Муррей Эллис. После чего женщины Филадельфии признали, что Диана оскорбляет их чувство стыда, и побудили своих депутатов в городск(ом) парламенте положить конец безобразию.

Французские врачи Морис Гарсон и Жан Веншу выпустили в Париже (изд. Gallimard) «научное» сочинение под названием: «Исторический, критический и медицинский опыт. — Дьявол»⁷. М(ежду) пр(очим), в сочинении устанавливается, что «староцерковный метод заклинания и изгнания бесов представляет собою средство, которое и теперь, как когда-то, приносит если не исцеление, то облегчение».

В Лондоне, в изд(атель)стве Chatto and Windus, вышла книга критика В. Льюиса «The diabolical Principle», в коей устанавливается (на основе анализа современной художеств(енной) литературы), что, так же, как и в *средние века, дьявол обретается среди нас — во плоти и крови!*

Да-с.

А вот нечто юбилейное. Немецкий поэт Отто Франц Гензихен, 85-ти лет отроду, написал 3-х томную биографию Гете *в стихах!*

Точка. (Ей-богу!)

Будьте здоровы. И счастливого пути!

Ваш Конст. Ф е д и н

Когда появится о договоре с Италией? ⁸

Очень здорово!

¹ В письме от 29 марта 1932 г. Горький писал, что из-за его болезни «проект встретиться в Швейцарии — отпадает, к сожалению, и встретимся мы в Москве или в Ленинграде» (т. 30, с. 246).

² «У вас нет охоты съездить к Роллану? — писал Горький в том же письме. — Вы очень обрадовали бы старика и развлеклись бы, послушали хорошей музыки, он ведь музыкант и, говорят, серьезный» (т. 30, с. 246).

³ В письме от 29 марта 1932 г. Горький рекомендовал Федину ознакомиться с двумя книгами английских писателей: «Смерть героя» Р. Олдингтона и «Любовник леди Чаттерлей» Д. Лоуренса:

«Читали вы книгу Ричарда Олдингтона „Смерть героя“? Весьма грубая, злая и „отчаянная“ книга, вот уж нельзя было ожидать, что англичане доживут до такой литературы! И, пожалуй, еще более красноречиво говорит о процессе распада буржуазии английская книга Лоренса „Любовник леди Чаттерлей“» (т. 30, с. 248).

⁴ Паруйр Аветович Тер-Григорьян в то время был сотрудником издательства «Международная книга» в Берлине.

⁵ Axel M u n t e. Das Buch von San Michele. Berlin, Th. Knaur, 1931.

⁶ Имеется в виду статья «С кем вы, „мастера культуры“ (Ответ американским корреспондентам). — «Известия», 1932, № 81, от 22 марта.

⁷ Maurice G a r ç o n. Le Diable. Historique, critique, médical expérience. En collaboration avec de Dr V i n c h o u. Paris.

⁸ О переговорах между СССР и Италией Горький сообщал Федину в письме от 29 марта 1932 г. Переговоры закончились 6 мая 1933 г. подписанием соглашения о торговом обмене.

〈Сорренто. 9 апреля 1932 г.〉

Дорогой Константин Александрович ¹—

написал Роллану, чтоб он пригласил вас ², и буду очень рад, если это свидание состоится. Мне, почему-то, думается, что между вами и Ролланом есть — кроме идеологически общей умонастроенности — еще и субъективно сходные черты и что свидание ваше с ним будет приятно и полезно для обоих.

Спасибо за сообщение анекдотических фактов «культурной» жизни Европы, — какой это был бы отличный материал для альманаха «День»! Но, пока этого альманаха нет, я предполагаю завести в «Известиях» отдел «Новости культурной жизни Европы» ³ или что-то в этом роде и пользоваться фактами типа сообщенных вами. Так что — если вам не лень — снабжайте!

В Москву еду с проектом: отобрать человек 20—25 наиболее талантливых литераторов, поставить их в условия полнейшей материальной независимости, предоставить право изучения любого материала, и пусть они попробуют написать книги, которые отвечали бы солидности запросов времени. Здесь, у меня, Афиногенов, автор «Чудака» и «Страха», они ⁴ с этим проектом согласны. Возражение: создастся литературная аристократия — недействительно, «спецы» всюду необходимы. В области литературы — особенно, ибо нашего читателя обременяют словесным хламом, а подлинным нашим литераторам — нет времени учиться и работать, им слишком много приходится тратить сил на завоевание примитивных удобств в жизни: поиски дач, питания и т. д.

Я думаю, что этот проект пройдет.

Лоренс, это — недавно умерший Лоуренс, автор романа «Жезл Аарона» и др. Его «Любовник леди Чаттерлей» явился в результате пари, заключенного Лоуренсом с Норманом Дуглас ⁵: кто сумеет написать наиболее эротическую книгу? Выиграл пари Дуглас, ибо его книгу никто не решается печатать, тогда как роман Лоуренса — напечатан, хотя «в общую продажу не поступает». Я не понимаю, что значит «общая» продажа. Я прочитал «Любовника» в русском издании, точнее — пробовал прочитать. Это очень плохо сделанная, очень скучная книга, скука ее кажется вызванной отчаянием и глубокой душевной усталостью. Ее соль — откровенное и детальное описание полового акта; повторенное несколько раз, оно вызывает чувство недоумения какой-то внутренней незаинтересованностью автора и отсутствием в нем эротического пафоса. Возможно, что русский перевод обесцветил, заморозил книгу, возможно, что перевод уничтожил ее иронию. Очень странная, плохая и, знаете, печальная какая-то книга. А, ведь, Лоуренс — талантлив был.

Крепко жму вашу руку. Толстой и Афиногенов посылают вам приветы.

Будьте здоровы. А. П е ш к о в

9.IV.32.

¹ В подлиннике описка: Андресвич.

² Письмо Горького Р. Роллану от 9 апреля 1932 г. см. в т. 30, № 1048. В ответном письме от 12 апреля 1932 г. Р. Роллан писал: «Я с удовольствием встречу с Константином Фединым. Скажите ему, чтобы он мне написал». — «Архив А. М. Горького», т. VIII. М., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 349.

³ Этот замысел не был осуществлен.

⁴ Возможно, Горький имеет в виду и А. Н. Толстого, гостившего в Сорренто.

⁵ Давид Герберт Лоуренс (1885—1930). В русском переводе роман вышел под названием «Флейта Аарона» (М., «Недра», 1925). Роман «Lady Chatterley's Lover» (1928) в СССР не издавался, как и произведении Нормана Дугласа (1868—1952).

ФЕДИН — ГОРЬКОМУ

Давос. 11.IV.1932!

Дорогой Алексей Максимович,

так как у вас, перед отъездом в Москву, должно накопиться много всяких дел и забот — пожалуйста, не отвечайте мне на это письмо.

Но прошу вас не позабыть о следующей моей просьбе. При первой удобной для вас возможности попросите рассказать вам о положении дел «Издательства писателей в Ленингр<аде>». Это может сделать Груздев, напр<имер>, как председатель. За последние два месяца чудовищно разваливается работа изд<атель>ства, подменяемая двумя прогрессирующими маниями — говорения и проектирования. За истекший год не реализовано, или — не начато реализацией, — ни одно из ценных прошлогодних начинаний. Технический аппарат — превосходно поставленный, состоящий всего из 4-х человек (при обороте свыше 600 000 и чистой прибыли за прошлый год в 120 000!!) — втягивается в дискуссии, перестает работать. Между тем, если изд<атель>ство существовало как общественное целое, то только благодаря своей хозяйственной «базе», благодаря тому, что оно было здоровой «хозяйственной единицей». Если сломать эту ось — мгновенно рассыплется вся общественность, а с нею исчезнет возможность заработка для 150 литераторов и художников. Все это — детски просто. Однако, подите-ка, об этом приходится мучительно много говорить.

Я не сомневаюсь, что вам удастся осуществить проект «о 20 литераторах». Это *решительно необходимо* сделать и притом — как можно скорее. В январе 31 года со мною говорил о подобном проекте Халатов. Речь шла тогда «о 50—60» литераторах. ЦК был вполне за это дело. Но оно свелось, кажется, к семге или к лососине — точно не знаю. Из 60-ти литераторов стало 160, потом — 260, потом, кажется, еще больше. Семги не хватило. И, вероятно, поэтому никто ничего не написал, т<о> е<сть> из литераторов...

Чтобы не получилось анекдота, надо, по-видимому, упор делать на работу, на задания, которые писатели должны выполнить. Надо сказать: дорогой друг, мы ждем от вас *книгу*, достойную нашего времени и вас самих; не беспокойтесь о говядине, о дровах, об образовании детей и о башмаках для них; напишите *книгу*, больше от вас ничего не требуется. Иначе — как бы не повторилась история с семгой (о ней — чудесно может рассказать Толстой).

«Новости европ<ейской> культуры» охотно буду сообщать вам.

За письмо к Роллану благодарю. Буду ждать приглашения и, м<ожет> б<ыть>, в мае съезжу к нему.

Искренний привет. И будьте здоровы.

Ваш Конст. Ф е д и н

P. S. Я ставлю перед собою задачу — окончить в нынешнем году свой новый роман — «Похищение Европы». Это — по случаю выздоровления.

ГОРЬКИЙ — ФЕДИНУ

⟨Сорренто. 15 апреля 1932 г.⟩

Дорогой Константин Александрович¹ —

вместе с вашим письмом — от 11.IV — получил письмо Роллана, он общается, что рад будет познакомиться с вами, и просит вас сообщить ему, когда собираетесь приехать?

Писать ему можете по-русски, секретарша у него — русская, из Москвы, Мария — кажется, Павловна — Кудашева².

Халатов — ушел. Вы это знаете? На его место назначен М. П. Томский³, человек энергичный, мне кажется, что в его руках дело пойдет лучше.

Груздева увижу тотчас по приезде в Москву. Понадобится — съезжу в Ленинград. Вообще я преисполнен добрых намерений и вполне готов мостить дороги в аду.

Афиногенов уехал в Париж, Толстой — кланяется вам, отправляемся в Москву 19-го⁴.

Очень рад, что вы чувствуете себя хорошо, и впредь желаю вам того же.

Ваш А. Пешков

15.IV.32.

¹ В подлиннике описка: Андреевич.

² Мария Павловна Кудашева — впоследствии жена Р. Роллана.

³ Сообщение о назначении М. П. Томского заведующим ОГИЗом было помещено в «Лит. газете», 1932, № 17, от 11 апреля.

⁴ Горький выехал из Сорренто в Москву 21 апреля 1932 г.

С(ан)-Блазиен. 17 июня, 1932.

Дорогой Алексей Максимович,

очень благодарен вам за помощь, которую вы оказали моей жене в хлопотах ее о поездке за границу. Мы сейчас поселились вместе, и летние месяцы жена пробудет тут, а затем — уедет домой, — устраивать мне подходящее жилье. К сожалению, в моем положении вопрос о месте жилья и о самом жилье — капризная вещь и решить этот вопрос можно будет только с помощью соответствующих организаций. Лучше всего было бы поселиться под Москвой. Югу я не доверяю, т(ак) к(ак) вырос на Волге, в климате суровом, не изнеживающем, к югу мне пришлось бы долго приспособляться. Что же до гнилой нашей Маркизовой лужи, то ее приходится вовсе исключить: жить в Ленинграде врачи мне запрещают. Если не под Москвой, то буду стараться устроиться либо в Луге, либо в Детском Селе. Все эти «проблемы» должны практически решиться осенью.

Здесь пришлось остановиться на С(ан)-Блазиене, потому что в других местах Фрейбургской округи (напр(имер), в Hinterarten'e) немецкие полицейские взяли на себя санитарный надзор и проводят его так усердно, что разогнали всех больных. Для местных самоуправлений выгоднее, видите ли, здоровые, чем больные, т(о) е(сть) туристы, спортсмены, так что всё кругом переделывается в парадоксальные курорты для здоровых. Но у С(ан)-Блазиена слишком уже велика туберкулезная слава, и его не «переделаешь». Одной из жертв санитарной распорядительности полиции оказался, между прочим, младший Маршак (Ильин)¹, которого выжили из Гинтерпартена, и он сейчас тоже тут, по соседству со мною, у «самого» Бакмейстера. У меня еще нет врача, — не успел обжиться, — ездить во Фрейбург отсюда не имеет смысла, к «самому» же идти мне неохота: помню хорошо ваш отзыв о нем², да и давосские врачи предупреждали меня о его пристрастии к эксперименту. Ильин слегка влюблен в него, даже не «слегка» и, по-моему, ежели принять в расчет состояние Ильина, — без видимых оснований. Впрочем, говорится же, что любовь всегда слепа...

Перед тем как расстаться с Давосом, я съездил на Женевское озеро, к Роллану. Бесконечно благодарен вам за это знакомство. Как жалко, что вы знаете Роллана только по переписке и книгам. Он произвел на меня большое впечатление. В нем какое-то странное соединение детства

с бесстрашием, мягкость замечательных светло-синих глаз соединена с холодностью, какая бывает у людей очень фанатичных и смелых. Он очень хорошо меня принял, я был у него дважды и подолгу, и в разговоре он касался множества тем. (Замечательно, что мы совсем не говорили о музыке, чем я даже, как будто, доволен, потому что боялся, что Роллан может принять меня (?) за знатока музыки, а я, рядом с ним, куда как мало понимаю в ней.) Роллан расспрашивал меня о вас, удивлялся, что вы живете в Италии, где «нечем дышать» (из-за фашизма). Я сказал, что по тактическим соображениям мы вынуждены поддерживать государственную дружбу с Италией и что вы там — наш «неофициальный посол». Он с глубоким

У ДОМА СОЮЗОВ В МОСКВЕ В ДНИ I ВСЕСОЮЗНОГО СЪЕЗДА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Фотография, 17 августа — 1 сентября 1934 г.

Литературный музей, Москва

возмущением рассказал случай из вашей переписки с ним, когда ваше письмо к нему шло, кажется, несколько месяцев, и о том, как вы отнеслись к этому факту («царский деп(артамент) полиции работал куда хуже итальянских фашистов...»). Я сказал по этому поводу, что такое отношение к вашей почте только подтверждает взгляд итальянцев на вас как на советского посла: дипломатической почтой интересуются ведь всегда глубоко...

Между прочим, Р(оллан) интересовался тогда еще очень новым вопросом о ликвидации РАППа³, и ему казалось странным, что как раз в это время во Франции состоялись новые выступления пролетарских писательских организаций⁴.

Мне кажется, Алексей Максимович, что некоторые темы, которых касался Роллан, и некоторые факты, которые мне стали известны из разговора с ним (о Ганди, Ж. Ромене, Дюамеле), наконец — отдельные черты биографии Р(оллана), могут быть интересны для советской общественности, и я решил написать о своей встрече с Ролланом хотя бы фельетон, или —

м<ожет> б<ыть> — просто — заметки⁵. Как считаете вы? Я сейчас занят этим и через несколько дней смогу послать рукопись в Москву, лучше всего, пожалуй, в «Известия», не правда ли?

Собираетесь ли вы открыть в «Изв<естиях>» отдел «Новостей культурной жизни Запада»?⁶ Я подговариваю Маршака послать вам «новости», собранные им в Германии. Есть прекоmicные, напр<имер> в области астрологии, которой в Европе последних лет чудовищно везет...

Как вы чувствуете себя под Москвою? Ведь уезжали вы в плохом состоянии. Как кашель? Долго ли вы собираетесь прожить в этом году в России?

Шлю вам привет и желаю здоровья!

Ваш Конст. Ф е д и н

Вот мой адрес: St. Blasien, Bad. Schwarzwald, «Deutsches Haus» (Bourgin) — мне.

¹ Ильин М.— псевдоним Ильи Яковлевича Маршака (1895—1953).

² См. письмо 38, прим. 1.

³ Имеется в виду постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций».

⁴ Какие выступления имеет в виду Роллан, установить не удалось. В 1932 г. была создана «Ассоциация революционных писателей и художников Франции». Членами Ассоциации были: Луи Арагон, Анри Барбюс, Жан-Ришар Блок, П. В. Кутюрье, Жорж Садуль, А. Дин и другие писатели. Ромен Роллан был избран почетным председателем этого объединения.

⁵ Заметки Федина под названием «У Роллана» были напечатаны в газете «Известия», 1932, № 192, от 13 июля. С небольшими дополнениями эти заметки были перепечатаны в альманахе «Год XIX», № 9. М., Гослитиздат, 1936. (В АГ хранится экземпляр альманаха с пометами Горького на статье Федина.)

⁶ См. письмо 47.

ФЕДИН — ГОРЬКОМУ

St. Blasien (Schwarzwald),
Pens. «Deutsches Haus».
24.XI.1932.

Дорогой Алексей Максимович,

на днях узнал, что вы опять в Сорренто¹. Здоровы ли вы? Не привезли ли с севера какого-нибудь бронхита?

Надеялся скоро увидеть вас, да вот и <в> этот раз на моем желании приходится поставить крест. Я собрался домой, в Ленинград, и уезжаю отсюда 1-го декабря. Результат лечения *очень хороший*, пневмоторакс протекает гладко, доволен не только я, но и врачи. Дело теперь в сохранении и укреплении этого результата. Если бы я остался на предстоящую зиму здесь, то мне пришлось бы возвращаться в Лен<ин>град весной (так устроено у меня с деньгами), что, конечно, — смертельная беда. Чтобы избежать этого, я и решил ехать сейчас, — на зиму, которая, обычно, в Л<енин>граде не плоха, — а весной (март — май) приехать в Давос, на трехмесячный курс. Такие «курсы», к сожалению, придется проделывать от времени до времени, это неизбежно — особенно при пневмотораксе.

Возвращению своему я очень рад; тут я устал и слегка одичал из-за отсутствия товарищей и в атмосфере повального бедствия — национал-социализма. У Бакмейстера (к коему я никакого отношения не имею) националят решительно все — от курьера до «знатнейших» пациентов (там есть какой-то немецкий график, состоящий тоже в этой «рабочей» и «социалистической» партии). Но националят не только «знатные» дома, а решительно каждый пансиончик, и горстка изнуренных людей (бывших рабочих прогоревшей мануфактуры Крафта) прячется в сырых и бесконечных коридорах католических корпусов. Мрак! Да тут, правда, и не

может стать иначе — уж слишком отстоялось это местечко как курорт: все делают деньги, а чтобы обеспечить сию профессию — запасаются связями с будущим вероятным хозяином — фашистом.

Так, как я работал прежде — в редакциях, издательстве и пр., — мне сейчас работать нельзя (писать я пишу). Но ведь у нас и воздух-то другой! — и какое движение во всем, какой гул! Я сейчас своей поездке рад, кажется, больше, чем — когда-то — своему возвращению из плена. Правда — я ведь поправился, и здоровье ощущается мной как счастливый дар...

Значит, я вас опять долго не увижу, дорогой Алексей Максимович. Для вас я в числе многих, которым вы, так или иначе, помогли. Но для меня — вы — такой помощник, какого у меня не было и не будет. Поэтому у меня всегда потребность — поблагодарить вас как-нибудь лучше. К сожалению, «лучше» не получается!

Ив(ан) Ив(анович) Греков² сделал однажды смелую и эффектную операцию одной 20-летней девушке, развитие которой остановилось лет с 14-ти. Беда состояла в том, что тазобедренные суставы пациентки были посажены чересчур близко друг к другу. Греков выдолбил в тазу новые места для бедровых костей и расставил, посадил их шире. Девушка поправилась. Года через три Греков получил от нее письмо. Она сообщала, что за это время выросла на шесть дюймов, год назад вышла замуж и недавно *родила!* К письму прилагались две фотографии его авторши — до операции и после, уже с ребенком...

Я не хотел бы проводить полной параллели между этой счастливицей и собою (аналогия не во всем была бы в мою пользу, особенно там, где говорится об... остановившемся развитии девушки). Но вы помогали мне всегда радикально, как Греков. И вот мне приходит на ум послать вам две своих фотографии: *до* Давоса и *после*. Если бы после Давоса я был снят во весь рост... впрочем, тут аналогия опять может стать сомнительной!

Я уезжаю отсюда в Берлин, где пробуду со 2-го до 12-го декабря. Как всегда, я был бы счастлив получить от вас несколько строк. Если вы вздумаете ответить в Берлин, вот мой адрес: *Berlin W. 15, Fasanenstr., 31, Pension Körber*. В Питере мой адрес прежний (*Ленинград, 28, Просп. Володарского, 33, кв. 13*), потому что переезд в Детское, где мне, конечно, будет легче и лучше жить, пока не состоялся из-за отсутствия квартиры. К тому же тяжело заболела жена, на которой лежали все заботы о переезде. Еду я с хорошим чувством, надеясь, что зимой мне ничего не повредит, ни наши жилищные беды, ни другие недостатки и трудности.

Жму вам крепко руку, дорогой Алексей Максимович, желаю здоровья и всего хорошего.

Преданный вам
ваш К. Федин

¹ Горький приехал в Сорренто 1 ноября 1932 г.

² См. письмо 39, прим. 1.

<Сорренто. 30 ноября 1932 г.>

К. Федину

Третьего дня послал вам книжку¹, а ответить на письмо удосужился только, вот, сегодня. Воет ветер, как 16 тысяч кошек, изнемогающих от любовной страсти, стреляют двери, на чердаке вьются крысы, второй день не получаю московских газет, какие-то черти клетчатые прислали

сегодня две толстущих рукописи и одну — не очень. Когда я буду их читать? Нет у меня времени! И — охоты нет рукописи читать! Начитался я, довольно!

Пожаловался я — стало легче. Не знаю, получали ли вы московскую прессу и знаете ли о «новых веяниях» в литературе? О пленуме Оргкомитета² и прочих событиях, кои угрожают весьма интересными и культурно ценными результатами? Подробно писать об этом я не стану. Вы сами увидите, в чем дело. Лично мне оживление в области нашей кажется весьма серьезным и глубоким. Конечно, есть люди, которые попытаются измелчить и скомпрометировать это оживление, — я говорю не о «рапповцах», которые, к сожалению, внутренне разбиты и раскололись, но могли бы сделать много доброго по новой линии, если б не этот «раскол».

Авербах³ — талантливый парень, хороший организатор и хотя чрезмерно тороплив на выводы, но способен учиться. <...>

Чрезвычайно юмористически выступил на пленуме Андрей Белый и хитро «сорадовался» Пришвин⁴. Все-таки пленум обнаружил много хорошего и — готовность дружески работать. Посмотрим...

Оживление в литературе — является отражением оживления в среде ученых⁵. Вот это, новое настроение людей науки — факт огромнейшего смысла, как мне кажется.

Очень жаль, что и в будущем году мы не встретимся. А — может быть? Я человек весьма подвижной, и, кажется, у меня будущее лето окажется менее загруженным. Спешимся и устроим встречу.

Вам следовало бы пожить на юге Италии, весна здесь — отличная!

Крепко жму руку. Если напишете из Берлина — поблагодарю! Очень интересно, какое впечатление вызовет у вас этот город.

А. Пешков

30.XI.32.

¹ М. Горький. Егор Булычов и другие Сцены. Берлин, «Книга», 1932.

Книга была послана Федину с дарственной надписью: «Дорогому товарищу К. Федину, с большой дружбой, с искреннейшими пожеланиями здоровья. М. Горький. 27.XI.32. Sorrento» (книга хранится у Федина).

² Оргкомитет Союза писателей был создан после Постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. для подготовки Первого всесоюзного съезда советских писателей. Горький был избран председателем Оргкомитета, Федин входил в состав его членов.

Имеется в виду первый расширенный пленум Оргкомитета (открылся 29 октября 1932 г.). Пленум прошел под знаком реализации Постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций». Отчет о пленуме см. в «Лит. газете», 1932, № 50, от 5 ноября.

³ См. Горький — Макарьев, письмо 1, прим. 2.

⁴ Выступления М. М. Пришвина и А. Белого были опубликованы в «Лит. газете», 1932, № 51, от 11 ноября.

В своей речи, большая часть которой была посвящена Горькому, Пришвин говорил: «Критика должна строить свою работу так: если писатель написал что-нибудь хорошее, настоящее, пусть критика заметит это хорошее. Я приведу ясный пример относительно Алексея Максимовича <...> Среди всех людей, каких я видел, у Алексея Максимовича есть способность сорадования. Я его не знал, он был где-то в Италии, в Сорренто, а я где-то на озерах, на острове. И вдруг получаю письмо, — он плачет и смеет я. Прочитал „Черного араба“. Как трогательно, прямо заплачешь».

И во всем он так. Многие не понимали его, говорили, что Горький обманывается: обрадуется, а после оказывается ничего особенного. Но ведь важно его огромное расположение. Я рад, что имею случай теперь сказать об Алексее Максимовиче. Не мог сказать хорошо к его 40-летию, а теперь сказал».

⁵ В октябре — ноябре 1932 г. в «Известиях» был помещен целый ряд сообщений, свидетельствующих об оживлении в научной жизни страны: об открытии VI менделеевского съезда («Известия», № 296, от 25 октября), о реорганизации Государственного института экспериментальной медицины во Всесоюзный институт экспериментальной медицины (ВИЭМ) (там же), об успехах в области расщепления атомного ядра («Известия», № 311 от 11 ноября) и др.

ФЕДИН — ГОРЬКОМУ

Berlin. 13.XII.1932.

Дорогой Алексей Максимович,

в Берлине меня ждал ваш «Бульчов», а день спустя после приезда — получил от вас письмо. Большое спасибо за книгу и дружескую надпись на ней. О московской постановке «Бульчова» много читал, буду в Москве — непременно посмотрю (уверен, что в Ленинграде — хуже)¹. В «Бульчове» меня опять поразила какая-то соблазняющая тайна ваших российских купцов — Бугровых, Морозовых². Щукин лечил свою печень картинами Пикассо³. Если бы в трубе не было «всеуслышания», если бы, как Щукин — картинами, Бульчов мог бы лечиться трубою потихоньку ото всех, он, думаю, с радостью поверил бы в нее. Изумительно это отсутствие веры и — в то же время — тоска по ней у всех «зжидителей» нашего прошлого. Вероятно здесь — одна из сторон трагедии больших ваших «купеческих» характеров и «соблазн» их как литературных типов.

Газеты все время получал и за литературными делами следил. Опять у нас начинают увлекаться разговорами. Пусть бы половину, даже четверть того, что говорилось на пленуме, попробовали обосновать в статьях. Великая была бы польза. Писатели же явно мало пишут. Рассуждать в литературе и о литературе словно отведено критике. Т<ак> к<ак> сейчас критика в известном расстройстве, то развитие литературной мысли застопорило. Между тем, такое развитие было целью апрельского решения, наряду с другою целью — чтобы писатели писали, а не заседали.

Я не брызжу, а так мне представляется дело по нашим газетам. Оживление должно сказаться, думаю я, в предстоящем «сезоне», т<о> е<сть> оживление собственно литературное, а не заседательское.

Говорил по телефону с Ленинградом: там слякоть и умопомрачение природы. Но сейчас, как будто, наступил поворот (тут стало морозно), и я думаю — можно смело ехать. Завтра отправляюсь.

На этих днях на Курфюрстендамме налетел на Вс. Иванова — чудеса! Он поехал в Париж, оттуда собирается к вам. Значит паломничество к вам уже началось, и я боюсь, что к тому времени, когда соберусь в Сорренто (если соберусь), вы уже успеете устать от визитов. Но благодарю вас за приглашение и очень ценю его!

Весною я должен непременно в Давос или еще куда. Вот мне и хотелось бы тогда съездить к вам. Жму крепко вашу руку, желаю здоровья и всего, всего хорошего.

Ваш

Конст. Ф е д и н

На всякий случай еще раз — мой адрес:
Ленинград 28. Просп. Володарского, 33, кв. 13.

Ответное письмо Горького от 21 декабря 1932 г. см. в т. 30, № 1066

¹ Пьеса «Егор Бульчов и другие» была поставлена в сентябре 1932 г. Т театром им. Евг. Вахтангова (Москва) и Государственным Большим драматическим театром (Ленинград).

² См. очерки Горького «Н. А. Бугров» и «Савва Морозов».

³ Сергей Иванович Щукин (1854—1936) — московский купец, собравший богатейшую коллекцию произведений новейшей французской живописи (картины Ван Гога, Гогена, Матисса, Пикассо и др.). Щукинское собрание стало достоянием музеев Москвы и Ленинграда.

ГОРЬКИЙ — ФЕДИНУ

〈Москва. 24 мая 1933 г.〉

Дорогой Константин Александрович —

очень обрадован вашим письмом, и еще больше обрадовало бы свидание с вами, но ехать в Москву я вам решительно не советую, ибо: погода здесь осенняя, холодная и уныло гниленькая. А повидаться нам, вероятно, запретят: ко мне никого не пускают по причине гриппа, который держит меня в изоляции, в горизонтальном положении с идиотски упрямой t° : 37,7—9. Вот уже 5-й день в Москве, а ни души не вижу. Голова болит, руки трясутся и вообще: «печали и болезни вон полезли».

В Ленинграде я думал быть между 5—10 июнем, но грипп спутал мои карты, и уже не знаю, когда попаду к вам. А видеть вас и других ленинградцев необходимо до Съезда писателей. Нужно устроить ряд частных совещаний, чтоб объединить наиболее толковых и честных людей, нужно поговорить о множестве вопросов, которые должны быть поставлены пред Съездом. Говорят, будто дня через три, пять я буду работоспособен. Есть ли у вас в Москве удобное место, где вы могли бы остановиться?

Как строго поступили с вами швейцарцы! ¹ Вот идиоты. И откуда у них такая наглость?

Крепко жму руку. До свидания.

А. Пешков

Датируется по почтовому штемпелю.

¹ Федину было отказано в визе на въезд в Швейцарию для лечения в Давосе. Отказ мотивировался самовольной поездкой Федина к Ромену Роллану — из Давоса в Вильнев (другой швейцарский кантон) — летом 1932 г. Подлинной причиной отказа была статья Федина о Ромене Роллане в «Известиях» (см. письмо 50, прим. 5). Подробнее об этом м. в кн.: Б. Брайнин. Константин Федин. М., «Советский писатель», 1953, стр. 157—163

ФЕДИН — ГОРЬКОМУ

Ленинград. 30.V.1933.

Дорогой Алексей Максимович,

жизнь требует, чтобы вы почаще и побольше передвигались, а ваше здоровье — чтобы вы сидели на одном месте: почти каждый приезд «домой» вы отмечаете какой-нибудь болезнью, и это — право! — весьма нехорошо! Лучше ли вам сейчас? Надеюсь, предсказания докторов сбылись и вы уже поправились.

Как всегда, был рад вашему письму и особенно рад тому, что вы с такой теплотой говорите о вероятной в недалеком будущем встрече со мной. Повторяю, что — если вам будет *удобней* — я охотно приеду в Москву, буде ваш приезд сюда откладывается надолго. Свое здоровье я берегу, но поездка в Москву *летом* вряд ли повредит ему. Я останавливаюсь в Москве у знакомых в очень хороших условиях, между прочим — на Машковом, рядом с домом, в кот(о)р(ом) живет Екат(ерина) Павловна.

Тем временем Съезд писателей оказался отложенным ¹. Хотя тут неизвестны никакие подробности, думаю, что дело идет не о неделях, а о месяцах: раньше сентября вряд ли созовут. По сугубо эгоистическим видам это хорошо, так как заседать и «съезжаться» не легко, летом же лично я неплохо всегда тружусь и уставать не хочется. Но в общественном отношении затяжка повредит: — немного упадет «настроение», зарядка

ослабится. Между тем Оргкомитет как учреждение *временное* не всех располагает к пристальной работе, занятия его иногда слишком вялы и все еще чересчур много организационной суеты.

Кажется, действительно интересной становится работа по написанию «Истории заводов». Знаете ли вы, что завтра в Ленинграде — большое собрание в связи с «Ист<орией> зав<одов>»? Областн<ая> редакция выпустила даже специальный сборник статей, пробных глав и материалов². Книжку наверно вам пришлют. Много и успешно работают Шкапская³ (она целиком ушла в «Историю», бросив все; подумать только, что она

К. А. ФЕДИН, ГОРЬКИЙ и А. ЛАХУТИ в ПРЕЗИДИУМЕ I ВСЕСОЮЗНОГО
СЪЕЗДА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Фотография, Москва, Колонный зал Дома Союзов, 17 августа — 1 сентября 1934 г.

Музей Горького, Москва

начинала с эротико-мистических и физиологических стихов!), Мария Левберг⁴, Антон Ульяновский⁵. В деле этом все больше проявляется подлинной литературности, оно набирает соки, и уже чувствуется, что становится культурным явлением неизмеримой силы. Интересно! — Будьте здоровы!

Ваш К. Ф е д и н

¹ 5 июня 1933 г. в «Лит. газете», № 26, появилась заметка «Лето на подготовку к съезду», в которой сообщалось, что по просьбе республиканских и областных писательских организаций созыв съезда переносится на осень 1933 г.

² «Создадим историю заводов». Сборник. Лен. обл. редакция «История заводов», 1933.

³ Мария Михайловна Шкапская (1891—1952) — поэтесса, очеркистка. См. письмо 60, прим. 2.

⁴ См. переписку Горького с М. Е. Левберг в наст. томе.

⁵ Антон Григорьевич Ульяновский (?—1935) — советский писатель. Работал над историей Кировского (Путиловского) завода. Часть этой работы была опубликована под названием «Партийная работа в годы реакции (1907—1910 гг.). Главы из истории завода» (Л., 1935. На правах рукописи).

Вместе с М. Мительманом и Б. Глобовым А. Ульяновский был автором книги «История Путиловского завода» (М.—Л., Соцэкиз, 1939).

Федин написал предисловие к кн.: А. У л ъ я н с к и й. Война и плен. Л., Гослитиздат, 1936.

56

ГОРЬКИЙ — ФЕДИНУ

<Москва. 9 июня 1933 г.>

Дорогой Константин Александрович,

получил письмо ваше как раз в начале обострения болезни: грипп переходил в воспаление легких. Осмелюсь доложить, что это было крайне паскудно, дважды я вполне определенно почувствовал, что вот сейчас задохнусь и — навсегда! Отвратительная штука бунт птички, которая именуется сердцем, — 65 лет вела себя прилично и вдруг обнаружила желание вылететь куда-то к чёрту на кулички! Но сейчас всё у меня снова в порядке, становлюсь работоспособен и задыхаюсь — умеренно.

В Ленинград я, вероятно, не скоро попаду, из дома меня никуда не пускают и намерены увезти под Москву, где мы с вами и встретимся, если это вас не затруднит. Так что — покамест: до свидания, очень приятного для меня, ожидаю его нетерпеливо. Крепко жму вашу руку. Авербах говорил мне о встрече с вами, о выступлении вашем на собрании по «Истории заводов»¹, — очень приятно было узнать о живейшем участии вашем в этом деле. Впрочем, вы и в письме свидетельствуете о вашем интересе к этой затее — удачной, не правда ли?

Затеваю еще два предприятия². Работать хочется — как младенцу материнского молока!

Всего доброго вам!

А. П е ш к о в

9.VI.33.

¹ Имеется в виду выступление Федина на партийном совещании редакции «Истории фабрик и заводов», состоявшемся 31 мая — 1 июня 1933 г.

Речь Федина см. в сборнике «Партийное совещание „Истории заводов“». Под ред. Г. Зайделя, Я. Грузинского и Н. Попова. Ленинградская обл. ред. «Истории заводов», 1933.

² В письме Ромену Роллану от 6 мая 1933 г. Горький писал: «В Москве буду заниматься реорганизацией литературы для детей <...> Затем будем строить Институт по изучению всемирной литературы и европейских языков. Работы в Москве — горя!» (т. 30, с. 310).

57

ФЕДИН — ГОРЬКОМУ

Детское Село. Екатерининский дворец.
Зубовский подъезд.

18.VI.33

Дорогой Алексей Максимович,

рад, очень рад, что вы справились с болезнью и «бунт птички» подавлен. Поздравляю вас!

Вы, вероятно, уже перебрались за город. Если отдохнули от гриппа, переезда и прочее, — напишите, какого числа (скажем — июля?) вам удобнее принять меня¹.

Буду ждать письма.

А пока — благодарю вас за радушное приглашение и еще раз — радуюсь, что вы поправились!

Преданный вам

Конст. Ф е д и н

¹ Очевидно, встреча провозглашена в начале июля.

Детское <Село>. 31.VIII.1933

Дорогой Алексей Максимович,

хочу попросить у вас совета. Мне, по-видимому, удастся провести самые плохие месяцы (октябрь — декабрь) за границей: разрешение мне уже дали, не вполне ясно кое-какие «технические» вопросы. Предполагаю в самом конце сентября выехать из Лен<ин>гр<а>да. Но место пребывания за границей я намечаю пока еще только приблизительно. Отпадают Германия и Швейцария: немцы меня «сожгли»¹ (как говорится — считаю за честь), а швейцарцы закрыли мне свои границы (что, собственно, говорит только об их глупости, а вовсе не о «дальновидности» и пр.). Летом я был, по вашему совету, у Хольцмана². Между прочим, я вспомнил, что о нем мои давосские врачи говорили мне как об известном им превосходном московском враче: он, оказывается, работал в Давосе. Он нашел мое жгачье легкое в удовлетворительном состоянии, а про очаг в другом сказал, что «этот вулкан может начать действовать в любое время». Но, по мнению Хольцмана, в санаторном лечении сейчас нет надобности и следует лечиться, переменяв режим на более подвижный: надо непременно укрепить несжачье легкое. Конечно, «подвижность» дело условное. Тем не менее, уже и то, что я не связан при выборе места лечения определенной высотой, много значит. Я намечаю поэтому либо австрийский Тироль, либо Северную Италию, район Мерана. Как ваше мнение о последнем варианте? Хороша ли именно осень в районе северных озер, например? Юг мне, к сожалению, «противопоказан», хотя Хольцман как будто не согласился с этим... Не напишете ли вы, дорогой Алексей Максимович, мне два слова по этому поводу?

Будьте добры также написать — не поможете ли вы в получении итальянской визы, если я остановлюсь на Италии? Я по сему скучному вопросу запрашивал П. П. Крючкова, но он... просто не ответил.

С громадным удовольствием вспоминаю проведенные у вас в Горках дни! Это было хорошей наградой за годами недостающее личное общение с вами. К тому же мне повезло: у меня давняя «слабость» к Вас<илию> Ал<ексееви>чу Десницкому, и он мне... не мог «помешать». (Другие мешали!).

Что вы скажете о «Библ<иотеке> поэта»? Она рождалась мучительно, но — как будто — даром. Видели ли вы уже Давыдова Дениса?³ К сожалению, оформление начинает портиться, небрежничают народ. Надо сказать, вообще много у издательства технических и хозяйственных препон и бед, множество наделано ошибок.

Желаю вам всего лучшего. Как ваше здоровье и самочувствие? Когда собираетесь в Сорренто? Если вы поедете осенью, не разрешите ли присоединиться к вам, чтобы вместе «переехать» границу? В тех местах я совсем чужой.

Искренно преданный

Конст. Ф е д и н

Ленинград 28. Пр. Володарского, 33, 13.

Я прожил все лето и еще живу в Детском. Лето было вполне милостиво.

¹ Речь идет о сожжении немецкого перевода романа «Города и годы» («Städte und Jahre». Berlin. «Malik», 1927).

² Владимир Семенович Хольцман (1887—1943) — профессор, крупный специалист по туберкулезу. В то время — директор Центрального туберкулезного

института Наркомздрава СССР. В. С. Хольцман лечил Горького и в феврале 1933 г. жил у Горького в Сорренто.

³ Денис Давыдов. Полное собрание стихотворений. Ред. и прим. В. Н. Орлова. Вступительные статьи В. М. Саянова и Б. М. Эйхенбаума. Л., «Б-ка поэта», 1933.

ГОРЬКИЙ — ФЕДИНУ

⟨Москва. 8 сентября 1933 г.⟩

Дорогой Федин—

о Тироле ничего не могу сказать, не бывал там, а от лечившихся слышал рассказы неодобрительные: места — капризные, погода ноября — декабра шаловлива. О Меране говорили врачи, как о месте «заплеванном» и гораздо более удобном для спортсменов обоого пола, чем для больных. И, будто бы, дорого. Почему бы вам не попробовать Кавказ, Тиберду, Нальчик? Устроили бы вас там удобнее и, уж наверное, лучше в смысле питания. Съездили бы туда, посмотрели, не понравится — уедете за границу.

Я в Италию и вообще за рубеж больше не поеду, остаюсь в родных палестинах, в октябре отъеду в Крым, в декабре — вернусь в Москву. А то — уедешь на зиму, и — обязательно замедляются темпы всех затеянных мною работ! К тому же и подготовка к Съезду писателей требует «оседлости» в Москве. Визу в Италию добудем немедленно, как только вы потребуете. Сижу в Москве, погода — мерзейшая, неукротимый дождь, ему уже скучно, идиоту, а он все еще «идет». Не хорошо, не правильно говорят о дожде — «идет».

Очень удручен смертью Гольцмана и Горбунова¹ — отличные человеки были они!

Очень советую вам: познакомьтесь с Алексеем Дмитриевым Сперанским и Львом Николаевым Федоровым, — крупные люди².

Крепко жму руку вашу, от всей души желаю здоровья. Берегите себя. Туберкулез в вашем возрасте — не велика опасность, но — все-таки вы за ним слеживайтесь. Болезнь иезуитская.

Привет.

А. Пешков

8—IX—33.

¹ Абрам Зиновьевич Гольцман — начальник Главного управления Гражданского воздушного флота, был заместителем редактора журнала «Наши достижения».

Сергей Петрович Горбунов — инж. пер, директор авиационного завода.

Гольцман и Горбунов погибли 5 сентября 1933 г. в результате авиационной катастрофы. Некрологи и статья «Памяти погибших» опублик. в «Правде», № 246, от 6 сентября 1933 г.

² Алексей Дмитриевич Сперанский (1888—1961), академик, патофизиолог. Принимал активное участие в организации Всесоюзного института экспериментальной медицины. Лев Николаевич Федоров (1891—1952) — профессор, в то время — директор ВИЭМ.

ФЕДИН — ГОРЬКОМУ

Ленинград. 4.V.1934.

Дорогой Алексей Максимович,

«почта» моя к вам идет с некоторым запозданием, по вине праздников и неожиданного дела с «Библиотекой поэта», взволнованной и слегка растерявшейся из-за вооруженного и беспринципного наступления «Academia»¹. Из прилагаемой записки «Библиотеки» вы увидите, так сказать, всю глубину «падения» нашего соперника. Очень просим вас поддержать

«Библиотеку», проделавшую большую научную подготовительную работу, которая даст в ближайшее время свои результаты.

Затем — самое важное: вы обещали написать несколько слов на моей записке товарищу Жданову в поддержку автономности «Издательства писателей в Ленинграде». Очень прошу вас сделать это и, по возможности, лично вручить тов. Жданову записку. Если можно, пожалуйста пришлите мне копию вашего отзыва об Издательстве.

Посылаю бандеролью рукопись М. Шкапской — «Диспозиция боя» — (ист<ория> завода им. К. Маркса — б. Лесснер) и прилагаю письмо от автора². «Диспозиция» в выборках и с сокращениями должна идти в «Звезде». Но вы, вероятно, дадите этой работе известный резонанс в Москве.

Лучше ли вам теперь и миновала ли тревога в легких? Можно ли вам работать?

Я убегаю 8-го мая в Детское, потому что здесь некогда писать и потому что Москва успела наделить меня бронхитом.

Будьте здоровы. Жму крепко руку.

Ваш Конст. Ф е д и н

¹ Весной и летом 1934 г. решался вопрос о ликвидации «Издательства писателей в Ленинграде» в связи с созданием единого кооперативного издательства «Советский писатель». Тогда же возник вопрос о передаче серии «Библиотека поэта» из Ленинграда в Москву, в издательство «Academia». Условия передачи внушали Федину серьезные опасения за дальнейшую судьбу этого издания (см. письма 65 и 66).

² См. письмо 5. Имеется в виду письмо М. Шкапской к Горькому от 30 апреля 1934 г. «Два года живу я этой работой,— писала Шкапская,— она стала частью моего быта, моего сердца. Если рассказать вам все фазы этой работы,— это вышел бы целый роман или, вернее, тоже история нашей Истории. Все стадии нашей литературной и политической жизни — от постановления ЦК 23/V до борьбы за язык, начатой вами — нашли свое отражение в нашей работе (<...> И главное это то, что история наша, по удачному выражению Федина, заставляет не только понять, но и поверить нашему революционному прошлому, ощупать его, увидеть его во всей его яркости (<...>»

Я уже давно перестала писать стихи, но работа над И<сторией> з<аводов> все время возвращает меня, как это ни странно, в область поэзии — настолько все это героическое и настоящее» (сб. «А. М. Горький и создание „Истории фабрик и заводов“». М., Соцгиз, 1959, стр. 124—125).

Горький внес в рукопись отдельные поправки и рекомендовал для напечатания во 2-й книге альманаха «Год XVII». Очерки Шкапской под указанным названием были опубликованы в альманахе «Год XVIII». М., Госиздат, 1935.

61

ГОРЬКИЙ — ФЕДИНУ

(Москва. 11 июля 1934 г.)

Тов. Федину (г. Ленинград)

Дорогой товарищ!

Я прошу вас взять на себя редактирование сборника воспоминаний об Октябре в Питере¹. Материал будет критически выверен у нас в Секретариате «Гражданской войны». На вашу долю падет только литературная редакция.

Сборник мы думаем опубликовать к годовщине Октября.

Привет.

Главная редакция М. Г о р ь к и й

11 июля 1934 г.

Датируется по помете секретаря.

¹ К 1934 г. в редакции «Истории гражданской войны» накопилось большое количество воспоминаний, присланных в ответ на призыв Горького «К участникам гражданской войны» (т. 26, с. 116—119). По предложению Горького наиболее интересные и ценные воспоминания должны были издаваться в научно-популярной серии

«Истории гражданской войны» (см. «Постановление Главной редакции „Истории гражданской войны“» — «Правда», 1932, № 141, от 23 мая). Литературно-художественный сборник «Октябрь в Петрограде» был первым сборником из намеченных к изданию. В октябре 1934 г. Федин сообщал Секретариату ИГВ: «Первое впечатление пестроты материала сгладилось при внимательном чтении близостью темы и одним общим для всех авторов отношением к ней. Картина Октября получается довольно полной и разносторонней...» (АГ).

Работа над сборником продолжалась в 1935—1936 гг. В 1937 г. сборник вышел в свет в значительно измененном составе под названием «В дни Великой пролетарской революции. Эпизоды борьбы в Петрограде в 1917 г.» (Серия сборников по истории Великой пролетарской революции и гражданской войны 1917—1922 гг.). М., Гослитиздат, 1937.

62

ФЕДИН — ГОРЬКОМУ

Ленинград. 8 августа 1934.

Дорогой

Алексей Максимович,

посылаю вам рукопись своего доклада, который только что кончил читать на конференции¹. Если он вам может пригодиться как «сырье»² — читайте, нет — не утруждайте себя.

Много за это время здесь произошло грустного — с издательством³ etc.

Жму вам руку и желаю всего доброго.

Ваш Конст. Ф е д и н

Простите за убогость бумаги и пр.

¹ На ленинградской писательской конференции 8 августа 1934 г. Федин прочел доклад «О прозе ленинградских писателей» (см. «Литературный Ленинград», 1934, № 38, от 11 августа).

Под названием «Художественная проза ленинградских писателей» доклад был напечатан в «Литературном критике», 1934, № 9, стр. 94—111.

² Т. е. как материал для доклада Горького о советской литературе на Первом всесоюзном съезде советских писателей.

³ Имеется в виду ликвидация «Издательства писателей в Ленинграде». Сообщение об этом см. в «Литературном Ленинграде», 1934, № 36, от 5 августа.

63

ФЕДИН — ГОРЬКОМУ

Детское Село, Екатерининский дворец.
21.IX.1934

Дорогой Алексей Максимович,

посылаю вам интересное письмо — предложение Елены Данько¹, являющееся одновременно конспектом книги о Гос<ударственном> фарфоровом заводе. На мой взгляд, никто не мог бы сделать такой книги так хорошо, как Ел<ена> Як<овлевна> Данько, работающая на заводе как художник-производственник с начала революции. К тому же Данько — отменный литератор, со вкусом и хорошей техникой. Писательница-художница-производственник — сочетание редкое.

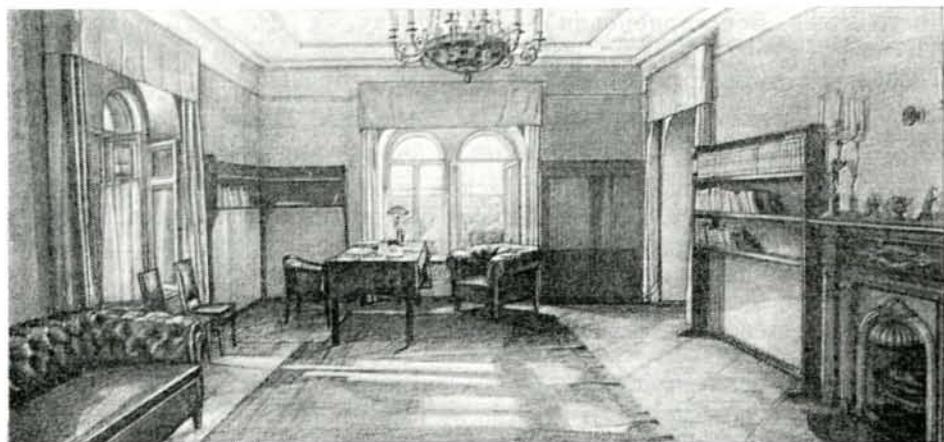
Вопрос о том, возможно ли включить такую книгу в план изданий по «Истории заводов»? Если — нет, то нельзя ли заказать Ел. Данько книгу о Фарфоровом заводе *вне серии* по «Истории»? Здешний ОГИЗ это предприятие мог бы поддержать — я говорил с тов. Рафаилом². Но ваша поддержка, Алексей Максимович, только и могла бы решить дело правильно, дав ему настоящую почву и основу.

Такая моя судьба — рекомендовать, «подрядить» авторов по истории заводов, да при том — все женщин! Слава богу, они оправдывали себя.

Грустно только, что одна из них неожиданно приказала работать и жить без нее (вы наверно слышали о смерти Марии Евген(ьевны) Левберг?)³... Мне почему-то кажется, что если Ел. Данько будет дана возможность по-настоящему взяться за дело, то у нас будет любопытнейший образец работы по «Истории заводов».

Прошу вас, Алексей Максимович, написать мне по этому поводу, и если предприятие покажется вам ценным, то не откажите отозваться и на конспект Данько.

По моим сведениям вы — в Форосе. Хорошо ли у вас? Не можете представить себе, до чего фантастично здесь бабье лето! Вот уже двадцать дней как безоблачно небо и не шелухнет! Опять пошла трава, на сирени

КАБИНЕТ ГОРЬКОГО В ТЕССЕЛИ

Рисунок карандашом А. Д. Корина, 1936 г.

Музей Горького, Москва

лопаются почки, стали петь птицы, расплодилось насекомые, стрекозы летают толпами, комары-толкуны подпирают столбами твердь. Ничего не поймешь! Но так хорошо, что видно и впрямь изменяется на земле весь климатический режим.

Я сижу за второй частью «Похищения»⁴, пишу о нас, о наших людях и советской земле, пишу с чувством какого-то обновления и с молодым интересом.

Взялся за редактуру книги «Октябрь в Петрограде»⁵ — по истории гражд(анской) войны. Книжища толстая, страсть. И довольно, как будто, пестрая.

Будьте здоровы, дорогой Алексей Максимович, и всего вам лучшего.

Ваш Конст. Ф е д и н

¹ Елена Яковлевна Данько (ум. 1941) — художник, работала живописцем на Государственном фарфоровом заводе им. Ломоносова в Ленинграде.

Упомянутое письмо Данько Федину хранится в АГ.

Работа Е. Я. Данько о Фарфоровом заводе напечатана в 1938 г. в книге «Государственный фарфоровый завод им. М. В. Ломоносова. Ленинград. Художественный фарфор». Каталог. Вводная статья Е. Я. Данько.

² Михаил Абрамович Рафаил в то время заведовал ленинградским отделением Госспздата.

³ Мария Евгеньевна Левберг умерла в сентябре 1934 г. (см. некролог в «Литературном Ленинграде», 1934 г., № 47 от 14 сентября).

⁴ «Похищение Европы».

⁵ См. письмо 61, прим. 1.

ГОРЬКИЙ — ФЕДИНУ

〈Тессели. 27 сентября 1934 г.〉

Дорогой Константин Александрович—

план Данько весьма одобряю, готов всячески помочь ей, о чем завтра извещу ее¹.

Пишу из Крыма, только сегодня приехал сюда и — попал на хорошую погоду. Намерен отдыхать здесь месяц, а с первым снегом — в Москву. Очень устал.

Виноват пред вами — не ответил на письмо ваше по поводу «Ленинградского» издательства писателей². И сейчас не могу ответить, ибо Иосиф Виссарионович — в отпуску, а без него — толка не добьешься.

Сердечно приветствую, желаю доброго здоровья.

А. Пешков

27.IX.34.

Вы гордитесь вашей ленинградской погодой, которая — наверно — уже испортилась, нет, вы посмотрели бы, что делается здесь! Никогда еще не видал Крыма таким великолепно нарядным осенью. Здесь хвастаются чудовищным урожаем фруктов. Лето было сухое, и виноград очень вкусен. Тепло, красочно, море — тихое. И множество птиц, особенно — перепелов.

А. П.

¹ См. письмо Горького Е. Я. Данько от 1 октября 1934 г. (т. 30, № 1133).

² Письмо 60.

ФЕДИН — ГОРЬКОМУ

Ленинград. 27.XI.1934 г.

Дорогой Алексей Максимович,

до вас, вероятно, докатились вопли историков, критиков и исследователей литературы — редакторов и сотрудников «Библиотеки поэта» о гибели этого издания¹.

Из многих предприятий, которые обязаны своей жизнью вашему почину, «Библиотека поэта» была и остается любимейшим среди писателей. Причин тому много. Не говоря о близости писателю самой идеи великого дела, его осуществление было начато с очевидной удачей. Выполнить план в той форме, какую приняла уже проделанная (большей частью — подготовительно) работа, означало бы создать замечательный памятник оценки нашей эпохой всего исторического прошлого и настоящего русской поэзии. Никогда в начале работы над «Библиотекой» лично я не думал, что она примет такой размах.

«Библиотека» сейчас передана издательству «Академия», и с первых же шагов новый хозяин начал раскидывать самое основание идейного предприятия. «Хочу — бярю, не хочу — не бярю!» — таков критерий, применяемый «Академией» к книгам и планам «Библиотеки». Можно быть различных воззрений на издательскую деятельность «Академии». Это издательство насаждает добрый вкус не только своими переплетами и суперобложками. Оно отвечает перед нами, в конце концов, и своими планами. Как бы они ни были достославны, на этом основании нельзя разрушать другие планы, научно и практически апробированные. Издательству

«Академия» передана «Библиотека поэта» в целом как плановое единство, а не обрывки по принципу «хотишь — бярешь!» Формальные условия выхода «Библиотеки» не играют роли: она может выходить под любой советской маркой. Но она должна остаться *библиотекой*, как представляли себе ее вы, какой она выработывалась в руках ваших весьма опытных, знающих литературно-научных сотрудников. Само собою, бытие «Библиотеки поэта» не может отразиться на возможном издании других серий книг о поэзии, для других читателей и в других целях. Ведь литераторы никогда не станут возражать против количества изданий (и даже издательств!). И незачем запутывать новыми проектами (как это делает «Академия») ясный и действительно важный вопрос о том — существовать «Библиотеке поэта» или погибнуть. А именно так стоит этот вопрос.

Прошу вас, дорогой Алексей Максимович, остановиться на печальном для литературы деле «Библиотеки». Убежден, что очень скоро все мы сильно «прослезимся», когда наступит час «подсчитывать» плоды объединительной, монополистической нашей деятельности в издательской области во второй половине 1934 года. Особенно же много слез будет пролито у надгробной плиты «Библиотеки поэта», заготавливаемой сейчас «Академией» в древнерусском стиле Каразина ², с фестонами и бутончиками. К сожалению, это не шутка, а истинная бытовая правда.

Есть два возможных решения.

1. Оставить «Библиотеку поэта» сектором издательства «Советский писатель». То есть — статус-кво ³.

2. (Если решение ЦК о передаче «Библиотеки» изд(ательству) «Академия» состоялось; документально такое решение нам неизвестно.) Включить редакционную ячейку «Библиотеки поэта» в издательское хозяйство «Академия» для плановой реализации идеи об издании «Библиотеки» под редакцией М. Горького.

Всякое другое решение упраздняет ваш замысел выпуска для литераторов исчерпывающего пособия по истории поэзии в научно проверенных и комментированных изданиях.

Простите, что я так много написал. Вероятно, по поводу издательских дел я обращаюсь к вам последний раз, потому что, как видно, все ленинградские литераторы и писатели увольняются от редакционно-издательской работы на покой.

Поверьте, я говорю это без малейшей горечи или «уязвленности». Я очень рад за себя как писателя. Но именно как писатель я не в состоянии быть равнодушным к судьбе больших и увлекательных литературных планов. Отсюда это письмо.

Мое собственное-писательское дело за последнее время угнетает меня здорово: работа над материалом *сего дня* в условной форме «беллетристики», «художественной литературы» и т. д. сверхмучительна. Весь я ободрался, словно об гвозди, и этой добровольной вивисекции не видно конца-края. Все это может стать интересным не «страданиями» и прочи; но уже объективным опытом, вырастающим из практики сражений за искомое «новое качество» литературы. И тут не теоретизирование важно, а именно *опыт*.

Остальное у меня по-старому, если не считать того, что, платя дань ноябрю и поголовному гриппу, я лежу с температурой, кашлем и проч.

Как вы чувствуете себя? Отдохнули ли от Москвы и здоровы ли?

Спасибо за последнее письмо. Ваш интерес к труду Елены Данько помог ей заключить нужные условия с издательством и Фарфоровым заводом.

Будьте здоровы, приветствую вас!

Ваш Конст. Ф е д и н

От жены поклон.

Простите за машинку, — лежа могу писать только кое-как карандашом.

Р. S. 27.XI — уже написав письмо, обнаружил в «Литературном» Ленинград^е» прилагаемую дельную статью⁴.

Ответное письмо Горького от 11 декабря 1934 г. (датировка уточнена по почтовому штемпелю) см. в т. 30, № 1140.

¹ Имеется в виду коллективное письмо редакторов серии «Библиотека поэта» (Б. Томашевского, С. Балухатого, И. Андроникова, Ц. Вольпе и др.) Горькому по поводу предполагавшейся передачи этого издания из Ленинграда в Москву в изд-во «Academia» (АГ).

² Николай Николаевич *Каразин* (1842—1908) — писатель и художник. Постоянный сотрудник журнала «Нива».

³ Последнее собрание пайщиков кооперативного «Издательства писателей в Ленинграде» высказало пожелание о сохранении в новом издательстве <„Советский писатель“.— *Ред.*> серии „Библиотека поэта“, выходящей под редакцией Максима Горького... («Литературный Ленинград», 1934, № 36, от 5 августа). Это пожелание было выполнено: серия «Библиотека поэта» была передана издательству «Советский писатель».

⁴ Вырезка из газеты «Литературный Ленинград», приложенная к письму, не сохранилась. Очевидно, была послана статья «Сохранить „Библиотеку поэта“» («Литературный Ленинград», 1934, № 59, от 26 ноября). В статье выражался протест против передачи серии «Библиотека поэта» издательству «Academia».

66

ФЕДИН — ГОРЬКОМУ

<Ленинград, 29 декабря 1934 г.— 8 января 1935 г.)
Ленинград. 29.XII.1934.

Дорогой Алексей Максимович,

я получил из Москвы копию с вашего письма мне¹, написанного в Крыму. Не сердитесь на мое неисправимое, впрочем, не совсем серьезное «упрямство», но и в этом случае Москва оказалась предпочтенной: копия должна была бы остаться там, а оригинал — попасть в мои руки. Но случилось наоборот, так что у меня впервые за всю переписку с вами (которой я необыкновенно дорожу) появилось письмо от вас без даты и подписи.

Большое спасибо за подробный ответ касательно «Библиотеки поэта». Я передал его редакторам этого издания, так что в дальнейшем они могут вести свою работу, сообразуясь с вашим мнением о ней. Скорее всего, разумеется, «Нева с Москвой-рекой» тихо примирятся...²

Я не думал, что вы так невысоко расцениваете «Библиотеку» и что редакция ее настолько отделилась от вашего замысла, что стало безразлично — где будут выходить книги в нынешнем их виде — в Конотопе или еще где. Я не был связан с «Библиотекой», а ее редактора никогда не излагали ее плана так, как он вырастает из вашего письма. Лично я представлял себе «Библиотеку» пособием для современного поэта. Вероятно, этим моим недоразумением порожден был излишне «воинственный» тон последнего моего письма, который — возможно — был вам неприятен. Если так — извините, это вышло невольно.

Однако, увы! — мне что-то жалко в исчезновении «Библиотеки». Да и вы, Алексей Максимович, вряд ли были бы против, если бы появился еще пяток-другой толстых томов с именами крупных поэтов прошлого...

Конечно, я согласен с вами, что работе по плану помешал неистребимый «самотек», что каждый стремился издать «свое», не считаясь с тем,

нужно ли оно для общего замысла, для целого³. Это, действительно, беда всех плановых предприятий. Но человека, подготовленного университетом к работе над началом XIX века, не так-то легко пересадить на середину XVIII-го, и потому что он не хочет и потому что — не умеет. Не-хотение же здесь, думаю я, больше именно от неумения, а не от какого-нибудь умысла.

Но все же, не находите ли вы огромной разницы между этой новой, отнюдь не «совершенной» формацией литераторов и той, которая вступала семнадцать лет назад в революцию вполне сложившимися людьми? Ну, хотя бы — насколько же велика разница между коллегией «Всемирной литературы» и редакцией «Библиотеки поэта»? Неужели они одинаково «партикулярны» и противны общей работе в общих целях? Я часто вижу в наших литераторах, особенно — в ученых литераторах что-то смертельно схожее с былыми шуртками большого и маленького «Олимпа». Но это — на минуту, на час, и только в одном-двух «мужах». А потом врывается целая волна новых людей, легко смывающая поверхностный налет чваного олимпизма, да и сами шуртки распахнутся, а под ними — славная и простая гимнастерка. Оказывается: интерес к общему делу есть повсюду и литературный человек сильно изменился. Хотя возможно, что через десять лет он покажется себе — в нынешнем его виде — недостаточно изменившимся и даже смешным.

Надеюсь, что вы здоровы и желаю вам этого со всей искренностью. Когда собираетесь в Москву?

Ваш Конст. Ф е д и н

Письмо съездило в Крым и вернулось, из чего следует, что вы уже в Москве, дорогой Алексей Максимович. Приветствую вас и желаю всего доброго!

К. Ф.

8.1.1935.

¹ Письмо от 11 декабря 1934 г. (т. 30, № 1140).

² В своем письме Горький писал: «Мое окончательное мнение по этому вопросу таково: совершенно неважно, в какой издательской организации будет издаваться „Библиотека поэтов“ в данном ее виде и будет ли она издаваться самостоятельно, одновременно и дробно в Ленинграде, Ковотопе, Москве, Обдорске и других местах.

Но было бы крайне важно и очень полезно, если б обе группы, отказавшись от смешного, старенького, традиционного „партикуляризма“, попытались объединиться и придать работе своей по истории русской поэзии хотя бы и не очень „научный“, но серьезный, строгий характер. <...> Значит — вопрос таков: возможно объединение, или „Нева с Москвой-рекой — увы! — непримиримы“?» (т. 30, с. 369).

³ В упомянутом выше письме Горький писал: «История всякого процесса имеет свое начало. Я неоднократно говорил и писал о том, что „Биб<лиотек>у поэта“ следует начать с народной песни, с былины, с Тредьяковского, т. е. — именно „научно“ и строго хронологически.<...> От этого порядка и плана работы молча отказались. Работа сразу приняла характер работы „по линии наименьшего сопротивления“, по силе симпатии каждого „единоличника“...» (т. 30, с. 368).

Дорогой Алексей Максимович,

у нас к вам большая просьба: предоставьте нам для печатания в журнале «Звезда» четвертую книгу «Клима Самгина». С середины этого года журнал повышает качество по всем отделам. Ваша поддержка нам необходима.

Мы твердо надеемся на ваше участие. Если вы, кроме романа, предоставите нам другой материал — рассказ, статью или пьесу, мы будем вам очень благодарны.

Пожалуйста, ответьте нам.

Будьте здоровы.

Конст. Ф е д и н
М. С л о н и м с к и й
Н. Т и х о н о в

22.V.1935.

Письмо на бланке журнала «Звезда». Написано рукою Федина. Н. Тихонов, К. Федин и М. Слонимский были членами редколлегии журнала «Звезда».

68

ГОРЬКИЙ — ФЕДИНУ, СЛОНИМСКОМУ, ТИХОНОВУ

(Москва. 4 июня 1935 г.)

Т т. Федину, Слонимскому, Тихонову

Уважаемые товарищи—

вторую половину третьей книги «40 лет» я в этом году — не кончу, а отрывки печатать — не стану. Напечатал один и жестоко изругал себя¹.

Год у меня — трудный: надобно поставить на ноги «Колхозник»², организовать «Библиотеку колхозника», начать «Историю деревни»³ и еще много прочее, а тут вот надо к парижанкам ехать на старости лет⁴.

И рассказа дать — не в силах, ибо если и напишу рассказ, так отдам в «Колхозник». Деревня хочет книжки читать и «чтобы хорошие, как для господ писали».

А кроме всего прочего — Роллан приедет⁵.

И начинаю дряхлеть. Обидно: по всему корпусу, с головы до пят, шерсть рыжего цвета начинает расти. А сны снятся — ужасающие: будто бы выстроил я себе дом, а в нем поселились сколопендры тысяч 16 — ни сесть, ни лечь! Вот и живи!

Крепко жму ваши руки.

А. П е ш к о в

4.VI.35.

¹ Третья часть романа «Жизнь Клима Самгина» вышла в свет в 1931 г., одновременно в изд-вах «Книга» (Берлин) и ГИХЛ (Москва). «Второй половиной третьей книги» Горький называет продолжение эпоса, которое после его смерти было опубликовано как четвертая часть романа «Жизнь Клима Самгина».

Отрывок, о котором говорит Горький, был напечатан в альманахе «Год XVI» (альманах второй. М., Гослитиздат, 1933) под названием «Бердников. Из книги „Жизнь Клима Самгина“».

² «Колхозник» — литературно-политический и научно-популярный журнал, созданный по инициативе Горького и выходивший при его ближайшем участии с сентября 1934 г. (см. статью «О журнале „Колхозник“», т. 27, с. 282—283).

³ «История деревни» и «Библиотека колхозника» — литературные начинания Горького, тесно связанные друг с другом.

Издание серии книг по «Истории деревни» предполагалось организовать по типу «Истории фабрик и заводов». Цель и задачи издания изложены в двух статьях Горького, озаглавленных «История деревни». Первая статья была впервые напечатана 24 февраля 1935 г. в «Лит. газете», № 11, вторая — опубликована после смерти Горького в «Большевике», 1936, № 14 (см. эти статьи в т. 27).

«Библиотека колхозника» должна была, по замыслу Горького, быть «словесной иллюстрацией „Истории деревни“». Предполагалось создать целый ряд сборников рассказов, показывающих, каким изображался мужик в XIX столетии писателями — дворянами и разночинцами. Были намечены к изданию рассказы: «Сорока-воровка» А. И. Герцена; «Хорь и Калиныч», «Контора», «Бирюк» и другие рассказы И. С. Тургенева; «Поликушка», «Утро помещика» Л. Н. Толстого; «Тупейный художник» Н. С. Лескова; отрывок из романа «Подлиповцы» Ф. М. Решетникова; «Река играет» В. Г. Короленко; «Князь во князях» и «Последний день» И. А. Бунина; «Ночлег» В. А. Слепцова и др. (проект плана издания серии. АГ).

КРЫМ, ОКРЕСТНОСТИ ТЕССЕЛИ
Рисунок карандашом П. Д. Корина, 1934 г.
Музей Горького, Москва

⁴ В июне 1935 г. Горький должен был поехать в Париж на Международный конгресс писателей в защиту культуры. Он был избран главой делегации советских писателей.

Из-за болезни поездка Горького не состоялась.

⁵ Р. Роллан приехал в Москву 23 июня 1935 г.

Вскоре же, 9 июля, Федин вместе с другими писателями — С. Маршаком, Ю. Тыняновым, М. Ильиным и А. Прокофьевым — был приглашен на дачу Горького, где в то время находился Р. Роллан (см. А. Прокофьев. У Горького. — «Звезда», 1941, № 6).

ФЕДИН — ГОРЬКОМУ

Ленинград. 7.1.1936.

Дорогой Алексей Максимович,

третьего дня послал вам вторую (последнюю) книжку «Похищение Европы»¹. Невероятно много сил отнял у меня этот роман, и результаты работы очевидно не соответствуют израсходованной энергии. Я был занят им пять лет; правда — около двух лет скучала болезнь, вообще понизившая мою работоспособность. Но так или иначе я довел дело до конца и чувствую себя сейчас так, словно перешел сомнительный мосточек через коварное ущелье. Работу я кончил в октябре, и тогда же, на радости, отправился на юг, чего до сих пор не решался делать из-за легких. Почти месяц я прожил в Сухуме и успел увериться, что пребывать мне в таких местах не следует: с утра до ночи я должен был приспособливаться к самым капризным сменам температуры, от жары до холода, к целой гамме влажностей, ко всевозможным оттенкам комбинаций из этих двух факторов, плюс ветер, плюс солнце, плюс бог знает что! В конце концов, меня буквально кинуло в пот, а этого удовольствия я уже очень давно не испытал. Мне явно следовало бы отступить, но так был велик соблазн увидеть побольше, что я решил исполнить давно задуманный план поездки в Армению и двинулся на Эривань. К сухумским капризам термометра прибавились высоты перевалов, высота самой Эривани при умопомрачающей неустойчивости южной зимы. После этого путешествия ленинградская постоянная и равномерно-подлая слякоть мне показалась раем, — я действительно почувствовал себя превосходно! Но, увы, рентген установил неприятные изменения в левом легком, в то время, как правое у меня все еще сжато. Снова приказано мне перейти на «нормальный» режим.

Зато ожидания, связанные с поездкой в Эривань, во многом оправдались, несмотря на краткость моего гощенья там. Изумителен Эчмиадзин² с его 10 000 рукописных книг такого виртуозного красочного изящества и такой совершенной техники, что когда я сидел с лупою в руке, прогуливаясь по миниатюрам и листовым рисункам, мне казалось, будто я разъезжаю по Персии и Турции и передо мною живут ориентальные дворцы и храмы. Замечательны (вернее: особенно меня поразили) две вещи: истоки армянской архитектуры, сейчас возрождающейся в работах Таманяна³, все запечатлены в миниатюре и явно указывают на восточную интернациональность зодческой эстетики; и еще: весь животный мир (хищники, фауна) по своей экспрессивной форме, по трактовке индивидуальных качеств необыкновенно напомнили мне мозаики Помпеи и Геркуланума. Это чудесно, когда зрительно «ощущаешь» связь эпох и частей мира, и, конечно, ничто так выразительно не говорит в этом смысле, как искусство!.. Словом, я не раскаиваюсь в поездке!

Как чувствуете себя вы и неужели опять приедете в Москву во время холодов, чтобы опять захворать? Берегите себя и будьте здоровы!

Ваш Конст. Федин

Р. S. Вам из Сухума должны были послать сборник абхазских сказок⁴. Получили ли? Сказки есть великолепные. Но перевод настолько убог, что зло разбирает смерть как! А ведь в Сухуме можно было найти недурного редактора — есть там такой русский — Новодворский⁵, вполне грамотный человек.

¹ Вторая часть романа «Похищение Европы» первоначально публиковалась в «Звезде», 1935, №№ 6—12.

Федин послал Горькому отдельное издание романа, выпущенное Государственным издательством художественной литературы (Л., 1935) с надписью: «Дорогому Алексею Максимовичу по-старому, с любовью и преданностью. Конст. Федин. Ленинград. Январь 1936 г.» (АГ, титульный лист книги).

² Эчмиадзин — монастырь, резиденция католикоса, расположен в юго-западной части Армянской ССР. На территории Эчмиадзина помещаются музей древностей и старинная библиотека с богатейшими собранием древнеармянских рукописей.

³ Александр Иванович *Таманян* (1880—1936), архитектор и общественный деятель Армении.

⁴ «Абхазские сказки» с предисловием А. Хашба и вступительными статьями акад. И. И. Мещанинова и В. И. Кубка. Сухум, АБНИИК (Абхазский научно-исследовательский институт краеведения), 1935.

Книга была послана Горькому в мае 1936 г. Институтом абхазской культуры им. акад. Н. Я. Марра вместе с письмом следующего содержания:

«Институт абхазской культуры им. Н. Я. Марра Грузфилиала АН СССР посылает вам экземпляр абхазских сказок, изданных нами в 1935 году. После выхода их из печати сказки сразу же были высланы вам на московский адрес, но, как оказалось, книгу вы не получили! В письме мы просим вас, по возможности, дать и свой критический отзыв.

Сейчас Институт, ввиду большого спроса на книгу, решил выпустить сказки вторым изданием. Знаем, что сказки были выпущены с большими недостатками, вот почему, Алексей Максимович, мы и просим вас вторично дать нам свои указания, которые нам окажут неоценимую услугу при втором издании.

S приветом. Директор ИАК АН СССР Хашба А.» (ЛБГ).

⁵ Иосиф Александрович *Новодворский* (1892—1949), литератор, живший в Сухуме, автор рассказов, переводчик и редактор переводов с абхазского.

70

ГОРЬКИЙ — ФЕДИНУ

〈Тессели. 23 февраля 1936 г.〉

Дорогой Константин Александрович¹, —

разумеется, очень нехорошо, что я только сегодня собрался ответить вам, но — в этом не только моя вина. Мне захотелось поскорее устроить ваш переезд в Москву — т(о) е(сть) — под Москву — я предложил П. П. Крючкову «принять меры», но тут пленум и всякое прочее, и нет Щербакова². Только вчера получил сведение, что для вас отводят хорошую и, кажется, уже «обжитую» дачу на Сетуни. Там — говорят — сосновый бор и вообще — удобно. Если окажется неудобно — найдем другое место, но — только скорее уезжайте из Ленинграда!

Книгу вашу все еще не прочитал³. Это — простительно, ибо у меня совсем уже не остается времени для чтения! И — устают глаза.

Будьте здоровы, простите, что пишу кратко, очень устал!

А. Пешков

23.II.36. Тессели.

Печатается по секретарской машинописной копии из личного архива Горького.

¹ В подлиннике описка: Андреевич.

² Имеется в виду третий Пленум правления Союза советских писателей. Состоялся в Минске, в феврале 1936 г. А. С. Щербаков был в то время заведующим отделом культуры и пропаганды ленинизма при ЦК ВКП(б).

³ Вторая часть романа «Похищение Европы». См. письмо 69, прим. 1.

1. ОТЗЫВ ГОРЬКОГО О РАССКАЗАХ В. КАВЕРИНА «НИЩИЙ», В. ИВАНОВА «ПОВЕСТЬ О ПОРТНОМ», М. ЗОЩЕНКО «КРАСНЫЕ И БЕЛЫЕ», М. СЛОНИМСКОГО «13-Я ОШИБКА»

«Нищий»

По теме — скверный анекдот из кошиницы Ив(ана) Бунина. Рассказан равнодушно и механически. Никакой тайны — как только баба пустила нищего в избу — тотчас догадываешься, что он ее или изнасилует или убьет. А раздражений для этого акта дано мало. Написано же — особенно в начале — много.

«Повесть о портном»

Вещь интересная, сделана не без грации, но — местами — чувствуется торопливость, несдержанность в словах. Некоторые приемчики отдают запахом старины, реставрировать кою едва ли следует. Напр(имер): «будем далее называть его N».

И — не слишком ли хорошо помнит автор Гоголя, который в рассказах этого стиля беззастенчиво подражал Гофману? Засим: эпитет «легкомысленный» не оправдан. Нарочито и шутливо запутанное расположение частей очень выиграло бы, будь все части равномерны, а так — архитектура рассказа несколько тяжела.

«Красные и белые»

В отличие от прежних работ — в этой чувствуется вялость и многословие. Резкой индивидуальностью *своей* речи автор награждает всех героев, и это делает их однолицыми, особенно способствует этому манера повторять слова и фразы одни и те же, но в различных тональностях. Это очень хорошо при чтении вслух, но утомляет, когда читается глазами. Слащавость Феоктиногова — почти сахарин. Не вижу ни красных, ни белых — даны обыкновеннейшие бытовые люди, почти фотографически точные. И нет в рассказе загадки, не чувствуется попыток заглянуть *через* изображаемое в злые основы его. Вообще этот рассказ менее удачен.

«Тюха» — это есть у Андреева в «Савве».

«13-я ошибка»

Это хороший рассказ, но — в данном его виде — совершенно «нецензурный».

Пуля — в конце — слишком мелодраматически страшен. Не оправдан его садизм. Что это — от природы или от рассудка, от карьеризма? В маскарade как будто спрятан некий намек — опасный для автора. Монумент А(лександра) III — не снят, а скрыт в ящике, так что эффектный конец фразы «нет царя в голове» — не оправдан.

Написано несколько лениво, местами же поспешно, музыка получается с перебоями, особенно — в описаниях. Девушка требует еще каких-то живых черточек, хотя и так хороша. Но — все-таки, все-таки! — в ней — жизнь, та, которая раздражает своей красотой, грацией, знанием какого-то смысла, — многим, что вызывает у Пули и ему подобных зависть, ненависть.

Во всех рассказах заметно, что внешняя логика фактов преобладает над психизмом, над внутренним содержанием их. Это — противоречит общему направлению «Серап(ионовых) братьев», — ведь уже можно говорить о чем-то общем в них, невзирая на различие индивидуальностей.

(1921 г.)

А. П.

Датируется Фединым; печатается по автографу, хранящемуся у него. Текст опубликован в книге Федина «Горький среди нас». М., Гослитиздат, 1943, ч. I, стр. 112—114 (см. также Конст. Федин. Собр. соч. в 9 томах, т. 9, М., Гослитиздат, 1962, стр. 200—202). Упоминаемые в отзыве произведения в печати не появлялись, кроме «Повести о портном», напечатанной, по-видимому, под названием «Чудесные похождения портного Фокина», Л., ГИЗ, 1925.

II. ГРУППА «СЕРАПИОНОВЫ БРАТЬЯ»

В 19-м году издательство «Всемирная литература», преследуя цель дать русскому читателю лучшие произведения всех литераторов Европы и Америки XIX—XX века, организовало «Студию переводчиков», чтобы воспитать кадры литературно и художественно грамотных переводчиков, способных — насколько это вообще возможно — ознакомить русского читателя стайнами слова и красотой образов литературы европейской. Задача несколько утопическая, но, как известно, в России всего меньше боятся утопии.

В «Студии» собралось человек сорок молодежи; руководителями ее выступили члены редакционной коллегии «Всемирной литературы»: новеллист Евгений Замятин, хороший знаток русского языка; критик Корней Чуковский, филолог Лозинский¹, Шилейко², Шкловский и талантливый поэт Николай Гумилев.

Вскоре обнаружилось, что среди учеников «Студии» некоторые обладают несомненным литературным дарованием. Это были: Михаил Зощенко, Лев Луцц, Николай Никитин — прозаики; Николай Чуковский, сын критика, Владимир Познер³, Елизавета Полонская, Ирина Одоевцева — поэты⁴. Руководители «Студии» выделили этих людей в отдельную группу и занялись развитием их способностей.

К этой маленькой группе постепенно присоединились: Конст. Федин, Мих. Слонимский, Вениамин Зильбер, Всеволод Иванов, Николай Тихонов, и группа приняла имя «Серапионовых братьев», взяв его у романтика и фантаста Гофмана. Все они начали писать рассказы и стихи, подвергая работы свои взаимной жестокой критике и подробной оценке руководителей. Эта критика скоро внушила им общий лозунг:

«Писать очень трудно».

Они хорошо помнят этот лозунг и при встречах шутя говорят друг другу: «Здравствуй, брат! Писать очень трудно». Талантливость этих юных людей, а также искусство руководителей их дали за два года совместного труда результаты, которые я решаюсь назвать исключительными. «Серапионовы братья» серьезно и глубоко полюбили труд литераторов, увлеклись со всею энергией юности изучением творчества. Все они жили в условиях невыносимо тяжелых, некоторые из них, истощенные голодом и холодом, нередко принуждены были лежать целые сутки, для того чтоб не так остро чувствовать голод. Хлеб и селедка считались роскошью среди них, целые недели приходилось питаться только сушеными овощами. Эти условия особенно тяжело отзывались на юношах, уже ранее подорвавших свое здоровье, каков, например, М. Зощенко, отравленный на войне ядовитым газом. И почти каждый из них еще ранее того, как почувствовал тяготение к литературе, уже испытал слишком много тяжелого. Юные годами, они вступили на поприще литературы зрелыми людьми, с хорошим знанием о человеке и с живым интересом к нему.

Нет сомнения, что многие из них погибли бы в эти тяжелые годы холода и голода, если б всех «братьев» не связывало искреннее и крепкое чувство действительной дружбы и если б они не умели самоотверженно помогать друг другу. Это они умеют. В тяжелой истории русской литературы я не знаю ни одной группы писателей, которая бы жила так братски, без зависти к таланту и успеху друг друга, с таким глубоким чувством солидарности и бескорыстной любовью к своему делу, которое я, не находя другое слово, называю священным.

Литература — поэзия и проза — есть священное писание о человеке, о горе и радости его души. Пусть нередко человек героичен и велик только в подлости, пусть он часто подл и жесток в своем героизме — художник не судья ему. Мы еще не научились строить жизнь не на грязи и не

на крови, но мы понемногу учимся понимать и любить. Мы знаем, что на земле нечего любить, кроме человека, нечем возмущаться, кроме деяний человека, нечем любоваться, кроме творчества человеком новых форм жизни и красоты.

Я слежу за духовным ростом «Серапионовых братьев» с великими надеждами. Мне кажется, что эти молодые люди способны создать в России литературу, в которой не будет ни квинтэзиса, ни пассивного анархизма Льва Толстого, из нее исчезнет мрачное садистическое инквизиторство Достоевского и бескровная лирика Тургенева. Русское «скифство», «евразийство» и прочие виды скрытого славянофильства или хвастливого национализма не найдут сторонников среди «Серапионовых братьев». «Серапионовы братья» аполитичны, но они активны, влюблены в начало волевого, глубоко понимают культурное значение труда и заинтересованы просто человеком, каков он есть, вне сословий, партий, национальностей и верований. Они хорошо понимают, что Россия может нормально жить только в непрерывном общении с духом и гением Запада. Лев Лунц, автор стил<изован>ного рассказа «Пустыня» и двух пьес «Закон» и «Бертран де Борн», недавно решительно выступил с задорным докладом «На Запад!»⁵. В этом докладе он, может быть, не очень доказательно, но с глубоким убеждением говорит, что духовное общение с Западом необходимо России, как воздух. Лунц только что кончил университет в Петербурге и как филолог командирован в Испанию для изучения литературы латинских стран, в частности испанской.

Интереснейшей фигурой среди «Серапионовых братьев» является Вениамин Зильбер, фантаст, поклонник Гофмана, обладающий острым воображением и юмором, но еще не выработавший своего языка. Он очень молод, как и подобает Вениамину, но у него есть все для того, чтоб стать оригинальным писателем.

Значителен Михаил Зоценко, автор оригинальной серии «Рассказов г. Синебрюхова»⁶, писатель почти уже сложившийся, он нашел свой стиль, свои слова; это, я надеюсь, вы увидите по его рассказ<ам> «Виктория Казимировна» (в перев<оде> «Аполлон и Тамара»⁷). Синебрюхов — русский солдат, участник пагубной европейской войны, это Санчо Панса до знакомства с Дон-Кихотом.

Много обещает Михаил Слонимский; он тоже еще не нашел пока своего пути, но он обладает упорным и осторожным характером искателя. Его сборник рассказов «6-й стрелковый полк»⁸ имеет крупный успех.

Всеволод Иванов и Николай Никитин уже нашли определенное место в современной русской литературе, оба они — особенно Иванов — пишут много и весьма популярно. Они перегружены впечатлениями хаотического бытия России и не совсем еще научились справляться со своим богатейшим материалом. Мешает им и щегольство провинциализма языка. Они слишком увлекаются местными словарями пестрой России, где почти каждая губерния говорит своими словами. Это делает их рассказы почти не переводимыми на европейские языки. Но успех не опьяняет их, наоборот: они скорее испуганы им и единодушно пишут мне: «Нас очень хвалят, и мы чувствуем, что это нехорошо для нас». Это — искренно сказано. Я вижу, как оба они стараются преодолеть хаос своих впечатлений.

О глубоком знании Всеволодом Ивановым психики русского примитивного человека говорит рассказ «Жаровня Архангела Гавриила»⁹. Герой рассказа — очень распространенный в России тип искателя незыблемой правды. Люди этого типа, не умея своей волею творить правду, часто всю жизнь свою посвящают мечтам о ней, бродяжничают в поисках ее, ждут правды, как чуда, и порою, не встретив в жизни этой правды, в сущности неясной им, становятся мизантропами, анархистами. Революция уничтожает человека, пассивно ожидающего счастья, заменяя его посте-

пенно человеком, который пытается достичь счастливой жизни усилиями своей личной воли. И — повторяю — заслуга молодой русской литературы в том, что она правильно оценивает превалирующее значение воли, не утрачивая, однако, любви к мечте о реорганизации жизни в духе справедливости. Мечта, выдумка в искусстве и жизни играет ту же роль орудия познания истины, как гипотеза в области науки. Всеволод Иванов недавно издал роман «Голубые пески». Эта книга, несколько растянутая, дает очень яркую и широкую картину гражданской войны в Сибири и проникнута объективизмом истинного художника.

Константин Федин — серьезный, углубленный в себя писатель, работающий осторожно. Он из людей, которые не торопятся сказать свое слово, но говорят его хорошо. Сейчас он пишет большой роман, и я слышу, что работа удастся ему. Он учился в одном из университетов Германии, жил некоторое время в Бельгии¹⁰.

Луниц, Федин — студенты, Зильбер — тоже студент факультета восточных языков, он изучает специально арабский язык. Вс. Иванов — сибиряк, был типографским рабочим, М. Зоценко — солдат, Николай Тихонов — тоже солдат-красноармеец.

Я не считаю себя знатоком русской поэзии, но, по общему мнению знатоков ее, Тихонов обладает очень крупным талантом. Его увлекают сильные люди, героизм, активность — как раз все то, что совершенно необходимо России и что старая литература не воспитывала в русском народе.

По словам В. Ходасевича¹¹, лучшего, на мой взгляд, поэта современной России, большие надежды возбуждает юноша Чуковский; его поэма «Козленок» напечатана в первой книге журнала «Беседа».

Мне очень нравятся баллады В. Познер, юноши, живущего ныне в Париже, где он учится в Сорбонне и откуда вечною, кончив курс, намерен вернуться в Россию в круг «Серрапионовых братьев». Он пишет свободным стихом, обладает юмором, в его поэмах странно сочетаются ирония и пафос.

Интересны и оригинальны баллады Ирины Одоевцевой.

Вот краткая характеристика тех людей, от которых не один я ожидаю обновления русской литературы, эта литература, посвятив огромное количество сил освещению проблем социального бытия, слишком мало уделяла внимания человеку самому по себе. Ныне значительность личности в процессе истории все возрастает, о чем громоподобно говорит нам история наших трудных дней.

(Сааров, 15 марта 1923 г.)

Статья была впервые опубликована в переводе на французский язык в бельгийском журнале «Disque vert», 1923, №№ 4—6 под заглавием: «Группа „Серрапионовы братья“. Неопубликованное письмо Максима Горького» с пометкой «Saarow, 15 mars 1923». На русском языке (в переводе с французского) под названием «Горький о молодых» эта статья появилась в сокращенном виде («Жизнь искусства», 1923, № 22). Обширные цитаты из этой статьи (тоже в переводе с французского) приведены в книге Федина «Горький среди нас. Картины литературной жизни», ч. II, М., 1944, стр. 104—110 (см. также Конст. Федин. Собр. соч. в 9 томах, т. 9, М., 1962, стр. 285—288).

В настоящем томе статья печатается по рукописной копии из архива Горького. О соответствии копии автографу свидетельствует письмо Горького Слонимскому от 13 марта 1923 г., в котором приводится отрывок из статьи (см. стр. 385).

На копии, озаглавленной «Предисловие», воспроизведена следующая надпись Горького: «Я кратко характеризую всех „Серрапионовых братьев“, их восемь человек».

История создания статьи известна нам из переписки Горького с бельгийским писателем Францем Элленсом (псевдоним Фр. Ван Эрменгема, род. 1881 г.), издававшим в 1922—1923 г. журнал «Ecrits du Nord», позднее — «Disque vert». (См. «Переписка А. М. Горького с зарубежными литераторами». «Архив А. М. Горького», т. VIII, М., изд-во АН СССР, 1960, стр. 92—94).

Статья в журнале начинается словами, отсутствующими в русском тексте, хранящемся в АГ: «Дорогой брат, автор рассказа „Сад“ — Константин Федин — принадлежит к группе молодых русских писателей, которая носит название „Серрапионовы братья“. Эта группа родилась в 1919 году при следующих обстоятельствах...»

Текст французского перевода несколько сокращен по сравнению с русским оригиналом; в частности, опущена характеристика рассказов В. Иванова.

В статье Горького «Серapiоновы братья», предназначенной для зарубежного читателя и содержащей лаконичные характеристики каждого из «серapiоновцев», литературно-общественная позиция этой группы не получила достаточно верной и объективной оценки.

Горький сумел прозорливо увидеть в первых литературных шагах К. Федина, В. Иванова, Н. Тихонова многообещающее начало нового искусства, рожденного Октябрьской революцией. Но он явно недооценивал вредности формалистических и других чуждых советской литературе тенденций в статьях и пьесах Л. Лунца, в рассказах молодого В. Каверина. Провозглашенные некоторыми «серapiоновцами» лозунги «аполитического» искусства, идеи «независимости» художника от требований революционной эпохи тогда не встретили должного отпора со стороны Горького. Более того, в статье о «Серapiоновых братьях» сочувственно говорится о художественной заинтересованности молодых писателей «просто человеком», без учета той классовой роли, которую он играет в действительности.

Здесь, как и в некоторых других горьковских высказываниях о «серapiоновцах», проявились идейные заблуждения Горького начала 20-х годов приводившие его порой к мысли об отказе от сознательной политической целенаправленности в искусстве. Вскоре Горький пересмотрел эти взгляды, осудив попытки «найти свободу творчества вне строгих указаний истории, вне ее основной, организующей идеи» (т. 27, стр. 330).

Уже в 1925—1926 годах Горький критиковал «серapiоновцев» за их «робость и заигнанность перед лицом формального метода» (см. стр. 388). Вот как вспоминает об этом Федин, поясняя содержание своей переписки с Горьким: «Внутри кружка „серapiонов“ шла борьба за и против этого влияния формалистов, претендовавших не только на безусловность своих теоретических положений, но и на применение молодыми писателями на практике „норм“, узаконенных вкусами формализма. Уже в 1924—1925 гг. эта борьба привела к разобщенности „серapiонов“. Но так как на практике склонность „законами“ ОПОЯЗа давала себя все больше чувствовать, в кружке начался известный пересмотр их влияния, мешавшего основной цели молодой литературы — работе над темами войны и революции. Пересмотр „законов“ формализма привел к новому сближению „серapiонов“ в начале 1926 года (недолговечному, впрочем). Вот почему я писал Горькому, что мы „заново сошлись, по-новому все поняли“, и что живем „вопреки законодателям вкусов“, вне „правил“, которым стремились подчинить нас опоязовцы. И вот почему Горький называл „законодателей вкусов“ „создателями канонов“, уподобив эти каноны „кандалам для души“ художника. В этом смысле свободы души от „кандалов“ употребил он выражение „свободные художники“, что подтверждается его перепиской не со мною одним. Письма Горького, которые он посылал „серapiонам“, становились известными в их кругу. Стремление Горького оградить „серapiонов“ от формализма было хорошо им знакомо» (Письмо Федина главному редактору «Литературного наследства» И. И. Анисимову; речь здесь идет о его письме Горькому от 16 января 1928 г., напечатанном выше на стр. 498—500, и об ответе Горького от 28 января 1926 г. — на стр. 502—503).

В те же годы Горький настойчиво подчеркивал плодотворность партийной политики в сфере искусства. Так он писал в 1925 году: «На днях в „Правде“ опубликована — вполне своевременно, — резолюция ЦК „О политике партии в области художественной литературы“, — резолюция эта несомненно будет иметь крупнейшее воспитательное значение для литераторов и сильно толкнет вперед русское художественное творчество» (т. 29, стр. 432).

В заключительной речи на I съезде советских писателей он отмечал, что и те писатели, «которые считались беспартийными, „колеблющимися“, (<...> признали большевизм единственной боевой руководящей идеей в творчестве, в живописи словом» (т. 27, стр. 338), что бывшие «серapiоновцы» мыслят теперь политически.

¹ Михаил Леонидович *Лозинский* (1886—1955) — поэт и переводчик.

² Владимир Казимирович *Шилейко* (1891—1930) — ассириолог.

³ См. Горький — Слонимский, письмо 6, прим. 6.

⁴ И. В. *Одоевцева* — поэтесса. В группу «Серapiоновы братья» не входила.

⁵ Имеются в виду рассказы Л. Лунца «В пустыне» и пьеса «Вне закона». Статья «На запад!» напечатана в журнале «Беседа», 1923, № 3.

⁶ См. Горький — Федин, письмо 8, прим. 19.

⁷ Горький ошибся: «Апполон и Тамара» — другой рассказ Зоценко.

⁸ См. Горький — Слонимский, письмо 10, прим. 3.

⁹ Рассказ «Жаровия архангела Гавриила» напечатан в книге В. Иванова «Седьмой берег. Рассказы», М., «Круг», 1922.

¹⁰ Биографические сведения, которые сообщает здесь Горький, неточны.

В 1919—1923 гг. Федин был журналистом. Весной 1914 г. Федин поехал в Германию для усовершенствования в немецком языке. Разразившаяся война задержала его там в качестве гражданского пленного. В Бельгии в эти годы он не жил.

¹¹ См. Горький — Ласковая, письмо 2, прим. 1.